Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Сборник научных статей

Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2019

УДК 341(062)
ББК 67.9я431
А43

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 3 от 27.02.2019 г.

Редакционная коллегия:
доктор юридических наук, профессор **В.С. Елисеев** (отв. ред.);
кандидат юридических наук, профессор **А.В. Егоров;**
кандидат философских наук, профессор **А.А. Бочков;** кандидат юридических наук, профессор **И.И. Шматков;** кандидат юридических наук, профессор **А.П. Петров;** кандидат педагогических наук, доцент **Е.Ф. Ивашкевич;** доктор юридических наук, профессор **Р.А. Курбанов;** кандидат юридических наук, доцент **П.В. Гурщенков;** кандидат юридических наук, доцент **П.Г. Шеленговский;** начальник центра правовой поддержки и экономического развития ВГУ имени П.М. Машерова **А.В. Губаревич;** координатор проектов центра правовой поддержки и экономического развития ВГУ имени П.М. Машерова **А.А. Матросова**

Р е ц е н з е н т ы :
профессор кафедры права Смоленского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации *Л.В. Виницкий*;
декан юридического факультета Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации *В.Ф. Прокофьев*

А43 **Актуальные проблемы правового регулирования международных отношений :** сборник научных статей / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: В.С. Елисеев (отв. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2019. – 209 с.
ISBN 978-985-517-706-8.

В сборнике представлены научные публикации, в которых обсуждаются научно-практические подходы по решению актуальных проблем международных отношений.
Адресован научной юридической общественности, практическим работникам, преподавателям, студентам юридических факультетов, а также всем, кто интересуется вопросами юриспруденции.

УДК 341(062)
ББК 67.9я431

ISBN 978-985-517-706-8

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2019

СЕКЦИЯ 1
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

УДК 341.17(4)

ЕС – ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА: ОБЩНОСТЬ ЦЕЛЕЙ И ДИЛЕММЫ РЕАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ

Ватыль В.Н.
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

I. Интенсивно дискуссируемая в экспертном и научном сообществе череда вызовов и угроз для жизнедеятельности Европейского союза отражает объективный факт очередного этапа его противоречивого функционирования и назревших изменений. Одним из заметных вызовов являются периодические конфликты и раздоры в сотрудничестве ЕС с государствами Восточной Европы. Объектом рассмотрения в докладе станут взаимоотношения Евросоюза со странами восточноевропейского региона, предметом – единство в целях и различия в реализации субрегиональных интересов, целью – дискурс социально-политического моделирования взаимоотношений ЕС и государств Восточной Европы.

II. Конструкцию объяснительной модели основной части доклада составляет трехзвенная структурно-функциональная композиция, включающая: а) проективный компонент; б) инструменталистский компонент; в) сценарный компонент. История и текущее состояние интеграционных процессов в Европе дают основания для нескольких важных выводов. Во-первых, для успешного воплощения интеграционных планов в европейскую жизнь не хватало только лишь наличия экономических стимулов и осознание необходимости развития и углубление сотрудничества. Во-вторых, экономическое объединение становится эффективным при наличии политического взаимодействия. В-третьих, необходимыми предпосылками интеграции являются не только понимание общности на уровне экономического развития объединяющихся государств, но и учет их цивилизационных и историко-культурных различий. В-четвертых, современное состояние и перспективы европейской интеграции во многом зависят от признания действующими акторами в ЕС особенностей актуальных европейских интеграционных проектов: «Большая Европа», «Европа разных скоростей», «Другая Европа».

III. Проект «Большая Европа» отражает намерения той части наднациональной политической элиты Европы, которая стремится сохранить преимущества Евросоюза и распространить их за его пределы. Для них, главным

в сохранении жизнеспособности ЕС, является признание верховенства исходных идейно-символических ценностей и принципов Союза и обязательное следование им.

Проект «Европа разных скоростей» отражает реалии ЕС: внешние вызовы и угрозы – проблемы в зоне евро миграционный шок, референдум в Великобритании; внутренний кризис институционального развития ЕС. Дисбалансы в функционировании Евросоюза, стимулировали появление различных вариантов стратегии гибкой интеграции на ближайшую перспективу. Воплощение проекта «Европа разных скоростей» выявили тенденцию формирования в пространстве ЕС «ядра» и «периферии», что не устраивало государства – «новобранцы» ЕС.

Проект «Другая Европа» воплощает стремление к преодолению тенденции асимметрии и нивелировки, существующих в сегодняшних европейских интеграционных процессах. Последнее десятилетие показало неустранимость социокультурного многообразия не только в неевропейском мире, но и в географическом ареале самой Европы. Будущее Евросоюза как наднационального экономического и политического образования, как метакультурного объединения предполагает учет не только национально-государственного, но и локально-регионального многообразия.

IV. Невозможность существования гомогенного во всех отношениях европейского единства, а также стремление ряда присоединившихся государств к сохранению своих особенностей в социокультурном пространстве Европы делает востребованным и актуальным опыт стран Восточной Европы. Восточная Европа, как субрегион Большой Европы, может стать символом проекта «Другой Европы». Для этого она обладает достаточными ресурсами. ВЕ включает 11 стран-членов и 5 кандидатов в члены ЕС (не считая Косово) с совокупной территорией в 1,2 млн. кв. км (расположенной в стратегической зоне между Средиземноморьем и Балтикой), населением в 112 млн. чел. и ВВП в $ 2,9 трлн., что определяет его экономическую и геополитическую значимость для основных игроков в «Большой Европе» – западных стран ЕС, России, США, а в последнее время и Китая. Государства Вишеградской группы, как символа «Другая Европа», после вступления в ЕС превратились в седьмую экономики Европы и 15-ю в мире с территорией 5,3 млн. кв. км и населением 64,3 млн. чел.

V. Формирование Вишеградской группы началось по всем законам общеевропейской интеграции – с закладывания основ общего рынка, единого экономического пространства, которое в дальнейшем позволило этим странам ускорить свое присоединение к большому Европейскому союзу. Затем это направление было дополнено поисками региональных закономерностей, позволяющих выделить вишеградский регион на пространстве большой Европы. Этот регион, пройдя сквозь столетия и непростые испытания, которые подступали к нему то с Запада, то с Востока, действительно, выработал неповторимое своеобразие, выразившееся, с одной стороны, в синтезе их цивилизационных характеристик, с другой – в особом отношении к

своей собственной идентичности. Результатом стал обостренный критический настрой, переходящий в скепсис, как только речь заходит о далеко идущих европейских интеграционных инициативах. Эти страны объединяет стремление следовать за передовыми технологиями и политическими веяниями и одновременно необычайно трепетное отношение к своим собственным вековым традициям, языку и культуре. Таким образом, этот регион столетиями превращался в квинтэссенцию европейского западного и европейского восточного, реализовав это в своей соединяющей, мостовой миссии, которая часто вырывается на поверхность вне зависимости от конъюнктурных веяний политики.

VI. Это наиболее динамичный регион Восточной Европы, уже не одно десятилетие пытавшийся заявить о себе в самых разных, преимущественно реформаторских качествах, что очень напоминает мучительно искомый человечеством в XX столетии «третий путь», почему-то в случае Восточной Европы окрещенный недоброжелателями как «догоняющее развитие». Именно в Вишеградских странах имели место попытки радикального изменения существующей системы в 1956, 1968, 1980 гг. И после неудач здесь же рождались новые планы переустройства общества, существовавших в нем экономических и политических отношений. Регион, пытаясь порвать с одним неорганичным ему строем, пытался вырваться в другой, столь же мало соответствующий его традициям. В результате он оказывался в постоянной борьбе и движении, подстегиваемый противоречиями. Большое влияние на регион оказывало то обстоятельство, что на его территории в XX в. скрестились основные идеологические бои между Востоком и Западом. Поэтому фактор внешнего воздействия стал определяющим для региона в XXв. Благодаря этому интенсивно развивались внешние экономические контакты региона. Ко времени вступления в Европейский союз Вишеградский регион стал главным восточноевропейским партнером Евросоюза и одновременно России, оставив далеко позади Балканские страны и Прибалтику.

VII. Обострение текущих проблем Евросоюза способствовало укреплению политической и, в меньшей степени, экономической роли Вишеградской группы (Венгрия, Польша, Словакия и Чехия). Они контролировали более 14% мест в Европарламенте и курировали ряд ключевых направлений в Еврокомиссии (энергетический союз, внутренний рынок и промышленность, правосудие, образование, культура и молодежь). Групповая солидарность позволяла «четверке» по ряду важных вопросов (миграции, энергетике, экономическому и валютному союзу ЕС) занимать относительно независимую позицию на разных уровнях. Так, в декабре 2018 г. на глобальном уровне «вишеградцы» не подписали подготовленный ООН и поддержанный Брюсселем и «старыми» странами ЕС Глобальный договор о миграции, а на уровне ЕС фактически сорвали принятие полного пакета соглашений по реформе общей системы предоставления убежища. «Вишеградцы» не поддержали предлагаемую ЕК очередную реформу Общей аграрной политики ЕС в 2021-2027 гг., но активно лоббировали изменения в промышленной и конкурентной политике, нацеленные на создание «европейских чемпионов» -

крупных компаний, способных противостоять конкурентам из Китая и США. На субрегиональном уровне в октябре 2018 г. был анонсирован проект высокоскоростной железнодорожной магистрали Будапешт-Варшава, соединяющей все страны «четверки». Она, по сути, станет продолжением аналогичной магистрали Белград- Будапешт, которая сооружается в рамках китайской инициативы «Один пояс, один путь», вызывающей раздражение Брюсселя.

VIII. По стратегии развития ЕС позиции стран «четверки» разнятся – от жесткой критики Брюсселя Венгрией и Польшей до умеренного евроскептицизма Чехии и «евролояльности» Словакии. Скорее всего победит чехо-словацкая версия «третьего» пути, избегающая крайностей федерализма Брюсселя и национализма ряда новых и старых стран. Это обусловлено высокой экономической зависимостью «четверки» от франко-германского ядра ЕС (например, 40% их общей внешней торговли приходится на ФРГ), намеченным сокращением финансирования из бюджета ЕС и ожидаемым новым мировым экономическим кризисом. Однако элементы «ползучих» «полекзита» или «венгрекзита» не исключены.

УДК 341.4

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ

Жуков И.Г., Хацук Ж.В.
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

В настоящей статье изучается понятие международного терроризма, подходы к его определению и его основные черты. Производится правовой анализ основ международного сотрудничества государств в сфере борьбы с терроризмом, а также рассматриваются формы взаимодействия государств в сфере борьбы с международным терроризмом.

На данный момент угроза международного терроризма весьма актуальна, опасность со стороны террористических организаций нависла теперь не только над странами, которые имеют предпосылки для появления этих организаций и осуществления террористической деятельности, но и для стран, которые ранее не имели угрозы с их стороны. Из угрозы национального или регионального уровня терроризм превратился в угрозу глобального характера, который тесно связан с «транснациональной организованной преступностью, незаконными наркотиками, отмыванием денег, незаконным оборотом оружия и незаконными перевозками ядерных, химических, биологических и других потенциально смертоносных материалов».

Одной из важней функцией государства является обеспечение национальной безопасности, которая изначально понималась как недопущение внешней агрессии, а на современном этапе в нее включили и «вопросы, связанные с угрозой внутренней дестабилизации». Проблема международного

терроризма затрагивает все, без исключения, страны, что приводит к необходимости и заинтересованности многих государств в объединении своих усилий и совместном поиске наиболее действенных механизмов, которые позволят решить данную проблему.

Попытки определить терроризм в рамках ООН не увенчались успехом, что не удивительно, поскольку для одних терроризм преступление, для других — борьба за "правое дело". В связи с чем в международном праве отсутствует исчерпывающий перечень деяний, относящихся к международному терроризму. Из-за этого рассматривать международный терроризм можно, как совершение деяний, признанных международным правом- террористическим актом.

В ряде научных трудов международный терроризм подразделяется в зависимости от субъектов террористической деятельности два вида: 1) террористическая деятельность, организуемая и осуществляемая государством, то есть государственный терроризм; 2) террористическая деятельность, организуемая и осуществляемая лицами и группами лиц, объеденными в организации, самостоятельно, независимо от каких-либо государств, - транснациональный терроризм. В свете того, что существует «традиционный» способ классифицировать терроризм, как государственный и международный, то возникает новый виток противоречий.

Существуют различные подходы к видам и направлениям терроризма. Выделяются, в частности, следующие его направления: – социальный терроризм, целью которого является изменение конституционного строя или экономических порядков в стране; – националистический терроризм, осуществляемый организациями сепаратистской направленности; – религиозный терроризм, выражающийся в крайних формах борьбы сторонников различных религий [1, с.19].

Отличительные особенности современного терроризма: формирование руководящих органов для планирования международной террористической деятельности; возбуждение антиправительственных настроений в обществе для борьбы за влияние и власть; проникновение в государственные, особенно силовые, структуры; создание сети баз по подготовке боевиков и обеспечению операций в различных регионах мира; создание сети финансовых учреждений, которые используются в качестве прикрытия и финансирования их операций; использование права на политическое убежище. предоставляемое рядом государств; использование конфликтных и кризисных ситуаций для распространения своего влияния.

В последние десятилетия терроризм интернационализировался, появились международные и транснациональные группировки, возникли связь и взаимодействие между некоторыми террористическими организациями (например, алжирскими и европейскими, чеченскими и арабскими, арабскими и афгано-пакистанскими). Наиболее опасным это явление становится тогда, когда оно поддерживается государственными режимами, особенно диктаторского, националистического, сепаратистского и подобных им типов. Важной особенностью современного терроризма, которая должна оставаться в поле

зрения экспертов и аналитиков по данной проблематике, является трансформация терроризма в серьезный фактор инициирования и формирования очагов военной опасности и милитаризации ситуации в ряде регионов мира.

Одним из приоритетных направлений антитеррористической деятельности является выработка международно-правовых норм. На данный момент под эгидой Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждений разработано 16 международных соглашений (11 конвенций и 5 протоколов), направленных на борьбу с терроризмом и открытых для участия всех государств мира.

Важнейшее направление сотрудничества – активное содействие устранению причин, лежащих в основе международного терроризма. Особое значение в этой области приобретают скоординированные усилия государств по устранению очагов международной напряженности, региональных кризисов и конфликтов, являющихся питательной почвой террористических актов и других проявлений насилия.

Долг каждого государства – вносить свой вклад в международные усилия по ликвидации коренных причин этого явления. Принцип сотрудничества охватывает также такие конкретные направления, как: взаимодействие государств в рамках международных соглашений и организаций; разработка новых договоренностей; принятие практических мер по предотвращению террористических посягательств, включая обмен информацией и координацию необходимых мер; оказание государствами друг другу уголовно-процессуальной помощи; сотрудничество в целях мирного урегулирования споров, касающихся толкования и применения конвенций в области борьбы с терроризмом.

Сегодня приоритет следует отдать другим практическим мерам реализации на практике принципа взаимного признания решений судебных органов. Здесь основной мерой является европейский ордер на дачу свидетельских показаний, который позволяет государству – члену ЕС получать от любого лица в границах ЕС свидетельские данные для вынесения приговора террористам.

Другой общей чертой является закрепление принципа aut dedere, aut juridicare (либо выдай, либо накажи) вместе с положениями об экстрадиции, что делает международный терроризм преступлением с универсальной юрисдикцией (за некоторыми исключениями).

Необходимо определение принципов информационного освещения антитеррористической компании и терактов как таковых. Работа на всех этих направлениях только начинается, и пока она не завершится, мы не сможем эффективно противостоять терроризму.

История современной международной борьбы с терроризмом восходит к первой половине 60-х гг. XX в. За полувековой период в рамках деятельности ООН и ее специализированных учреждений принято 16 международных соглашений по борьбе с терроризмом, среди которых 13 конвенций и 3 протокола к ним [2, с. 425].

Следует заметить, что после принятия в ООН 9 декабря 1994 г. Декларации о мерах по ликвидации международного терроризма в 1996 г. в дополнение к этой декларации был учрежден Специальный комитет по противодействию терроризму. С тех пор ООН рассматривает эти вопросы на постоянной основе.

Международное сотрудничество в области борьбы с терроризмом осуществляется также и на таком важнейшем направлении, как создание и обеспечение функционирования различных специализированных международных организаций. Пожалуй, важнейшей из них является Контртеррористический Комитет (КТК) ООН, созданный в соответствии с резолюцией 1373 в 2001 г [3].

Основной целью Комитета является обеспечение исполнения резолюции 1373, которая обязывает государства: 1) ввести уголовную ответственность за финансирование терроризма; 2) безотлагательно заблокировать любые средства, связанные с лицами, которые замешаны в террористических актах; 3) не предоставлять ни в какой форме финансовую поддержку террористическим группам; 4) не допускать предоставления убежища, помощи или поддержки террористам; 5) вести обмен информацией с другими правительствами в отношении любых групп, совершающих или планирующих совершить террористические акты; 6) сотрудничать с другими правительствами в расследовании, обнаружении, аресте, выдаче и преследовании лиц, замешанных в таких актах; 7) установить в национальном праве уголовную ответственность за активное и пассивное содействие терроризму и предавать нарушителей суду [4].

Помимо КТК, противодействию терроризму посвящена деятельность СБ ООН и Глобального контртеррористического форума в рамках ООН, открывшегося в Нью-Йорке в сентябре 2011 г., планируется создание Центра по борьбе с терроризмом в ООН. В связи с чем Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун отметил: «Мы придаем все большее значение поддержке региональных и субрегиональных усилий. Мы приветствуем предстоящий Глобальный контртеррористический форум и ум ножим наши усилия по заключению Всеобъемлющей конвенции против терроризма. Эффективное противодействие терроризму требует сочетания социальных, образовательных, экономических и политических инструментов, которые нацелены на факторы, делающие терроризм привлекательным» [5, с. 385].

Республика Беларусь осуществляет партнерство в Европе с государствами-членами Интерпола. На 33-й Европейской конференции Интерпола, которая состоялась в июне 2004 г. в Киеве, Беларусь первой среди стран СНГ была избрана в Европейский комитет Интерпола. В состав данного комитета вошли представители восьми государств-членов СНГ. На его заседаниях принимаются стратегические и тактические решения по повышению эффективности и качества полицейского сотрудничества, в борьбе с международной преступностью, а также принимаются основополагающие акты, регламентирующие работу полиции европейских стран в данной сфере деятельности.

На наш взгляд, между Европолом и Национальным центральным бюро Интерпола Республики Беларусь необходимо заключить специальное соглашение о партнерстве. Это стало бы международно-правовой основой для обмена необходимой информацией в интересах раскрытия уголовных преступлений международного характера, а также поиска международных преступников [2, С. 6]

В последние годы Беларусь развивает такую форму межведомственного сотрудничества, как обмен профессиональным, техническим и научно-исследовательским опытом. В частности, сотрудники правоохранительных органов Республики Беларусь регулярно принимают участие в работе различных международных семинаров и курсов по повышению квалификации, в том числе в США, Великобритании и других странах. Подобные семинары и встречи по обмену опытом проходят и в Беларуси. По нашему мнению, представители

Республика Беларусь осуществляет партнерство в Европе с государствами-членами Интерпола. На 33-й Европейской конференции Интерпола, которая состоялась в июне 2004 г. в Киеве, Беларусь первой среди стран СНГ была избрана в Европейский комитет Интерпола. В состав данного комитета вошли представители восьми государств-членов СНГ. На его заседаниях принимаются стратегические и тактические решения по повышению эффективности и качества полицейского сотрудничества, в борьбе с международной преступностью, а также принимаются основополагающие акты, регламентирующие работу полиции европейских стран в данной сфере деятельности.

Резюмируя все вышеперечисленное можно сделать вывод, что на данный момент налажена система взаимоотношений для борьбы с актами международного терроризма, в связи возрастанием угрозы, которую стали представлять различные террористические организации и последствиями, нанесенных последними актами проявления международного терроризма. На сегодняшний день выработаны четкие принципы на основании, которых различные государства осуществляют взаимодействие в сфере борьбы с международным терроризмом, а также принято большое количество нормативно-правовых актов, регулирующие деятельность государств в сфере противостоянию террористической угрозе.

Есть мысль, что все-таки необходимо создать единую мировою нормативно-правовую базу, на основании, которой будут функционировать различные организации, созданные для борьбы с международным терроризмом. Точно можно сказать, что терроризм, на данный момент, является одной из основных угроз для поддержания мира и стабильности в обществе и мировая общественность делает все необходимое для скорейшего урегулирования данной проблемы и несмотря на позицию, что необходимо больше реальных действий, а все остальное-это лишь пустая болтовня, но правильно созданная нормативно-правовая база позволит максимально оптимизировать деятельность по противостояние терроризму, навсегда разграничивать деятельность освободительных движений, движений за изменению государственного устройства от террористической.

Список использованных источников

1. Василенко В.И. Международный терроризм в условиях глобального развития (политический аспект). М., 2003; Сыроежкин К.Л. Обыкновенный терроризм // Геополитика – безопасность – терроризм: Сб. статей под ред. Е.А. Вертлиба. Бишкек, 2006.
2. Терроризм. Правовые аспекты противодействия: нормативные и международные правовые акты с комментариями, научные статьи / под ред. И.Л. Трунова и Ю.С. Горбунова. М., 2007.- 768 с.
3. Борьба с международным терроризмом: сборник документов / под ред. К. А. Бекяшева. М., 2005.
4. Горбунов Ю.С. Терроризм и правовое регулирование противодействия ему. М., 2008.
5. Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации от 23.09.1971 г. // Терроризм. Правовые аспекты противодействия: нормативные и международно-правовые акты с комментариями, научные статьи / под ред. И.Л. Трунова и Ю.С. Горбунова. М.: Эксмо, 2007. 768 с.
6. Пуховский, В.И. Глобальный терроризм и роль международного сообщества в борьбе с ним / В.И. Пуховский // Юридический журнал. – 2006.– №1. – С. 4–10.

УДК 342.9:351.756(476)

ПРОБЛЕМАТИКА НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИ АДМИНИСТРАТИВНОМ ВЫДВОРЕНИИ ЗА ПРЕДЕЛЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Плоскунов Д.В., Телятицкая Т.В.
Белорусский государственный экономический университет

Актуальность надзора за исполнением законодательства при административном выдворении за пределы Республики Беларусь определяется интенсивностью глобализации, усиливающейся миграцией, а также подвижностью нормативных основ как правового положения иностранцев и лиц без гражданства (далее – иностранцев), так административной ответственности. При таких обстоятельствах особое значение имеет правильное и точное соблюдение норм права, определяющих порядок и условия лишения таких лиц возможности нахождения на территории Республики Беларусь.

Методологическую основу данного исследования составляют такие методы, как анализ, метод комплексного исследования, формально-юридический метод и метод сравнительного правоведения, его цель – определить компетенцию прокурора по надзору за исполнением законодательства при административном выдворении за пределы государства и возможные направления совершенствования законодательства.

Депортация наряду с высылкой представляет собой меру административного принуждения, однако и теория права, и национальное законодательство требуют различать эти понятия.

Как установлено статьей 6.11 КоАП, депортация – это мера административной ответственности, выражающаяся в административном выдворении за пределы Республики Беларусь и применяемая исключительно в отношении иностранцев [1].

Такое взыскание в настоящее время предусмотрено за 7 составов административных правонарушений (ст. 16.2, ч. 1 ст. 23.24, ст.ст. 23.29, 23.30, 23.31, 23.32, ч.ч. 1 и 6 ст. 23.55 КоАП). Порядок его исполнения определяется главой 20 ПИКоАП и Положением о порядке депортации иностранных граждан и лиц без гражданства (далее – Положение о депортации) [9; 4].

Ввиду отсутствия у прокурора права приостановить исполнение депортации основным инструментом надзора и выявления нарушений законодательства при исполнении постановления о наложении такого взыскания выступает санкционирование применения меры обеспечения административного процесса в виде административного задержания иностранца на срок, необходимый для исполнения депортации (п. 3 ч. 2 ст. 2.15, ч. 7 ст. 8.4 ПИКоАП). С учетом положений ст. 10.13 ПИКоАП, предусматривающих возможность получения санкции на осмотр жилища и иного законного владения как у прокурора, так и у его заместителя, представляется, что правом санкционирования задержания иностранца ПИКоАП наделил только прокурора как руководителя соответствующей прокуратуры (либо лицо, исполняющее его обязанности). Поэтому полагаем, что правом дачи санкции на задержание физического лица целесообразно наделить также и заместителя прокурора.

Дополнительным средством прокурорского надзора и способом устранения нарушений законодательства при исполнении названного взыскания является право прокурора отменить противоречащее законодательным актам постановление о наложении административного взыскания, вынесенное в порядке, предусмотренном ч. 3 ст. 10.3 ПИКоАП. Однако с учетом характера выносимого органом ведущим административный процесс постановления, вступающего в силу с момента вынесения, положений п. 5 ч. 7 ст. 6.5 КоАП, позволяющих выносить такие постановления лишь в отношении иностранцев, прибывших в пункт пропуска через Государственную границу Республики Беларусь для выезда из Республики Беларусь, и требования п. 2 Положения о депортации о немедленном обращении его к исполнению соответствующее полномочие прокурора носит ретроспективный характер и может повлиять лишь на оценку законности решений органа, ведущего административный процесс, поскольку депортация уже фактически будет исполнена.

Существуют и другие проблемы правового регулирования депортации, которые могут возникнуть при осуществлении полномочий на данном участке прокурорского надзора.

Так, в одних случаях депортация исполняется органом, ведущим административный процесс, которым ранее были совершены все процессуальные действия (подготовка дела к рассмотрению, его рассмотрение), в других – тем, который определен законодательством. Например, протокол по делу

о незаконном пересечении Государственной границы Республики Беларусь (ст. 23.29 КоАП) может быть, в частности, составлен органом пограничной службы. В таком случае этим же органом рассматривается дело об административном правонарушении (ст. 3.11 ПИКоАП) и исполняется взыскание в виде депортации. Протоколы по делам о сокрытии источника заражения венерическим заболеванием либо уклонении от обследования (ст. 16.2 КоАП) составляются должностными лицами органов внутренних дел (далее – ОВД) и рассматриваются судом (п. 1 ч. 1 ст. 3.30, ст. 3.2 ПИКоАП). В данной ситуации депортация исполняется ОВД (п. 2 Положения о депортации).

В то же время по вопросу исполнения депортации в законодательстве имеются отдельные противоречия: Положение о депортации в качестве органов, компетентных исполнять такое взыскание, определяет ОВД, органы пограничной службы и государственной безопасности (п. 2). На них возлагаются обращение постановления по делу об административном правонарушении к исполнению, предупреждение иностранцев об ответственности за незаконное пересечение Государственной границы и нарушение срока запрета въезда в Республику Беларусь, организация их выезда и конвоирование до Государственной границы, обеспечение возмещения ими расходов по депортации и др.

ПИКоАП определяет, что за совершение правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 23.24 КоАП, протоколы могут быть также составлены органами Комитета государственного контроля Республики Беларусь (далее – КГК) и налоговых органов, по ст. 23.32 КоАП – таможенными органами (пп. 16, 26 и 21 ч. 1 ст. 3.30 ПИКоАП). Дела по ст. 23.32 КоАП рассматриваются таможенными органами, если протоколы о совершении таких правонарушений составлены их должностными лицами. Следовательно, дела по составленным налоговыми органами и органами КГК протоколам подлежат рассмотрению судом.

Вместе с тем, ч. 1 ст. 20.1 ПИКоАП возлагает исполнение депортации на орган, ведущий административный процесс. Однако в Положении о депортации органы КГК, налоговые и таможенные органы не упоминаются. С учетом судебного рассмотрения дел в первых двух случаях компетентным органом будет ОВД, а в последнем – орган пограничной службы (поскольку из числа перечисленных в Положении о депортации компетентных органов только он наделен правом составления протоколов по ст. 23.32 КоАП).

Не способствует единообразию правоприменительной практики и проблема депортации иностранца, уклоняющегося от добровольного выезда, тем более, что ч.ч. 1 и 3 ст. 20.3 ПИКоАП не обеспечивают единство терминологии. Разрешение ходатайства о предоставлении иностранцу права добровольно и за счет своих средств покинуть пределы Республики Беларусь отнесено к компетенции суда и органа, *вынесшего* постановление о депортации (то же касается отсрочки и прекращения исполнения депортации (ст.ст. 14.7 и 13.4 ПИКоАП)). В свою очередь, меры по задержанию уклонившегося от добровольного выезда иностранца принимаются органом, ведущим административный процесс. В названных случаях остается четко неурегулированным вопрос о том, какой все-таки орган должен принимать такие меры. Если должностные лица таможенных органов и органов финансовых расследований КГК наделены правом задержания физических лиц (п. 6 ч. 2 ст. 8.2, ст. 8.3 ПИКоАП), то у должностных лиц налоговых органов,

равно как и у сотрудников КГК (кроме должностных лиц подразделений финансовых расследований) такие полномочия отсутствуют. В последнем случае по их обращению задержание иностранца может быть произведено ОВД. При этом компетенция уполномоченных на задержание должностных лиц в рассматриваемой ситуации также противоречива, поскольку ст. 8.3 ПИКоАП определяет право на задержание физического лица при выявлении административных правонарушений, однако в данном случае такая мера обеспечения административного процесса применяется в целях исполнения постановления по делу об административном правонарушении. Применение же аналогии закона в случае ограничения прав запрещено (ч. 2 ст. 71 Закона Республики Беларусь от 17.07.2018 № 130-З «О нормативных правовых актах» (далее – Закон о НПА)) [6].

Названные противоречия подлежат также аналитическому осмыслению прокурором при санкционировании задержания иностранца (ч. 7 ст. 8.4, ч. 3 ст. 20.3 ПИКоАП, п.п. 7, 8 и 10 Положения о депортации).

Кроме того, требует проработки и вопрос необходимости санкционирования прокурором решений об освобождении задержанных до исполнения депортации иностранцев в связи с приостановлением, возобновлением, прекращением депортации или ее исполнением в добровольном порядке (п. 6 и 10 Положения о депортации). Согласно ч. 1 ст. 36 Закона Республики Беларусь от 08.05.2007 № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» прокурор или его заместитель дает санкцию на проведение процессуальных и иных действий или оперативно-розыскных мероприятий в случаях, предусмотренных законодательными актами [8]. При этом ПИКоАП не предусматривает санкционирование освобождение административно задержанного, а постановление Совета Министров Республики Беларусь, утвердившее Положение о депортации, законодательным актом не является (ч. 5 ст. 2 Закона о НПА). В подобной ситуации, когда идет речь об отмене примененной с санкции прокурора меры пресечения или иной меры процессуального принуждения в виде временного отстранения от должности, УПК требует получить согласие прокурора или его заместителя [10, ст.ст. 119, 131].

При таких обстоятельствах нельзя не согласиться с мнением В.А. Круглова о необходимости включения порядка (механизма) исполнения постановлений о депортации в ПИКоАП, унифицировав эти положения с российским законодательством [3, с. 606]. С учетом небольшого объема Положения о депортации, редко вносимых в него изменений и дополнений, на наш взгляд, такой подход позволит устранить имеющиеся противоречия, обеспечить единство терминологии и правового регулирования.

Следует отметить, что российский административно-деликтный закон устанавливает конкретный перечень субъектов, уполномоченных исполнять постановление об административном выдворении за пределы государства, а также порядок его исполнения: возможность контролируемого самостоятельного выезда выдворяемого, официальной передачи иностранца представителю властей государства, на территорию которго он выдворяется (согласно международному договору с таким государством), либо административное выдворение в определяемом

пограничными органами месте (при отсутствии такого международного договора) [2, ст. 32.10].

Положение о депортации предусматривает возможность передачи депортированных иностранцев уполномоченному органу государства, в которое он депортируется, в пунктах пропуска через Государственную границу только по согласованию с уполномоченными органами иностранного государства (за исключением белорусско-российского участка) (п. 15).

Депортация из Республики Беларусь в Российскую Федерацию осложняется тем, что сотрудники компетентного белорусского органа имеют право конвоирования иностранца лишь до Государственной границы. На практике не всегда имеется возможность следовать с иностранцем непосредственно до пограничной линии, что выражается в следующем. Конвоируя иностранца, к примеру, на пригородном поезде по маршруту «Витебск (Республика Беларусь) – Рудня (Российская Федерация)», должностное лицо компетентного органа сходит с поезда на станции Заольша (последняя на территории Беларуси), оставляя иностранца в салоне поезда и наблюдая за его дальнейшим движением, в том числе на территорию Российской Федерации. Особенности приема-отправления поездов, ненастная погода и прочие явления могут ухудшить условия наблюдения и с учетом возможности ручного открывания (отжатия) дверей пригородного поезда способствовать сходу иностранца с него еще до пересечения Государственной границы. В случае же ее пересечения открытость данного участка границы способствует нарушению иностранцами срока запрета въезда в Республику Беларусь, устанавливаемого для депортируемых продолжительностью от 6 месяцев до 5 лет [7, ст. 70], влекущему ответственность по ст. 371^2 УК.

В свою очередь, высылка может быть применена тогда, когда лицо не может быть депортировано: в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод граждан Республики Беларусь и других лиц, а также после освобождения из арестного дома или исправительного учреждения [7, ст. 65]. Следовательно, высылка – это также административное выдворение за пределы государства, которое не связано с совершением административного правонарушения, не является взысканием и базируется на иных правовых основаниях. Таким образом, высылка является административно-предупредительной мерой, направленной на предупреждение как административных проступков, так и преступлений.

При этом высылка носит административный характер в силу внесудебного порядка ее применения: соответствующее решение принимается ОВД или органом госбезопасности (п. 3 Положения о порядке осуществления высылки иностранных граждан и лиц без гражданства из Республики Беларусь) [5].

Основные полномочия прокурора по осуществлению надзора за соблюдением законодательства о высылке иностранцев также сводятся к санкционированию их задержания или освобождения (п.п. 13, 24, 24^1, 33 названного Положения).

Таким образом, в целях правильного, точного и единообразного исполнения требований законодательства об административном выдворении иностранцев за пределы Республики Беларусь и осуществления прокурор-

ского надзора за этой деятельностью необходимо совершенствование ряда правовых установлений, регламентирующих порядок реализации названных мер административного принуждения, в том числе путем заимствования опыта иностранных государств.

Список использованных источников

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г., № 194-З : принят Палатой представителей 17 декабря 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апреля 2003 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 30 декабря 2001 г., № 195-ФЗ : принят Гос. Думой 20 декаб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 декаб. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 23.04.2019 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2019.

3. Круглов, В.А. Комментарий к Процессуально-исполнительному кодексу Республики Беларусь об административных правонарушениях / В.А. Круглов. – Минск : Амалфея, 2017. – 640 с.

4. Об утверждении Положения о порядке депортации иностранных граждан и лиц без гражданства [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 15 мар. 2007 г., № 333 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 11.07.2014 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

5. Об утверждении Положения о порядке осуществления высылки иностранных граждан и лиц без гражданства из Республики Беларусь и признании утратившими силу некоторых постановлений Совета Министров Республики Беларусь по вопросам депортации таких лиц [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 3 фев. 2006 г., № 146: в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 03.04.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

6. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июл. 2018 г., № 130-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

7. О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2010 г., № 105-З :в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

8. О прокуратуре Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 8 мая 2007 г., № 220-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

9. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 20 дек. 2006 г., № 194-З : принят Палатой представителей 9 ноября 2006 г. : одобр. Советом Респ. 1 декабря 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

10. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июл. 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

УДК 342:004:347.77/78(476)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОСНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Сафонова Т.В.
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

Государственная информационная политика, реализуемая в Республике Беларусь, до настоящего времени концептуально не оформлена, частично отражена в принятых стратегических и программных документах: Стратегии развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 гг., Государственной программе развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 гг, Концепции информационной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь 18.03.2019 №1 (далее-Концепция), которые касаются лишь некоторых ее направлений, связанных с информатизацией, цифровизацией и информационной безопасностью.

Принятие Концепции является своевременным, целесообразным и необходимым шагом на пути формирования четкой и слаженной системы обеспечения информационной безопасности Республики Беларусь. Концепция представляет собой систему официальных взглядов на сущность и содержание обеспечения национальной безопасности в информационной сфере.

Однако, реализация государственной информационной политики в сфере массовой информации, информационного обеспечения деятельности государственных органов и организаций, субъектов хозяйствования, правового информирования граждан, повышения их информационно-правовой культуры, обеспечения неприкосновенности частной жизни и персональных данных, обеспечения права на информацию, права на защиту от информации, причиняющей вред духовно-нравственной сфере личности продолжают осуществляться бессистемно и непоследовательно, не имея под собой концептуальных и стратегических основ.

Конституционно-правовые основы государственной информационной политики Республики Беларусь достаточно сформированы, хотя и требуют дальнейшего совершенствования.

Конституционной основой государственной информационной политики являются нормы Конституции Республики Беларусь закрепляющие право на информацию (ст. 34), право на свободу мнений, убеждений и их свободное выражение (ст.33), право на защиту от незаконного вмешательства в личную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство (ст. 28). Правовую основу составляет информационное законодательство Республики Беларусь.

Право на информацию, закрепленное ст.34 Конституции включает право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, общественных объединений, о политической, экономической, культурной и международной жизни, состоянии окружающей среды.

Право искать и получать информацию о деятельности государственных органов является одним из неотъемлемых и фундаментальных прав гражданина в современном обществе, с помощью которого индивид может реализовать свои права в различных сферах. Однако, это не единственное назначение этого права. Согласимся с мнением Н.А. Савановича, который полагает, что наличие такого права выступает одновременно в качестве средства контроля населения над деятельностью государственного аппарата, обеспечения открытости и гласности органов власти.[2]

Право на неприкосновенность частной жизни является одним из его основных конституционных прав, принадлежит человеку от рождения, неотчуждаемо и не передается иным образом. Никто не вправе требовать от гражданина предоставления информации о его частной жизни, информации, составляющей личную и семейную тайну, включая сведения, касающиеся его происхождения, здоровья, взглядов, политических и религиозных убеждений, либо получать такую информацию иным образом помимо воли данного лица. Цифровая эпоха расширяет содержание права на неприкосновенность частной жизни, дополняя его правом на защиту персональных данных.

Однако, в связи с развитием информационных технологий, формированием регистра населения и других информационных ресурсов, аккумулирующих информацию о гражданах, появлением новых доступных программно-технических способов получения несанкционированного доступа к информации, реализация права на неприкосновенность частной жизни становится все более затруднительным, а соответствующая конституционная норма приобретает характер «де-юре».

Согласно ст. 33 Конституции Республики Беларусь, никто не может быть принужден к выражению своих убеждений или отказу от них. Одним из способов реализации свободы мнений, убеждений и их свободного выражения является использование средств массовой информации.

В Республике Беларусь система средств массовой информации является основой реализации конституционного права на свободу слова, при этом создаются необходимые организационно-правовые условия для обеспечения информационного суверенитета.

Ужесточение государственной информационной политики в сфере деятельности СМИ повлекло изменения в законодательстве Республики Беларусь о средствах массовой информации.

Так, например, изменения, внесенные в 2016 году в Закон Республики Беларусь «О средствах массовой информации» от 17 июля 2008 г. №427-З в качестве специальной ответственности за нарушение законодательства о средствах массовой информации закрепили новую статью 51-1 «Ограничение доступа к продукции средств массовой информации, распространяемой посредством информационного ресурса (его составной части), размещенного в глобальной компьютерной сети Интернет». Определен и порядок ограничения доступа к продукции средств массовой информации, распространяемой посредством информационного ресурса (его составной части), размещенного в глобальной компьютерной сети Интернет.

Сегодня мы являемся свидетелями глубоких трансформаций, происходящих в белорусском обществе. Эти трансформации требуют новых подходов к реализации государственной информационной политики и влекут серьезные изменения в ее конституционно-правовых основах.

Появляются предпосылки закрепления новых информационных прав и свобод. Таким «новым» информационным правом должно стать «право на защиту от информации, причиняющей вред здоровью и развитию». Уже сегодня это право закреплено в ст.37[1] Закона Республики Беларусь «О правах ребенка» от 19 ноября 1993 г. № 2570-XII.

Очевидно, что не только несовершеннолетние могут обладать этим правом. Право на защиту от информации, причиняющей вред здоровью и развитию, должно стать конституционным правом каждого гражданина Республики Беларусь.

Еще одним «новым» активно обсуждаемым сегодня информационным правом является «право на забвение»- право человека на удаление своих персональных данных из общего доступа через поисковые системы (ссылок на данные, которые, могут нанести ему вред).

Право на забвение не закреплено в законодательстве Республики Беларусь, однако уже легализовано в европейском цифровом законодательстве и законодательстве Российской Федерации, которое закрепило «право на забвение» Федеральным законом «О внесении изменений в Федеральный закон Об информации, информационных технологиях и о защите информации и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» от 13 июля 2015 г. № 264-ФЗ [1].

Таким образом, конституционно-правовые основы государственной информационной политики составляют нормы Конституции Республики Беларусь закрепляющие право на информацию (ст. 34), право на свободу мнений, убеждений и их свободное выражение (ст.33), право на защиту от

незаконного вмешательства в личную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство (ст. 28), а также нормативные правовые акты, составляющие информационное и цифровое законодательство Республики Беларусь.

Развитие информационного общества и цифровой экономики обуславливает необходимость обеспечения реализации информационных прав и свобод, легализации новых информационно-цифровых прав, совершенствования норм информационного законодательства, а также формирования цифрового законодательства Республики Беларусь; требует совершенствования концептуальных основ государственной информационной политики, которое мы видим в принятии Концепции государственной информационной политики и совершенствовании положений принятой Концепции информационной безопасности.

Список использованных источников

1. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»: Федеральный закон Российской Федерации от 13 июля 2015 года №264-ФЗ [Электронный ресурс] /Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx /show_doc.fwx?rgn=77409-Дата доступа: 10.03.2019.

2. Саванович, Н.А. Право на информацию о деятельности государственных органов [Электронный ресурс]/Н.А.Саванович //Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

УДК 343.37(476)

CRIMINAL LIABILITY FOR VIOLATION OF THE RULES ON TRANSACTIONS WITH PRECIOUS METALS AND PRECIOUS STONES

Panteleeva Natalia, Shelyagina Anastasia
Mogilev State A. Kuleshov University

In accordance with the rules of transactions with precious metals and stones, approved by the Council of Ministers of the Republic of Belarus dated November 25, 1999 № 1838, as the subject of the crime are precious metals and precious stones in any form and condition – gold, silver, platinum and platinum group metals: iridium, rhodium, palladium, as well as jewelry and household products [6].

The problems of improving the criminal law and the protection of illegal turnover of precious metals, natural precious stones dedicated to the work of M.V. Arzamastseva, V.B. Volzhenkin, L.D. Gauhman and S.V. Maximov, V.A. Dokuchaeva, T.V. Dosugovoj, A.N. Ivanova, I.A. Klepikova, M.P. KARPUSHINA, A.P. Kuznetsov, A.G. Korolev, V.D. Larichev, N. Lopashenko, S.N. Malta, V.T. Pinkevich, I.O. Sokolovoj and other scientists. However, the theory remains controversial number of issues related to the definition of the legal nature of object and subject, the objective side of this crime [7].

According to the Law of the Republic of Belarus "On precious metals and precious stones" conclusion of transactions with precious metals and precious stones between citizens located on the territory of the Republic of Belarus, if such transactions are not related in accordance with the legislation of the Republic of Belarus with entrepreneurial activity is not allowed, except in cases:

- their donations, including donations;
- wills and their acquisition by right of inheritance;
- purchase and sale and exchange for the purpose of collecting and thesaurus (accumulation) of coins from precious metals;
- purchase and sale of jewelry and other household products having an impression of the state assay of the Republic of Belarus or an impression of the state assay of the USSR [6].

According to article 170 of the Civil code of the Republic of Belarus (hereinafter – the civil code), there may be cases of invalidation of this transaction. According to Art. 170 of the civil code, the transaction, the Commission of which is prohibited by law, is void.If you have the intention of both sides of the transaction – in the case of execution of the transaction by both parties – income of the Republic of Belarus collected all they received in the transaction, and in the case of execution of the transaction by one party from the other shall be recovered in revenues of the Republic of Belarus all got it and all of its outstanding first side (reimbursement received). If there is an intention of only one of the parties to such a transaction, all received by it under the transaction shall be returned to the other party, and received by the latter or owed to it in compensation for the executed shall be recovered in the income of the Republic of Belarus [1].

From the above it can be concluded that the transaction will be invalid on the grounds established by the civil code and other legislative acts, by virtue of

its recognition by the court (disputed transaction) or regardless of such recognition (void transaction).

In criminal law, violation of the rules on transactions with precious metals and precious stones committed in violation of the established rules in a large amount is punishable by a fine, or correctional labor for up to two years, or arrest, restriction of liberty for up to three years, as well as imprisonment for the same term [5].

It can be concluded that the criminal law sanctions against this type of crime are more stringent, in contrast to civil law [5].

It should be noted that legal entities and individual entrepreneurs can also engage in certain activities with precious metals and precious stones only on the basis of a special permit (license) obtained in accordance with the legislation of the Republic of Belarus. However, if a legal entity or an individual entrepreneur does not have a special permit (license), when such permission is required under article 233 of the Criminal code of the Republic of Belarus (hereinafter – In accordance with article 174 of the civil code, a transaction made by a legal entity in conflict with the objectives of its activities or by a legal entity that does not have a special permit (license) to engage in the relevant activities may be declared invalid by the court at the suit of the owner of the property (founder, participant) of this legal entity or the state body exercising control or supervision over the activities of a legal entity, if the other party to the transaction knew or by virtue of an act of legislation was obliged to know about its illegality, but she made such a deal intentionally or inadvertently [3].

Violation of the procedure for activities with rare earth metals, precious metals and precious stones has been extended to the Code of administrative offences of the Republic of Belarus (hereinafter – the administrative Code). Guided by article 11.4 of the administrative Code, the repeated offer to citizens for the purpose of buying and selling jewelry and household products made of precious metals, coins, measuring ingots and dentures, scrap of these products, as well as gold and silver, precious stones in raw and processed form (hereinafter-values) is punishable by a fine of ten to thirty basic units, while at the moment one base value is twenty-five rubles twenty-five kopecks [4] .

In other words, the national Bank of the Republic of Belarus, as well as authorized banks and legal entities that have the appropriate permits (licenses) of the competent state bodies, have the right to carry out transactions in the territory of the Republic of Belarus to buy from individuals and sell them precious metals in the form of Bank and dimensional bars of gold, silver and platinum, as well as coins made of precious metals (gold, silver, platinum) of old and modern coinage.

The right to purchase and sell cut gemstones intended for jewelry on the territory of the Republic of Belarus belongs to legal entities that have the appropriate permits (licenses) of the State inspection of assay supervision of the Ministry of Finance of the Republic of Belarus.

Thus, in order to ensure the procedure for the circulation of precious metals and precious stones in the country, criminal law measures are used in the Republic of Belarus, which provide for punishment and other measures of criminal liability for violation of the legislation of the Republic of Belarus. Measures are also taken by the administrative and civil branches of law. In case of violation of the rules on transactions with precious metals and stones, and on the basis of article 170 of the civil code, the transaction will be declared invalid by a court decision.

Bibliography

1. Гражданский Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 декабря 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : в ред. ЗаконаРесп. Беларусь от 09.01.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

2. Закон Республики Беларусь «О внесении и дополнении в некоторые кодексы Республики Беларусь» от 9 января 2019 года №171-З [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.by / Дата доступа : 10.04.2019. – Минск 2019

3. Комментарий к Уголовному Кодексу Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kodeksy-by.com . Дата доступа: 10.04.2019. – Минск 2019.

4. Кодекс об административных правонарушениях Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 17 декабря 2002 г., № 194-З– Режим доступа: http://kodeksy-by.com. Дата доступа: 26.03.2019. – Минск 2019.

5. Уголовный Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 2 июня 1999 г., №275-З : в ред. Закона Республики Беларусь от 17.07.2018 г.// Эталон – Беларусь / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск 2019.

6. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 25.11.1999 N 1838 "Об утверждении Правил совершения сделок с драгоценными металлами и камнями" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.levonevsky.org Дата доступа : 10.04.2018.

7. Проблемы совершенствования уголовно-правовых норм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.dissercat.com Дата доступа : 10.04.2018.

СЕКЦИЯ 2
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

УДК 341.231.14:321.6

ДИКТАТОРСКИЙ РЕЖИМ ВЛАСТИ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Абдрахманов М.М.
Учебно-научно-производственный комплекс
«Международный Университет Кыргызстана»

Современное международное право признает противоправность диктаторского режима власти, когда государственная власть осуществляется насильственными методами и характеризуется репрессиями и преступными нарушениями основных прав и свобод человека. Концепция не легитимности диктаторских режимов власти стала формироваться в годы Второй мировой войны и в настоящее время получила свое закрепление в ряде международных соглашений, в решениях ООН и других международных организаций. В современном мире постепенно меняется отношение к событиям, происшедшим в том или ином государстве, которые привели к государственному перевороту и установлению диктаторского режима власти. Непризнание такого режима и применение к нему мер воздействия является не только правом, но и обязанностью государств и всего международного сообщества в целом. Некоторые ученые-международники до сих пор поддерживают точку зрения о том, что новое правительство является законным если оно эффективно и самостоятельно осуществляет власть на территории государства и контролирует ситуацию в стране. Более того, выдвинутая в 1930 г. министром иностранных дел Мексики и разделяемое до сих пор рядом государств так называемая доктрина Эстрады, исходит из того, что незаконно давать оценку правомерности пришедшего к власти в результате переворота режиму, поскольку такое высказывание будет означать вмешательство во внутренние дела2. Однако, в настоящее время преобладающую поддержку получило мнение, высказанное еще в 1907 г. министром иностранных дел Эквадора (доктрина Табора), который считал, что нельзя признавать правительства, «возникшие в результате государственного переворота или революции, пока свободно избранное правительство не реорганизует страну в конституционных формах»3. Отношение к законности диктаторских режимов власти стала принципиальным образом меняться в годы Второй мировой войны. Уже в Тегеранской декларации, подписанной 1 декабря 1943 г. главами государств антигитлеровской коалиции, была выражена решимость сотрудничать со всеми странами для «устранения тирании, рабства, угнетения и нетерпимости»4. Основы концепции легитимности государственного режима были выражены уже в Декларации об освобождении

Европы, подписанной на Крымской конференции в Ялте в 1945 г. В этой Декларации было заявлено, что освобожденным народам для восстановления суверенитета и переустройства национально-экономической жизни необходимо избрать такую форму правления, которая бы отвечала воле народа и представляла все демократические элементы населения посредством проведения свободных выборов.

Организация Объединенных Наций в первые же годы после своего создания признала незаконность диктаторских режимов. Генеральная Ассамблея ООН в резолюции 39 (I) от 12 декабря 1946 г., «убедившись в том, что фашистское правительство Франко в Испании, насильно навязанное испанскому народу», продолжает «оставаться у власти», рекомендовала, чтобы «все члены Организации Объединенных Наций немедленно отозвали из Мадрида своих послов и посланников, аккредитованных при испанском правительстве». Генеральная Ассамблея также рекомендовала Совету Безопасности в случае продолжения нарушения основных прав и свобод испанского народа рассмотреть «надлежащие меры, которые должны быть приняты для того, чтобы исправить существующее положение». Специальный комитет, учрежденный Советом Безопасности для установления фактов и рекомендации практических мер, пришел к выводу, что фашистский режим Франко представляет собой реальную угрозу миру и международной безопасности и этот вопрос не является внутренним делом Испании. Поэтому Совет Безопасности правомочен действовать в соответствии с гл. VII Устава и рекомендовать меры для исправления существующего положения1. Организация Объединенных Наций постоянно рассматривает положение в различных странах, в которых диктаторские режимы совершают преступные нарушения прав человека, угрожающих миру и международной безопасности. В современную эпоху угрозы со стороны таких режимов международному миру и безопасности, основным правам и свободам многократно возрастают. Дело в том, что диктаторское правление в той или иной стране зачастую вызывает усиление сопротивления со стороны населения против существующего произвола. За последние 20 лет только в Африке во внутренних вооруженных конфликтах погибли свыше 5 млн человек. Многие из таких конфликтов – результат сопротивления гражданского населения диктаторским режимам, в которые вовлекаются, нередко, различные военно-политические группировки, религиозные секты, бандиты. Тем самым, вооруженный конфликт охватывает всю страну. События в Северной Африке и Ближнем Востоке, начавшиеся в начале 2011 г., вновь показали всему миру опасность пребывания у власти диктаторских режимов, которые готовы применить вооруженную силу и самое современное оружие для подавления сопротивления со стороны большинства населения страны. Нередко с их стороны делаются попытки приобрести ядерное оружие, что дестабилизирует всю систему межгосударственных отношений и угрожает всеобщему миру и международной безопасности. Поэтому мировое сообщество не должно безучастно следить за таким развитием событий, а быть готовым к применению принудительных мер в целях свержения таких режимов и установления

демократических порядков. В подобных случаях Совет Безопасности на основании ст. 34 Устава ООН должен расследовать ситуацию, которая связана с существованием недемократического режима власти, и принять соответствующие рекомендации, включая проведение свободных выборов. В случае неэффективности этих и других мер Совет Безопасности правомочен принять решение о применении принудительных мер. Организация Объединенных Наций неоднократно рассматривала положение в различных странах с антидемократическим режимом1. Характерными, в этой связи, явились решения Организации относительно положения в Гаити. В 1990 г. после 30-летней диктатуры Ж. Дювалье в Гаити в результате свободных демократических выборов под наблюдением ООН президентом страны был избран Ж. Аристид. Однако, в сентябре 1991 г. в результате военного переворота демократический режим был свергнут и Ж. Аристид насильственно изгнан из страны. 4 октября 1991 г. Организация американских государств приняла резолюцию, осудившую военный переворот и рекомендовавшую всем государствам — членам ОАГ прервать финансовоэкономические отношения с Гаити1. 8 октября 1991 г. ОАГ объявила временное правительство Гаити незаконным и призвала все государства-члены ввести торговое эмбарго2. Генеральная Ассамблея ООН в резолюции 46/7, принятой 11 октября 1991 г., осудила незаконное смещение Ж. Аристида и призвала все государства — члены Организации принять меры, согласованные в рамках Организации американских государств. В свою очередь Совет Безопасности принял решение о введении эмбарго на поставку нефти и оружия в Гаити3. Однако, эти и другие решения Совета Безопасности не привели к восстановлению демократии в стране. Тогда Совет Безопасности, действуя на основании гл. VII Устава ООН, санкционировал формирование многонациональных сил для оказания содействия восстановлению демократического правления в стране 4. Под давлением Организации Объединенных Наций военные власти Гаити покинули страну и многонациональные силы были введены в мирной обстановке. Президент Ж. Аристид возвратился в Гаити и санкции против страны были сняты. Одним из типичных примеров успешных действий Организации Объединенных Наций является свержение режима сомалийского диктатора Сиада Баре. В результате его правления сомалийское общество было практически разрушено, исчезла связь между кланами, различными политическими группами, возникло волнение и среди гражданского населения. Совет Безопасности ООН в январе 1992 г. принял резолюцию 733, охарактеризовавшую положение в Сомали как угрозу миру и международной безопасности. В апреле 1992 г. Совет Безопасности санкционировал поставки гуманитарной помощи населению Сомали. В декабре того же года в целях создания безопасных условий поставок гуманитарной помощи, подвергшейся грабежам со стороны враждебных группировок, Совет Безопасности, действуя на основании гл. VII Устава ООН, разрешил применить военную силу. В июне 1993 г. Совет Безопасности принял резолюцию, уполномочив вооруженные силы предпринять меры, направленные на разоружение боевиков и пресечения конфликта 2. В результате действия вооруженных сил ООН режим

диктатора Сиада Баре был свергнут, а вооруженные сомалийские группировки разоружены. Меры, предпринимаемые ООН против диктаторских режимов, свидетельствуют о том, что мирные санкции не всегда являются результативными. Лишь применение в ряде случаев более решительных мер приводит, в конце концов, к демократическим преобразованиям. Типичным примером такой политики являются санкции, которые применялись против режима Каддафи в Ливии. Этот диктатор, более 40 лет находившийся у власти в стране, затопил в крови собственный народ, выступивший за демократический путь развития. Совет Безопасности в связи с событиями в Ливии принял в феврале 2011 г. резолюцию, которая вводила эмбарго на поставку оружия в страну. Такие меры не привели к каким-либо реальным результатам3. Тогда Совет Безопасности 17 марта 2011 г. принял резолюцию, которая вводила запрет на все полеты в воздушном пространстве Ливии в целях защиты гражданского населения от насилия со стороны воинских подразделений диктатора4. Резолюция уполномочила государства — члены ООН самостоятельно или через региональные организации или соглашения принимать и все другие «необходимые мер для защиты гражданского населения и мест его проживания, находящихся под угрозой нападения»5. Решительные меры, предпринятые коалицией государств, включая применение силы, привели к падению режима Каддафи в Ливии.

Наряду с главными органами ООН значительную роль в борьбе с диктаторскими режимами, в обеспечении прав и свобод личности играет Совет ООН по правам человека, учрежденный в качестве вспомогательного органа Генеральной Ассамблеи ООН в 2006 г. после упразднения Комиссии ООН по правам человека. Согласно резолюции Генеральной Ассамблеи 60/251 об учреждении Совета по правам человека, этот орган не только «должен отвечать за содействие всеобщему уважению и защите всех прав человека и основных свобод», но и обязан также «рассматривать ситуации, связанные с нарушением прав человека, включая грубые и систематические нарушения». Эти вопросы рассматриваются как на регулярных сессиях Совета, так и обсуждаются на специальных сессиях, созываемых в случае чрезвычайных ситуаций. За первые несколько лет своей деятельности Совет рассмотрел вопросы, относящиеся к массовым и грубым нарушениям,

Всеобщая ценность демократии для всего человечества признается подавляющим большинством государств-участников международного общения, всеми цивилизациями современного мира. В Венской декларации и Программе действий говорится о том, что «демократия, развитие и уважение к правам человека и основным свободам являются взаимозависимыми и взаймаукрепляющими». Итоговый документ Всемирного Саммита 2005 г. специально отметил, что «демократия — это универсальная ценность, основанная на свободном волеизъявлении народа, который определяет свои политические, экономические и культурные системы, на его активном участии в решении вопросов, касающихся всех аспектов его жизни» (п. 135). Всемирный саммит 2005 г. не только подтвердил готовность международного сообщества защищать демократию, но

и особо подчеркнул «обязанность каждого государства защищать свое население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности» (п. 138). В этой связи Всемирный саммит подчеркнул решимость международного сообщества применить силу «в случае необходимости, если мирные средства окажутся недостаточными, а национальные органы власти окажутся не в состоянии защитить свое население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности» (п. 139). Именно диктаторские режимы, применяя силу для подавления выступлений населения против своей власти, совершают акты геноцида, военные преступления и преступления против человечности. Генеральный секретарь ООН сформулировал три основы, на которые должна опираться деятельность государств и международного сообщества в целом для выполнения решений Всемирного саммита: – «Обязанность государств защищать свое население»; – «Международная помощь и расширение средств для содействия государствам по защите их населения»; – «Своевременный и решительный ответ международного сообщества в тех случаях, когда государства не способны и не хотят защищать свое население»

Все это, как подчеркивает Генеральный секретарь ООН, не означает обязательного применения силы. Упор должен быть сделан на принятии мирных средств пресечения преступных нарушений прав человека, оказания помощи государствам в восстановлении демократии и сохранения мира. Однако, если мирные средства оказались недостаточными Организация Объединенных Наций правомочна применить силу1. Именно таким образом, хотя и не всегда последовательно из-за разногласий, прежде всего, между постоянными членами Совета Безопасности, действовала эта международная организация за последние годы в Египте, Сирии, Ливии, Тунисе, Йемене, Сенегале и ряде других стран, принимая меры против диктаторских режимов и пресечения преступных нарушений прав человека. В свою шестидесятую годовщину в 2005 г. Организация Объединенных Наций включила в свою повестку дня вопрос об обязанности государств и международного сообщества защищать права человека и пресекать его преступные нарушения. С тех пор этот вопрос интенсивно обсуждается этой международной организацией. ООН справедливо считает, что основное внимание надо уделять превентивной дипломатии. Тем не менее, в ряде случаев использование силы может быть необходимым. В этой связи широко обсуждаются предложения развивающихся стран о том, что использование силы должно «санкционироваться Советом Безопасности в соответствии с главой VII Устава или, в исключительных случаях, Генеральной Ассамблеей в соответствии с ее резолюцией 377 (V)»2. В этой резолюции, озаглавленной «Единство в пользу мира», принятой 3 ноября 1950 г., Генеральная Ассамблея постановила, что в случае, если Совет Безопасности в результате разногласия постоянных членов, оказывается не в состоянии принять решения по поддержанию международного мира и безопасности, Генеральная Ассамблея может «сделать членам Организации необходимые рекомендации относительно коллективных мер»1. Это — сложный и противоречивый подход, вызывающий серьезные разногласия

между государствами, заслуживает самого пристального внимания и обсуждения. При этом следует учитывать то, что в разработке и принятии Устава ООН принимало участие 50 государств мира. К концу 2011 г. число членов Организации Объединенных Наций увеличилось почти в четыре раза. Новые государства мира настаивают на своем более активном участии в принятии решений этой Международной Организацией. Поэтому широкое обсуждение вопросов, относящихся к распределению компетенций между Советом Безопасности и Генеральной Ассамблеей, неизбежно. Такое распределение полномочий должно, с одной стороны, учитывать особую ответственность великих держав за поддержание мира и международной безопасности, а, с другой — возрастающую роль развивающихся стран в современных международных отношениях. События последних лет свидетельствуют о том, что Организация Объединенных Наций принимает все более решительные меры для подавления диктаторских режимов власти, оказывает все возрастающую помощь народам, стремящимся установить в своих странах демократические формы правления. Это столбовой путь развития современного общества в глобализирующемся мире, который поможет избавить человечество от угрозы термоядерной войны и обеспечить коллективную безопасность, основные права и свободы для всех.

Список использованных источников

1. Международное публичное право: учебник / отв. Ред. К.А. Бекяшев.- М., 2004. – С. 170-177; Международное право: учебник / под ред. А.Н. Вылегжанина. – М., 2011.- С. 145–147.

УДК 341.2

ПРОБЛЕМА СПОРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Алексеенко С.М., Величко В.В.
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

В настоящее время мир переживает период интенсификации конфликтов на этнической и конфессиональной основе. Часть из них имеет тенденцию к перерастанию в открытое вооруженное противостояние либо между отдельными этническими группами, либо между государством и стремящимся к самоопределению этносом, а часть — к перерастанию в хронические конфликты с преобладанием в них тактики террора.

Особую актуальность эта проблема приобретает сегодня, поскольку именно конец XX начало XXI века продемонстрировал как глобальность проблемы этно-конфессионального сепаратизма, так и возможность реализации поставленных целей, в том числе и политических, с использованием методов вооруженной борьбы при фактической безнаказанности, а порой и молчаливом поощрении этнического сепаратизма [1].

Спорной территорией, признаётсятерритория (область, регион, район, участок местности), чья государственная принадлежность является предметом территориального спорамежду двумя или несколькими государствами. В современном мире остро встаёт вопрос о нарастании конфликтных ситуаций по поводу принадлежности исторически неопределённых территорий к той или иной стране.

Основу исследования составилиСимлское соглашение 1972 г. между Индией и Пакистаном, труды таких авторов, как Воскресенский А.Д., Н.В. Мелехиной, А.Ю. Яковлева, Э. Давид. Основными методами исследования выступили общенаучные методы познания, и метод системного анализа международных отношений и конфликтологии.

Конфликт вокруг проблемы Кашмира является одним из важнейших нерешенных вопросов в отношениях Индии и Пакистана с августа 1947 года. Он возник практически одновременно с появлением двух независимых доминионов на территории бывшей Британской Индии и остается по сей день не просто одной из двусторонних проблем, но и непосредственно влияет на развитие отношений этих соседних стран. Основу проблемы составляет несовместимость подходов к решению судьбы Кашмира со стороны секуляристской Индии и мусульманского Пакистана, само создание которого базировалось на принципе «двух наций» (индусской и мусульманской).

Особенность этого конфликта заключается в том, что он географически входит зону нестабильности, зону столкновения цивилизаций, порождающую перманентные конфликты. В связи с этим, исследование факторов конфликтогенности в данном регионе приобретает особое значение.

Застарелая проблема индийско-пакистанских отношений о государственной принадлежности Кашмира по сей день является постоянным раздражителем, отравляющим атмосферу двустороннего сотрудничества, и служит поводом для взаимной враждебности и напряженности. Особенность конфликта состоит в том, что, с одной стороны, он зачастую служит причиной нестабильности отношений, а с другой, динамика его развития отражает общий ход индийско-пакистанского взаимодействия.

Кашмир - один из самых милитаризованных регионов в мире, а также самая нестабильная "горячая точка", где противостоят друг другу две ядерные державы - Индия и Пакистан.Индия предъявляет права на всю ее территорию площадью 222 236 кв. км. Кашмир граничит с Пакистаном на западе, Афганистаном – на севере, Синьцзян-Уйгурским и Тибетским автономными районами Китая – на востоке и штатами Индии Химачал-Прадеш и Пенджаб – на юге. Пакистан и Китай оспаривают права Индии, причем Пакистан вначале выдвигал претензии на обладание всей областью, а в настоящее время фактически включил в свой состав северо-западную часть Кашмира площадью 78 932 кв. км. В административном отношении она преимущественно выделена в т.н. Азад («свободный») Кашмир. Под китайским контролем находится северо-восточная часть территории Кашмира площадью 42 735 кв. км. Остальную часть занимает индийский штат Джамму и Кашмир площадью 100 569 кв. км. Джамму и Кашмир– разделён между Пакистаном, Индией и КНР, оспаривается Индией и Пакистаном.

Индийский авиаудар по пакистанской части Кашмира существенно обострил обстановку. В Индии говорят, что удар был нанесен по крупнейшему тренировочному лагерю группировки "Джаиш-э-Мухаммад" ("Армия Мухаммеда"), которая взяла на себя ответственность за подрыв индийского конвоя и убийство 46 военнослужащих 14 февраля 2019 года.

Эскалация происходит на фоне увеличения количества жертв в регионе. В 2018 году в Кашмире погибло более 500 человек – мирных жителей, сотрудников сил безопасности и мигрантов. Это больше, чем в любой другой год текущего десятилетия. Большая часть населения исповедует ислам – 67 %; 30 % – индуизм; 2 % – сикхизм и 1 % – буддизм. На территории Кашмира 97 % населения являются мусульманами. Когда в 1947 г. произошел раздел Индии и Пакистана, махараджа Джамму и Кашмира Хари Сингх, стремившийся сохранить свое единовластное правление на подконтрольной ему территории, не пожелал войти в состав ни одного из новообразованных государств. Однако мусульмане, недовольные этим решением и не стремившиеся и впредь оставаться под властью индуиста, тем более что рядом их соплеменники оказались в составе собственного суверенного мусульманского государства, подняли вооруженное восстание. Махарадже не оставалось ничего иного, как обратиться за помощью к Индии. Так территория Джамму и Кашмира вошла в состав индийского государства. Решающие действия по определению кому достанется это территория произошли во время трёх индо-пакистанских войн. Так в результате первой индо-пакистанской войны примерно 60 % территории княжества оказались в составе Индии, тогда как остальная северная часть отошла по факту Пакистану. В начале 1971 года произошла третья индо-пакистанская война, окончившаяся ничьей. Уже в 1972 году в городе Симла в Индии главы обоих государств подписали Симлское соглашение, по которому стороны обязывались впредь решать все спорные вопросы мирным путём. Согласно соглашению, в Кашмире была установлена линия контроля, почти совпадающая с линией прекращения огня 1949 года[2]. Однако даже после подписания соглашения не прекращаются вооруженные конфликты. Мусульманские организации не хотят мириться с тем, что значительная часть их единоверцев остаётся в составе индийского штата. Также следует отметить, что остро стоит вопрос о нарушении прав человека в штате Кашмир и Джамму. Нарушения варьируются от массовых убийств, исчезновения людей, пыток, изнасилований, до политических репрессий и подавления свободы слова. Рассмотрим мнения двух стран: Пакистан считает Кашмирский конфликт международным спором и сохраняет за собой право выносить данный вопрос на обсуждение на международных форумах, допуская посредничество других государств. Он требует проведения плебисцита (всеобщего референдума), ссылаясь на соответствующие резолюции ООН. Пакистан говорит о невозможности начала переговоров с Индией по каким-либо прочим вопросам без первоочерёдного решения кашмирской проблемы. Индия же выступает против признания кашмирской проблемы международным спором и отвергает какую-либо возможность плебисцита. Главным требованием Индии является прекращение «трансграничного терроризма» – прямой поддержки Пакистаном мусульманских боевиков в индийском штате Джамму и Кашмир.

Таким образом, следует отметить, что индо-пакистанские конфликты и атаки повстанцев к началу XXI века унесли жизни не менее чем 30 тысяч военнослужащих и мирных жителей. Пакистанские источники уверяют, что количество погибших в боевых действиях мусульман гораздо выше и достигает 70 тысяч человек. Фактически Джамму и Кашмир является незатихающей горячей точкой, эскалация насилия в которой значительно превосходит другие проблемные индийские штаты, включая и Северо-Восточную Индию, где также действуют сепаратистские вооруженные организации. С 1950-х годов ООН призывает провести в Кашмире Референдум, чтобы учитывать мнение местных жителей в принятии политических решений. Индия изначально поддерживала эту идею, но потом решила, что референдум не нужен, так как в "индийской" части Кашмира проходят выборы. Пакистан не согласен и считает, что многие жители региона не хотят жить под контролем Индии, а вместо этого предпочли жить в Пакистане или в независимом государстве. Урегулирование конфликта может пойти по пути признания суверенитета одного государства с немедленной передачей территории в аренду другому на длительный срок, либо образованием кондоминиума – совместного владения.

Список использованных источников

1. Мелехина Н.В. Кашмирский конфликт: эволюция, типология и пути урегулирования[Электронный ресурс].- Режим доступа: htp://www.dissercat.com/content/kashmirskii-konflikt-evolyutsiya-tipologiya-i-puti-uregulirovaniya. – Дата доступа: 28.04.2019.

2. Воскресенский А. Д. Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные : Учебное пособие для студентов вузов / под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: Аспект Пресс, 2008. – (с.321-322)

3. Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. Курс лекций открытого Брюссельского университета. – М.: МККК.2011

УДК 341.231.14:342.7:004.8

К АКТУАЛЬНЫМ ВОПРОСАМ ВЛИЯНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Ананьев С.С., Берёзко Д.В.
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

Искусственный интеллект (далее – ИИ) – одна из самых перспективных технологий нашего времени. Новые технологии позволяют спасать жизни, прогнозировать судебные решения и повышать производительность секторов экономики. Области, в которых ИИ может быть полезен, многочисленны: образование, здравоохранение, судебная система, безопасность и занятость населения. Однако использование современных технологий основанных на ИИ может привести к определенным правовым и этическим проблемам. Очевидно, что влияние, которое ИИ окажет, в том числе и на права человека, будет значительным. Поскольку алгоритмы начинают активно использоваться в области принятия

решений, способных влиять как на конкретных лиц, так и на общество в целом, в перспективе своего развития они могут оказать существенное влияние на идеи демократии и верховенства права.

Потенциальные риски связаны также с проблемами осуществления прав человека: права на жизнь, справедливое судебное разбирательство, презумпцию невиновности, права на неприкосновенность частной жизни и свободу выражения мнений, права на свободные выборы, права работников и другие. Одним из самых актуальных вопросов на сегодняшний день остается разработка нормативно-правовой базы для использования ИИ в частной и государственной сфере в соответствии с международными нормами в области прав человека. Нами не можем не учитывать тот факт, что частные компании разрабатывают свое программное обеспечение в соответствии с экономическими, правовыми и этическими принципами, которые они считают целесообразными. Нормативные рамки для разработки систем и процессов, которые приводят к принятию алгоритмических решений или их реализации начинают появляться, но они все еще находятся на ранней стадии разработки и, как правило, прямо не затрагивают вопросы прав человека. Кроме того многие основанные на ИИ технологии находятся в зачаточном состоянии и необходимо лучше понять их социальные последствия, поэтому вопрос о возможности создать такие правовые рамки остается открытым.

Наше исследование направлено на выявление ряда проблем в области прав человека при возрастающей роли ИИ в процессах принятия решений. В данной работе мы ссылались на европейскую конвенцию по правам человека (далее – ЕКПЧ) [4], а также конвенцию о защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера №108 и усовершенствованную конвенцию №108 от 18.05.2018 [5].

В области предупреждения преступности и системы уголовного правосудия усиливается тенденция к использованию автоматизированных методов обработки данных. На волне беспокойства по поводу национальной безопасности применение новых технологий становиться более экстравагантным. После волны террористических атак в США и Европе политики попросили интернет-платформы социальных сетей использовать свои алгоритмы для выявления потенциальных террористов и действовать соответствующим образом. Некоторые из этих платформ уже используют ИИ для обнаружения учетных записей, которые загружают экстремистский контент. Помимо значительного влияния на свободу выражения мнений, применение этих алгоритмов также создает проблемы в отношении стандартов справедливого судебного разбирательства, изложенных в статье 6 Европейской конвенции о правах человека [4], а также ставиться под угрозу презумпция невиновности, право на своевременное информирование о деле и характере обвинения, право на справедливое судебное разбирательство и право защищать себя. Основным направлением политики в области предупреждения преступности является прогнозирование. Оно включает в себя разработанные автоматизированные системы, которые предсказывают кто может совершить преступления повторно, и поэтому должны подвергаться более су-

ровым наказаниям. Также осуществляется прогнозирование мест совершения преступлений в определенный момент времени, эти данные используются полицейскими для определения приоритетного времени ареста. Такие подходы могут быть крайне вредными с токи зрения расового и этнического происхождения и поэтому требуют адекватных гарантий. В зависимости от методов регистрации правонарушений и их выбора, используемые алгоритмы прогнозирования могут способствовать предвзятому принятию решений и дискриминации. Сама возможность их использования вызывает серьезные опасения в соответствии со статьей 6 Европейской конвенции об осуществлении прав детей [3] и принципа права на равенство сторон и состязательный процесс, установленный Европейским судом по правам человека.

Использование алгоритмов в гражданском и уголовном правосудии имеет целью, в конечном счете, поддержать или заменить решения судей. Сегодня такие системы тестируются, однако прогноз достоверности относительно низок. Поэтому сейчас кажется преждевременным предполагать, что такие системы могут заменить судей. Тем не менее, существует риск того, что системы помощи на основе искусственного интеллекта будут неправильно использованы.

Самая старая и наиболее продолжительная дискуссия о правах человека при применении автоматизированной обработки данных и алгоритмов касается права на неприкосновенность частной жизни. Алгоритмы облегчают сбор, обработку и повторное использование больших объемов данных и изображений. Это может иметь серьезные последствия для осуществления права на уважение частной и семейной жизни, которое включает в себя право на защиту личных данных, гарантированное статьей 8 ЕКПЧ [4]. Алгоритмы используются для онлайн отслеживания и профилирования лиц, чьи привычки просмотра записываются с помощью файлов cookie. С нормативной точки зрения первостепенное значение имеет проблема согласия пользователя. Статья 8 модернизированного проекта ЕКПЧ прямо устанавливает право каждого человека не подвергаться решению, которое будет приниматься исключительно на основе автоматической обработки данных, без его согласия. Общеевропейские нормативно-правовые основы защиты данных, например Постановление ЕС 2016/679 о защите физических лиц в отношении защиты от обработки персональных данных и свободном их перемещение, которая применяется с мая 2018 года, также устанавливают стандарты использования алгоритмов, включая, возможно, ограниченное право на информацию или даже право на объяснение [6].

Использование данных, которые содержатся в личных профилях, особенно проблематично.Профилирование – это процесс экстраполяции данных, доступных в Интернете, посредством автоматизированных процессов сбора информации, а затем построения личных профилей и их применения. Есть риск того, что профили, назначенные человеку, могут генерировать новые данные, а затем эту информацию можно использовать с помощью алгоритмов, которые потенциально создают риск крупномасштабного надзора как частными лицами, так и правительствами. Эту точку зрения поддерживает Совет

по правам человека Организации Объединенных Наций, который с обеспокоенностью отметил, что автоматическая обработка персональных данных для создания индивидуальных профилей может привести к дискриминации и решениям, которые могут повлиять на реализацию прав человека, включая экономические, социальные и культурные права [1].

Основная проблема с использованием данных, извлеченных из профилей для различных целей, благодаря алгоритмам, заключается в том, что эти данные теряют свой первоначальный контекст. Повторное использование данных в новых целях может повлиять на информационную автономность субъекта.

Использование данных, извлеченных из профилей имеет прямое отношение кправу человека на самостоятельной определение своей информации. Субъект данных, как правило, не знает о самом профилировании или последующем повторном использовании данных вне их первоначального контекста, что облегчает доступ к информации за счет снижения защиты, предоставляемой анонимными данными. Кроме того, результаты, полученные с помощью алгоритмов поиска, могут быть неполными, неточными или устаревшими, что представляет собой ложные сведения о лицах, которые могут нанести им ущерб. Такие профили могут иметь особенно серьезные последствия для детей и их будущей жизни.

Использование ИИ оказывает существенное влияние на право получать и распространять информацию. Фильтрация контента в сети интернет может серьезно поставить под угрозу это право, а также свободу выражения мнений. В соответствии со статьей 10 ЕКПЧ любая мера фильтрации или удаления, которая блокирует доступ к контенту, должна быть предусмотрена законом, преследовать одну из целей, указанных в статье 10.2 и быть необходимой мерой в демократическом обществе [4]. Согласно прецедентному праву Европейского Суда по правам человека, любое ограничение свободы выражения должно соответствовать насущной социальной необходимости и быть соразмерным преследуемой законной цели. Однако удаление контента на платформах социальных сетей часто осуществляется с помощью полуавтоматических или автоматизированных процессов, что напрямую влияет на свободу выражения и создает проблемы в области верховенства закона (законность и соразмерность). Хотя крупные социальные сети, такие как Google или Facebook, часто утверждают, что удаление всего контента выполняется людьми, этот процесс в значительной степени автоматизирован и основан на полуавтоматической операции.

Использование автоматизированных алгоритмов и систем рекомендаций, способных создаватьполностью изолированное пространство, в которых люди видят только подтверждающую их мнение информацию, может оказать очень важное влияние на демократические процессы в обществе. Это может иметь решающее значение, особенно в контексте выборов. Если с момента появления интернета утверждалось, что онлайн кампании и социальные сети могут изменить способы проведения выборов, то только в последнее время университетские исследования показали в какой степени организация и онлайн контента на платформах социальных сетей могут опрокинуть голосование.

Понятие искусственного интеллекта понимается по-разному в зависимости от того, используется ли оно в кругах правосудия, технологий и общественных наук. Это также относительно новая область. Его влияние на осуществление прав человека и развитие общества в целом только начинает повышать уровень осведомленности граждан.

Применение стандартов в области прав человека имеет важное значение, при использовании и разработке ИИ поскольку они обеспечивают, в дополнение к гарантиям прозрачности и подотчетности, гарантию того, что все права будут эффективно учитываться в автоматизированных системах принятия решений. На наш взгляд необходимо ставить именно человека и его права в центр процесса разработки технологий, и эффективных мер для их регулирования, чтобы в случае нарушения, обеспечить возможность правительства вмешаться, для защиты прав человека.

Прежде всего, есть определенные области взаимодействия общества и человека, где принятие алгоритмических решений не рекомендуется. Не следует полагаться на чрезмерную зависимость от автоматической обработки данных и автоматического принятия решений для содействия развитию общества и решения новых сложных задач для будущих поколений, поскольку это может принести больше вреда, чем пользы. Поэтому крайне важно обеспечить, чтобы в ключевых областях, где автоматизация не представляется целесообразной с точки зрения прав человека, она не использовалась.

Политики должны стремиться к тому, чтобы эти технологии использовались в соответствии с принципомпервенства человека, и чтобы наши все более и более технические общества были спроектированы, в первую очередь, для того, чтобы гарантировать каждому человеку эффективное осуществление и реализацию его прав.

В этой связи, по нашему мнению, целесообразно на национальном уровне обеспечить законодательное закрепление понятия искусственного интеллекта, а также определить стратегию его развития. В тексте Декрета Президента Республики Беларусь №8 от 21.12.2017 «О развитии цифровой экономики» уже используется термин «искусственный интеллект», однако не раскрывается само понятие данного термина. Создание особых условий для деятельности на территории Республики Беларусь Парка высоких технологий, равно как и стремительное развитие в нашей стране цифровых систем, позволяют сделать вывод о том, что технологии, построенные на основе искусственного интеллекта, в самом ближайшем будущем прочно войдут в нашу повседневную жизнь. Также, по нашему мнению, необходимо на законодательном уровне обеспечить защиту прав человека с учетом неизбежного внедрения в ближайшем будущем искусственного интеллекта во все сферы общественной жизни.

Список использованных источников

1. Résolution du Conseil des droits de l'homme des Nations Unies sur le droit à la vie privée à l'ère du numérique, Doc. A/HRC/34/7, 23 Mar. 2017, para.17. [Электронный ресурс].– Режим доступа: https://undocs.org/pdf?symbol=fr/a/hrc/34/1. – Дата доступа: 22.04.2019.
2. A 61MillionPerson Experiment in Social Influence and Political Mobilization [Электронный ресурс].– Режим доступа: https://www.nature.com/articles/nature11421. – Дата доступа: 22.04.2019.
3. Европейская конвенция об осуществлении прав детей[Электронный ресурс].–Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/901953345 – Дата доступа: 22.04.2019.
4. Европейская конвенция по правам человека [Электронный ресурс].–Режим доступа: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf – Дата доступа: 22.04.2019.
5. Конвенция о защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера[Электронный ресурс].– Режим доступа: https://rm.coe.int/1680078c46. – Дата доступа: 22.04.2019.
6. О защите физических лиц в отношении обработки личных данных и о свободном движении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (общее регулирование защиты данных) : Регламент (ЕС) 2016/679 Европейского Парламента и Совета от 27 апреля 2016 [Электронный ресурс].– Режим доступа: https://internetinstitute.ru/wp-content/uploads/2017/07/Telecom-Data-Retention-Leg-appendix2.pdf. – Дата доступа: 22.04.2019.
7. О развитии цифровой экономики: Декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 №8 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология ТОП [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2019.

УДК 340.142:340.5

СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ КАК ОБЪЕКТ КОМПАРАТИВИСТСКОГО АНАЛИЗА

Бочков А.А.
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

Проблема источников (форм) права является одной из самых дискуссионных в общей теории права. Это связано с многоаспектностью, сложностью вопроса, наличием различных подходов. Существуют официально признанные источники и нетипичные, применяемые на практике, такие как: послания главы государства народу и Парламенту, программные выступления, протоколы поручений Президента, распоряжения Президента во время рабочих поездок в регионы, послания Конституционного суда, различные концептуальные документы и др., являющиеся реальной основой принятия решений. Речь идет о нормах

права, объективированных в юридических доктринах, формулах великих юристов, правовых обычаях, принципах права, нормативных правовых договорах, юридических (судебных) прецедентах, нормативных правовых актах.

Приоритеты и эффективность их использования зависит от исторического периода, традиций, особенностей национальной культуры, принадлежности к определенной правовой семье. Внимание к источникам (формам) права, как и праву в целом, активизируется в периоды важных социальных событий: переворотов, революций, войн, борьбы за независимость, избирательных компаний, референдумов, движений массового протеста и т.д. Это циклическая, возрастающая и затухающая кривая, как проявление синергетического, вероятностного характера развития общества. Их применение зависит от легальности и легитимности права, воплощения и реализации на практике естественных прав и свобод человека, гарантируемых государством, сознательности и активности народных масс.

Особое место среди источников (форм) права занимает судебный прецедент (судейское право), отличающийся своеобразием и спецификой, широко распространенный в системе общего права (commonlaw). Треть населения мира относятся к данной системе.

Судебный прецедент (от лат. precedent – идущий впереди, предшествующий), случай, имеющий раннее место и служащий примером или оправданием для последующих случаев [8, с. 398 - 399]. Это была основная форма в рабовладельческом и феодальном обществе. В настоящее время он является основным источником права в англосаксонской правовой системе.

Англосаксонская правовая система делится на две ветви: английскую (включающую Англию, Ирландию, Канаду, Австралию, Новую Зеландию, Индию, Нигерию и 36 государств членов британского содружества (Бермуды, Фолькленды, Гибралтар, остров Святой Елены и т.д.) и американскую, куда входит американизированная версия английского права в 49 штатах США.

По мнению проф. Л.И. Петражицкого, решения судей или судов выступают различными видами права: законного права, когда судьи правильно или неправильно толкуют законы, применяя право, обычного права, если они руководствуются народными обычаями, интуитивного права, если они решают подлежащие вопросы по совести, справедливости. Это может быть проявление не права, а бесправия, хроническим и систематическим нарушением права, если суды решают подлежащие вопросы недобросовестно [7, с. 453].

Таким образом, юридический прецедент – своего рода образец, норма, правило поведения для решения аналогичного юридического дела. Он создается непосредственно судьёй во время процесса осуществления правосудия. В рамках юридического прецедента можно говорить не только о судебном прецеденте, но и административном, как решении административного органа, получившее значение нормы права для всех аналогичных дел в будущем. Это происходит потому что, законы, которыми располагают судьи в странах общей системы права, носят настолько обобщённый характер, что решить конкретное юридическое дело на их основе не всегда представляется возможным.

В различных странах англо-саксонской правовой системы юридический прецедент применяется по-разному. Согласно общему правилу, общеобязательными являются только юридические прецеденты судов высших инстанций.В Канаде – это Верховный суд Канады и Федеральный суд Канады. В Англии – система судебных инстанций, объединенных единым Верховным судом Англии и Уэльса (который с 1 октября 2009 г. является новым судебным органом, выполняющим функции Палаты лордов). Он включает три самостоятельных суда: Суд Короны, Высокий суд и Апелляционный суд. Каждый из них, обладая определенной юрисдикцией, не только применяет, но и одновременно создает право.

В США, в силу особенностей федеративного устройства страны, правило прецедента не действует так строго: во-первых, Верховный Суд США и верховные суды штатов не обязаны следовать собственным решениям, и могут иметь иную практику; во-вторых, штаты независимы и каждый имеет собственную судебную систему, и, следовательно, прецедентную практику. Примером юридического прецедента, обеспечивающего конституционное равноправия мужчин и женщин в США, может служить судебный прецедент 1977 г. по делу Ролисон. Ролисон не была принята на работу тюремным надзирателем, так как, по мнению соответствующего тюремного начальства, не подходила для этой работы по своим физическим параметрам (вес около 54 кг, рост 160 см). Кроме того, окружной суд, отказывая Ролисон в иске к тюремному начальству, указал, что она как женщина может провоцировать заключенных к нападению на нее на сексуальной почве. Верховный Суд США удовлетворил иск Ролисон, указав, что окружной суд ошибся, разделив дремучий предрассудок. Если заключенные будут нарушать Правила распорядка, нападать на надзирателей - их следует наказывать, но на этой основе нельзя дискриминировать женщин и лишать их права работать в качестве тюремных надзирателей. Обоснованность применения судебного прецедента для решения конкретного и аналогичных споров, объясняется следующими моментами:

1) пробельностью права, когда отсутствует соответствующая или сходная норма в НПА;

2) коллизионностью права, противоречиями норм разных НПА, регулирующих одни и те же общественные отношения;

3) оценочным характером понятий в нормативном правовом акте.

Сторонники судебного прецедентного права отмечают такие его плюсы как более гибкий и менее абстрактный характер правовых норм идущих от жизни. Противники указывают на большую казуистичность и меньшую определенность правовых норм, которые судьи для себя же и создают, что может вызвать субъективизм и произвол.

Английские суды принимают решения исходя из определенных правил. Любой прецедент состоит из двух частей: основание решения (ratiodecidendi) и попутное сказано (obiterdictum). Обязательное значение имеет только первая часть, где излагаются нормы права, на основе которых было разрешено дело, поэтому задача юриста обнаружить и выделить основание решения. Вопрос о способах выделения различных частей прецедента

не является окончательно решенных и зависит от усмотрения судьи. Поэтому нельзя считать, что правило прецедента сковывает судью. Много зависит от его собственного усмотрения и выбора из нескольких прецедентов того, который с точки зрения судьи наиболее подходит для рассматриваемого дела [4, С. 394].

Решение судьи опирается не только на прецедент, но и закон, который толкуется судебными органами. С конца XIX начала XX вв. возрастает значение законодательных и административных актов, большое значение приобретают парламентские статуты – законодательные акты, принимаемые парламентом Великобритании. В XX в. резко возросла роль делегированного законодательства, особенно в сфере образования, медицинского обслуживания, социального страхования. Многие акты принимаются министерствами и другими органами управления, уполномоченными парламентом.

Огромное влияние на правовую систему США оказало английское колониальное право, а также правовые системы Испании, Голландии, Франции и иных государств, колонии которых существовали на территории этой страны. Правовая система США – дуалистична и состоит из прецедентного права и статутного права при приоритете прецедента. Право - это, прежде всего, судебная практика, а нормы закона применяются и истолковываются судьями и основаны на прежних судебных решениях. В США 51 система права: 50 – в штатах, и 1 – федеральная.

Также необходимо отметить свободное действие прецедента. Верховный суд страны, верховные суды штатов не связаны своими прежними решениями и решениями других судов. В каждом штате действует свое прецедентное право. В законодательстве приняты гражданские, гражданско-процессуальные, уголовные, уголовно-процессуальные кодексы. Кодекс законов США включает в себя все действующие законы федерации.

Среди отличий американской правовой системы от английской, можно указать на: большую значимость в ней законодательства по сравнению с ролью статутов парламента; большую приверженность кодификации по сравнению с английским правом; меньшую роль судебной практики в правовой системе.

Проф.М.Н. Марченко выделяет следующие особенности общего права:

1. по природе и содержанию – это судейское право, в основе которого заложены решения королевских (вестминстерских) судов в Англии, решение Верховного суда по вопросам конституционности или не конституционности обычных («текущих») законов в США, вердикты высших судебных инстанций по аналогичным вопросам в Канаде, Австралии и других англоязычных странах. Согласно выражения председателя Верховного суда США Э. Уоррена, суд творит право по ходу своей основной судебной деятельности;

2. ярко выраженный «казуальный» характер доминирующего «прецедентного» права при полном или почти полном отсутствии кодифицированного права. Закон не имеет смысла, пока он не истолкован судами;

3. незначительное влияние римского права на процесс возникновения и развития системы общего права;

4.процессуальное право по сравнению с материальным играет ведущую роль. Это право процессуалистов и практиков, а не право изученных в университете понятий, принципов и доктрин. Крупный юрист в Англии, это не профессор университета, а судья вышедшей из юристов - практиков;

5. высокий уровень независимости судебной власти по отношению к другим государственным ветвям. Самостоятельность судей реально гарантирована, как в вопросах организации внутренней жизни, так и в отправлении правосудия. Можно отметить высокую техническую оснащенность судебного процесса, наличие благоустроенных зданий и отдельных помещений, высокую оплату труда судей, корпоративность и солидарность в действиях, законодательно закрепленный «судейский иммунитет», высокий моральный статус профессии, основанный на исторически сложившихся традициях;

6. обвинительный характер судебного процесса (особенно в Великобритании), когда в соответствии с уголовно-процессуальными и гражданско-процессуальными нормами обязательства по сбору доказательств возлагаются на стороны – участницы процесса, а суд (судья) остается нейтральной стороной, заслушивающей и оценивающей аргументы обеих сторон (в отличие от «инквизиторского» процесса романо–германской правовой системы, где на суд возлагаются обязанности как сбора, так оценки собранных доказательств). В силу обвинительного характера процесса в Англии не получил развития институт государственного обвинения, представленный особыми должностными лицами. Вместо него, в стране начиная с XIII века, действуют профессиональные правозащитники, которые не являются государственными служащими и не руководствуются политическими соображениями. В системе общего права бытует мнение, что материальное право укрывается в пробелах процессуального права, поэтому оно развивается и усовершенствуется на основе развития последнего. Считается, что наивысшая форма защиты содержится в нормах процессуального права, а главные действующие лица общего права – процессуалисты: суды и адвокаты, а не материалисты: законодатели и ученые – профессора [5, С.260 - 271].

В общем праве приоритетное значение придается процессуальным нормам, формам судопроизводства, источникам доказательств потому, что они составляют одновременно механизм правообразования и правореализации [6, С. 206 – 207].

В Республике Беларусь судебный прецедент официально не признается источником права. Официальными источниками права являются: НПА, нормативные правовые договоры, правовые обычаи, а в случае отсутствия правовой нормы в правоприменении используется аналогия закона и аналогия права. Судья принимает решения исходя из внутренней убежденности.

Судебный прецедент существует в виде Постановлений Верховного Суда Республики Беларусь (Пленума Верховного Суда), в которых конкретизируются и детализируются общие нормы закона. Чл. – корр. Г.А.Василевич, рассматривая судебный прецедент как источник права, выступает за легализацию судейского права и поддерживает позицию тех авторов, которые считают, что судебный прецедент создает правоположения, которые отсутствуют в нормативном правовом акте, и тем самым восполняет пробелы в законодательстве, дает разъяснение (толкование) нормативного правового

акта [2, с. 11]. По его мнению - это наиболее гибкий механизм преодоления погрешностей законодателя, который, однако, приобретает более стабильный характер, когда «санкционирован» судом высшей инстанции. Однако он может быть создан и судом любой инстанции.

В действующем российском законодательстве нашел свое закрепление лишь прецедент судебного толкования, формируемый решениями высших судебных органов, куда входят: Постановления Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ (в недалеком прошлом Высшего Арбитражного Суда РФ), Пленума Верховного Суда РФ, Постановления Европейского Суда по защите прав человека .

В Республике Беларусь решения высших судебных органов носят нормативный характер, когда анализируется, обобщается нормативная, судебная практика, имеющая правоприменительную специфику (акты Конституционного Суда, Верховного Суда, Постановление Пленума Верховного суда Республики Беларусь). Решения судебных органов являются источником права в силу неясности, противоречивости или неопределенности нормативных предписаний, суд вынужден конкретизировать или уточнять содержание правовых норм или создавать новые нормы. Нормативный характер имеют акты Конституционного Суда, принятые в ходе конституционного судопроизводства. Речь идет о заключениях, принимаемых в порядке последующего конституционного контроля, и решениях, принимаемых в порядке обязательного предварительного контроля, а также решениях об устранении правовых пробелов, исключении коллизий и правовой неопределенности[3, с. 5–16].

Роль судебного прецедента остается стабильно высокой в системе общего права, где одновременно возрастает значение нормативных правовых актов и иных источников права. Судебный прецедент на практике, выполняет не только информативную, но и доктринальную, герменевтическую функцию при принятии судебных решений, значение образца. Глобальные изменения, происходящие в мире, трансформируют многие подходы и понятия государственно – правовой реальности [1, С. 3–9]. Сближение и унификация правовых систем способствуют пересмотру и изменению традиционных подходов. Главным является эффективность применяемых источников права при осуществлении правосудия, повышении авторитета судейского сообщества, укреплении законности и правопорядка.

Список использованных источников

1. Бочков, А.А. Современное государство и право в условиях цифровой реальности / А.А. Бочков // Право. Экономика. Психология: научно-практический журнал Витебского государственного университета имени П.М. Машерова. – №1 (13) – 2019. – С. 3 – 9.

2. Василевич, Г.А. Акты органов судебной власти: роль и место в национальной правовой системе / Г.А. Василевич // Национальная государственность и европейские интеграционные процессы. В 2 т. Т.1. Национальное законодательство и его гармонизация с правом Европейского Союза : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т, юрид. фак. : С.А. Балашенко [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2008. – С.3 – 14.

3. Василевич, Г.А. Юридические последствия актов Конституционного Суда Республики Беларусь / Г.А. Василевич / / Право. by 2016 № 2(40). – С. 27 – 35.

4. Денисенко, С.В. Современная структура английского права / С.В. Денисенко // Теория государства и права: учеб пособие / В.И. Власов, Г.Б. Власова, С.В. Денисенко. – Ростов н/Д : Феникс, 2017. – С.392 – 399.

5. Марченко, М.Н. Основные черты и особенности англосаксонской правовой семьи / М.Н. Марченко // Теория государства и права: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2018. - С.255 – 271.

6. Матузов, Н.И., Синюков, В.Н. Основные правовые семьи народов мира / Н.И. Матузов, В.Н. Синюков // Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. – С. 205 – 211.

7. Петражицкий, Л.И. Право судебной практики и другие виды судебного позитивного права /Л.И.Петражицкий // Теория права и государства в связи с теорией нравственности. – Серия «Мир культуры, истории и философии». – СПб.: Издательство «Лань», 2000. – 608с.

8. Словарь иностранных слов. – 12-е изд., стетеотип. – М.: Рус. Яз., 1985. – 608с.

УДК 341

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Бурьянов С.А.
Московский городской педагогический университет

Глобализацию следует рассматривать как совокупность, в основном объективных, но противоречивых и неравномерных процессов, направленных на формирование единой планетарной техносоциоприродной системы, завершение которых должно привести к качественно новому состоянию глобальности общественных и иных с ними связанных взаимодействий. В связи с тем, что развитие происходит неравномерно, то это приводит к разбалансировке и неуправляемости, как общественных отношений, так и связанных

с ними техногенных и социоприродных взаимодействий. В конечном итоге, это несет угрозы устойчивому развитию мирового сообщества и отдельных государств. Представляется актуальным исследование перспектив развития международного права в условиях противоречивого развития современных глобальных процессов и перехода к цифровой фазе информационного уклада. Формирование интегрированных открытых взаимозависимых общественных подсистем требует кардинального переосмысления международных отношений и поиска инновационных направлений реформирования международного права в интересах устойчивого развития.

Среди первых исследователей глобальных вызовов следует выделить Т. Левитта, Дж. Маклина, Р. Робертсона, Д. Медоуза и др. Здесь также следует отметить вклад В.И. Вернадского, Н.Д. Кондратьева, Н.Н. Моисеева, К.Э. Циолковского и других российских исследователей. Весьма основательно глобальные вызовы исследовались в рамках общественного аналитического центра Римский клуб, который уже в первом докладе «Пределы роста» привлек внимание мировой общественности к планетарным вызовам. В иных, также не вполне оптимистических докладах Римскому клубу, говорится о росте глобальных угроз цивилизации. Среди многочисленных причин глобальных проблем обращает на себя вывод об отставании социально-политической сферы общественных отношений. С точки зрения современной российской науки считается, что глобальные вызовы порождены возросшим воздействием деятельности человека на окружающую среду. Большинство исследователей полают, что от решения глобальных проблем зависит выживание цивилизации.

По мнению И.И. Лукашука, «особенность названных проблем в том, что они являются глобальными и могут быть решены лишь совместными усилиями государств. Международное сообщество должно стать сообществом спасения человечества. Для этого необходим более высокий уровень управления социальными процессами как на национальном, так и на глобальном уровне. Существенное совершенствование управления выдвинулось на первый план»[7, с. 115–128].

В указанном выше контексте, актуальность необходимости поиска научно обоснованных решений глобальных вызовов не вызывает сомнений. Полагаю, что поиск путей преодоления глобальных вызовов, в т.ч. подходы к формированию адекватной системы управления глобальными процессами, должен быть основан на понимании их причин. Здесь можно согласиться, с мнением исследователей, считающих, что глобальные вызовы порождены неравномерностью развития мировой цивилизации. В частности, отмечается опережающее развитие технического могущества по сравнению с общественной организацией, отставание политического мышления, проблемы нравственных ценностей и неравномерность развития государств. Однако, определение социально-экономической сферы в качестве ключевой представляется спорным. В частности А.Б. Вебер в качестве главной причины «нового мирового беспорядка» обоснованно называет отставание «политической глобализации» и говорит о необходимости его преодоления [4, с. 3].

Таким образом, среди комплекса причин глобальных вызовов особо следует выделить значительное отставание развития глобальных процессов в политической сфере общественных отношений. При этом с политической сферой тесно связаны, также отстающие правовая и образовательная сферы, включая юридическое образование. В указанном контексте полагаю, что неравномерность социально-экономического развития различных государств и регионов, а также несправедливость мирового экономического обмена в значительной мере является следствием отставания политической, правовой и образовательной сфер общественных отношений.

В научной литературе устойчивое развитие (англ. sustainabledevelopment) представлено как альтернатива нерешенности последствий глобальных вызовов и реальной угрозы последовательному развитию человеческого сообщества. На уровне международных организаций данный термин получил распространение после доклада Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) от 1987 года «Наше общее будущее»[9]. Представляется важным, что в 2015 г. на 70-й сессии Генеральной ассамблеей ООН, посвященной устойчивому развитию, была утверждена итоговая повестка глобального развития на период после 2015 г. Однако, для достижения целей устойчивого развития деклараций не достаточно. Необходимо совершенствование контрольных механизмов, включая проведение обзоров на уровне международных организаций[1, с.65].

В.В. Лазарев и А.Х. Саидов не без оснований полагают, что глобализация оказывает существенное влияние на все стороны права[6, с. 88]. Также следует согласиться с К.А. Бекяшевым, который обоснованно говорит о взаимосвязи процессов глобализации и международного права, что требует утверждения верховенства права в международных отношениях и его постоянного совершенствования[2, с. 25].

Отдельного исследования заслуживают современные научные труды, посвященные обоснованию глобального управления (global governance), в целях устойчивого развития. Важной вехой стал доклад «Наше глобальное соседство» [8]. от 1995 г., подготовленный комиссией ООН по глобальному управлению и сотрудничеству. В указанном контексте крайне необходимо повышение эффективности ООН и ее специализированных учреждений. В частности, об этом говорится в Декларации тысячелетия ООН от 2000 г.

Следует согласиться с мнением исследователей, которые говорят о необходимости объединения в планетарном масштабе для решения глобальных проблем и перехода к устойчивому развитию. Наиболее серьезные подходы связаны с идеей формирования глобального управления и глобального права, в качестве его основы. При этом, глобальный фундамент необходимо строить путем укрепления и модернизации международного права и его универсальных институтов, а также существенного усиления их взаимодействия с внутригосударственными правовыми системами.

Соответственно, наиболее перспективной представляется система управления глобальными процессами, предполагающая усиление влияния институтов гражданского общества, международных организаций, включая

неправительственные, и дальнейший постепенный переход к неиерархической несиловой системе управления общественно-техно-природными процессами в интересах устойчивого развития.

Полагаю, что переход к управляемости современными процессами требует, прежде всего, инновационных международных и внутригосударственных правовых принципов и норм, а затем и управленческих институтов. Исходя из указанного выше понимания процессов глобализации, модернизация взаимодействий мировых политических институтов должна быть направлена на их интеграцию, взаимопроникновение и открытость. Жизненно важными являются теоретическая разработка, правовое закрепление и правоприменение инновационной несиловой (неполярной) модели международных отношений на основе кардинального реформирования международных права и институтов, исключающих применение государствами силы или угрозы силой[3, с. 8]. В современных международно-правовых реалиях необходим баланс интересов, который должен прийти на смену безуспешным попыткам найти баланс сил [10, с. 125]. Здесь следует согласиться с В.А. Карташкиным в том, что «строительство прочного мира, в котором будут преобладать не сила, а законность, реализовываться фундаментальные права и свободы человека, возможно лишь при условии верховенства международного права в межгосударственных отношениях и на национальном уровне» [5, с. 14].

В конечном итоге, в перспективе, с учетом усиления глобальных процессов, политическая организация общества должна трансформироваться в планетарную децентрализованную неиерархическую несиловую, основанную на усилении влияния гражданского общества и доверии, систему управления глобальными процессами в целях реализации прав человека и устойчивого управляемого развития человеческой цивилизации. В качестве необходимых условий эволюционного перехода к инновационной системе управления глобальными процессами следует назвать формирование эффективных международно-правовых механизмов реализации прав каждого человека без дискриминации, достижение взаимоуважения и преодоления нетерпимости, мировоззренческий нейтралитет государств [11].

Список использованных источников

1. Абашиде А.Х. и др. Достижение целей устойчивого развития (2016–2030): международно-правовое измерение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2016. № 1. С. 65–78.

2. Бекяшев К.А. Глобализация и международное право // Евразийский юридический журнал. № 1. 2014. С. 25–29.

3. Бурьянов С.А. Принцип неприменения силы или угрозы силой в условиях усиления глобальных процессов // Евразийский юридический журнал. № 9 (100). 2016. с. 8–15.

4. Вебер А.Б. Современный мир и проблема глобального управления // Век глобализации. №1. 2009. С. 3–16.

5. Карташкин В.А. Права человека: соотношение и взаимодействие международного и внутригосударственного права и их взаимодействие // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 4. – С. 14–34.

6. Лазарев В.В., Саидов А.Х. Закономерности развития современного права и юридическая глобалистика Вестник Международного института экономики и права. № 2 (2). 2011. С. 88.

7. Лукашук И.И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации // Журнал российского права. № 3. 2002. С. 115-128.

8. Наше глобальное соседство. Доклад комиссии по глобальному управлению и сотрудничеству / Пер. с англ. А.А.Обухова. Ред. А.П.Фоменко. М.: Весь Мир, 1996. 402 с.

9. Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР). Перевод с английского/ Под редакцией С.А. Евтеева и Р.А. Перелета URL: http://xn--80adbkckdfac8cd1ahpld0f.xn--p1ai/files/monographs/OurCommonFuture-introduction.pdf (Дата обращения: 26.03.2019).

10. Фархутдинов И.З. Американская доктрина о превентивном ударе от Монро до Трампа: международно-правовые аспекты. М. 2018. 419 с.

11. Buryanov S.A. State Worldview Neutrality in the Context of Deteriorating Imbalances in Globalization: The Case and Current State of Affairs in the Russian Federation from 2016 to the Beginning of 2017. Amsterdam, 2018. 228 p.

УДК 347.918:341.63

К ВОПРОСУ ОБ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СПОСОБАХ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРА В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Веташкова Т.В., Романова М.С.
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

Под конфликтом понимается столкновение сторон, интересов, мнений. В ходе исторического развития, в различных сферах жизни и науки этот термин получал новое толкование, но его суть остается неизменной. Конфликт – это наличия противоречий с дополнительным признаком их обострения.

Понятие конфликт также употребляется и в международном праве. Трудность определения термина «конфликт» в международном публичном праве обусловлена проблемой неоднозначности точного значения данного понятия для каждой области его применения и наличием большого количества близких по значению понятий – таких как вооруженное столкновение, борьба, спор, агрессия, коллизия, конфликтная ситуация, столкновение, столкновение противоположностей [5].

Рассмотрим одно из значений понятия «конфликт», которое используется в международном праве – это спор.

Спор как вид конфликта существовал и будет существовать на протяжении всего развития общества. Вот и в международном публичном праве понятие спор встречается часто.

Основополагающим принципов в международном публичном праве является разрешения споров мирным путем, а именно: без применения силы и угрозы е применения. Исходя из данного принципа существуют различные способы разрешения споров в международном публичном праве:

- переговоры;
- посредничество;
- медиация.

Наиболее распространённым способом разрешения споров являются переговоры, которые зачастую представляют собой первый этап урегулирования разногласий [5].

Если же применения переговоров не приводит к желаемому результату, то стороны международного спора используют такие способы, как медиация и посредничество.

Посредничество - один из средств мирного разрешения споров между государствами путём переговоров с участием третьего государства (посредника) и на основе выдвинутых им условий. Выдвижение посредником определённых предложений как базы для переговоров и урегулирования споров отличает посредничество от переговоров и медиации [5].

Процедура Посредничества регламентирована Гаагскими конвенциями 1899 и 1907 и Уставом ООН (ст. 33). Согласно Уставу ООН, конвенциям и существующей практике, посредник может выступать по просьбе спорящих сторон, по собственной инициативе либо по почину держав, не причастных к спору [6].

Гарантом достигнутого соглашения также выступает государство-посредник.

Обязанностям посредника должны корреспондировать обязанности спорящих государств: обеспечить посреднику (лицу, представляющему государство-посредник) возможность осуществлять свои функции; воздерживаться от действий, наносящих ущерб достоинству и суверенным правам посредника; уважать права, предоставленные ему соглашением о посредничестве, и др.

Примером успешного посредничества может служить деятельность постоянно действующей Комиссии по посредничеству, примирению и арбитражу, действующей с 1964 г. в рамках Организации африканского единства (ныне Африканский союз). Такое посредничество применялось, например, для разрешения марокано-алжирского конфликта в 1963 г., эфиопско-сомалийского и сомалийско-кенийского в 1964 г.

Успешным было и посредничество Генерального секретаря ООН (его специальных представителей), действующего на основе резолюций Совета

Безопасности, ГА ООН. Так, в 1962 г. при посредничестве Генерального секретаря ООН У Тана в ходе урегулирования Карибского кризиса было достигнуто Соглашение о начале переговоров между СССР и США.

Медиация – это один из альтернативных способов разрешения спора, который представляет собой процессе разрешения конфликта между сторонами путем переговоров с участием нейтрального лица – медиатора [5]. Роль медиатора достаточна пассивна, его целью является наладить диалог между конфликтующими государствами. В первую очередь медиатор помогает возобновить между сторонами конструктивный диалог для дальнейшего решения спора.

Решение о применении медиации может исходить из стороны конфликта, а также от третьей стороны, чьи интересы был затронуты в ходе конфликта.

Медиация может осуществляться международными организациями, государствами, физическими лицами. Например, Генеральный секретарь ООН и его региональные коллеги, часто вовлечены в осуществление медиации, а так как целью деятельности ООН является предотвращение и разрешения конфликтов, возникающих между государствами [4].

В роли медиатора также может выступать и неправительственная международная организация. Ярким примером является Международный комитет Красного Креста. Данная организация никогда не участвует в политических конфликтах, зато принимает активное участие в вооруженных конфликтах, когда необходимо оказание гуманитарной помощи [3].

Международное право запрещает применение силы или угрозы ее применения в межгосударственных отношениях. Однако реалии современной международной жизни таковы, что постоянно то в одном регионе, то в другом, а то и в нескольких одновременно происходят вооруженные конфликты.

Именно третья сторона (государство) может быть заинтересовано в применении медиации, так как данная процедура обязует конфликтующие государства разрешать спор мирным путем.

Примером является вооруженный конфликт между Великобританией и Аргентиной за Фолклендские острова в 1982 г., где медиатором выступали сначала США в лице госсекретаря А. Хейга, а затем Генеральный секретарь ООН Хавьер Перес де Куэльяр. Для США конфликт между государствами-союзниками, а именно членами НАТО и Организации Американских государств, означал необходимость выбора между ними, но США всячески пыталось этого избежать. ООН непосредственно была вовлечена в конфликт, так как действия Аргентины на тот момент уже получили осуждение Совета Безопасности, что вызвало беспокойство государств-членов ООН [1].

Но не всегда, третья сторона, которая предлагает решить конфликт с помощью медиации, получает положительный ответ. Таким примером является ситуация «неграждан» в Латвии в 2013 году. Тогда Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун призвал латвийские власти решить вопрос «неграждан», но латвийские власти отказались, сославшись на то, что существование неграждан «особыми историческими условиями развития» страны [2].

Участие государств в качестве медиатора является выгодным. Данное участие для каждого государства всегда имеет свои особенные причины. Например, укрепление позиций в отношениях с более крупным и развитым государством. Подтверждение тому является Алжир. В 1980 году Алжир выступал в качестве медиатора в конфликте между США и Ираном [1].

Таким образом, участие государств, международных организаций в качестве медиатора может иметь разные причины и основания, но не всегда государства имеют возможность выступать в качестве медиатора. Это объясняется нежеланием государств-участниц конфликта вмешательства во внутренние дела государства.

Иногда применение медиации и вовсе нецелесообразно. Например, когда государство уверенно, что сможет выиграть дело, либо на данной стадии конфликта компромисс невозможен.

Еще одной причиной отказа использовать медиацию в качестве альтернативного разрешения спора, является нежелание государства признавать международный характер конфликта. Например, если речь идет о вооруженном конфликте внутри государства.

В применении медиации главное итог, а именно: предотвращение военных действий, прекращение вооруженного конфликта.

Следовательно, применение медиации целесообразно на любом этап конфликта межу сторонами. Важно, чтобы стороны понимали масштаб ущерба, который они понесут входе вооруженного конфликта и те затраты, которые возникнут при разрешении конфликта мирным путем.

Таким образом, проанализировав разные способы разрешения конфликтов, следует отметить, что медиация является наиболее эффективным способом, так как:

1. Медиация как альтернативный способ разрешения конфликта основана на переговорах, но имеет свои особенности: наличие медиатора;
2. В отличии от посредничества третье лицо (медиатор) не навязывает свои способы разрешения конфликта, а помогает сторонам прийти к конструктивному диалогу;
3. Медиация является мирным способом урегулирования конфликта, а также предотвращение военных действий и прекращение вооруженного конфликта.

Список используемых источников

1. Зайцева, Л.И. Медиация как альтернативный способ разрешения споров в международном публичном праве / Л.И. Зайцева // Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/mediatsiya-kak-alternativnyy-sposob-razresheniya-sporov-v-mezhdunarodnom-publichnom-prave. – Дата доступа: 02.04.2019.

2. Интервью представителя Парламента Латвии // Режим доступа: https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/negrazhdane-oon-

mozhet-stat-mediatorom-v-peregovorakh-s-vlastyami-latvii. – Дата доступа: 02.04.2019.

3. Официальный сайт Международного комитета Красного Креста // Режим доступа:https://www.un.org/ru/index.html

4. Официальный сайт Организации Объединенных Наций // Режим доступа:https: // www.un.org/ru/index.html. – Дата доступа: 02.04.2019.

5. Студенческая юридическая библиотека [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://bellib.org. – Дата доступа: 02.04.2019.

6. Устав ООН (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.) [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://www.un.org/ru/sections/un-charter/introductory-note/index.html. – Дата доступа: 02.04.2019.

УДК 342.722:347.926:343.121

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Веташкова Т.В., Хилькевич В.В.
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

Несмотря на исключительно важное значение института адвокатуры в жизни человека (гражданина), общества и государства, в конституциях зарубежных стран редко можно встретить указание на то, как должен быть организован институт адвокатуры. В этом отношении конституции, как правило, весьма лаконичны и в большинстве случаях говорят о праве на защиту и юридическую помощь. Пожалуй, в общем ряду основных законов государств исключением является конституция Бразилии, в которой (ст. 133 и ст. 134) институт адвокатуры получил легальное конституционное оформление своего статуса: «Адвокат независим от органов управления юстицией; он не несет ответственности за свои действия и выступления при исполнении своих профессиональных обязанностей в пределах, установленных законом» [4, с. 405].

Так, например, в соответствии со ст. 34 Конституции Японии «Никто не может быть задержан или подвергнут лишению свободы, если ему не будет немедленно предъявлено обвинение и предоставлено право обратиться к адвокату. Равным образом никто не может быть задержан без должных оснований, которые, при наличии соответствующего требования, немедленно сообщаются на открытом заседании суда в присутствии задержанного и его адвоката» [6, с. 381].

Поправка VI Конституции США устанавливает правило, согласно которому «Во всех случаях уголовного преследования обвиняемый имеет право на скорый и публичный суд беспристрастных присяжных того штата округа, где было совершено преступление; причем этот округ должен быть заранее установлен законом; обвиняемый имеет право на информирование о характере и основаниях обвинения, на очную ставку с показывающими против

него свидетелями, на принудительный вызов свидетелей, показывающих в его пользу, и на помощь адвоката для своей защиты».

Конституция Испании (ст. 17.1) провозглашает, что «каждый человек имеет право на свободу и безопасность. Никто не может быть лишен своей свободы. Каждый задержанный должен быть немедленно и в понятной форме информирован о своих правах и основаниях задержания, и не может быть принужден давать показания. Задержанному гарантируется помощь адвоката при осуществлении полицейских и судебных актов в порядке, предусмотренном законом» [5, с. 348].

В конституциях ряда стран провозглашается право на защиту.

Так, федеральная Конституция Швейцарской конфедерации в разделе уголовное судопроизводство (ст. 32) определяет, что «Каждое лицо считается невиновным до тех пор, пока в отношении него не вступит в силу обвинительный приговор. Каждое обвиняемое лицо имеет право в наикратчайший срок и детальным образом быть информированным об обвинениях, выдвигаемых против него. Лицу должна быть обеспечена возможность пользоваться правом на защиту» [8, с. 227].

Конституция Бразилии гарантирует, что «сторонам (ст. LV) в судебном или административном процессе и всем подсудимым обеспечивается право на полную и своевременную защиту, а также на необходимые в таких случаях средства и возможности» [4, с. 405].

В конституции Бразилии записано (ст. 24): «Все могут в судебном порядке действовать для защиты своих прав и законных интересов. Защита является ненарушимым правом на любой стадии процесса. Специальными учреждениями обеспечивается возможность для неимущих предъявлять иски и защищаться в любом суде. Закон определяет условия и способы исправления судебных ошибок» [4, с. 405].

Особняком в этом ряду «стоят» Конституция Итальянской республики и Основной закон ФРГ.

В конституции Италии право на защиту оформлено способом, близким к закреплению данного права Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод 1950 г., когда юридическая помощь включает в себя одновременно и право на защиту и право на юридическое представительство: «все могут в судебном порядке действовать для защиты своих прав и законных интересов. Защита является ненарушимым правом на любой стадии процесса. Специальными учреждениями обеспечивается возможность для неимущих предъявлять иски и защищаться в любом суде (ст. 24.)» [3, с. 423].

Основной закон ФРГ не воспринял распространенные формы конкретизации права на получение юридической помощи и ввел институт «доверенного лица». В ст. 104 Основного закона ФРГ говорится о том, что «о каждом судебном решении с приказом о лишении свободы или продлении задержания должны быть немедленно извещены родственник задержанного или лицо, пользующееся его доверием» [7, с. 68].

Доверие является однокоренным слову «верить». Современное отношение к вере сложилось в результате долгой и затяжной борьбы с авторитетом

церкви и ее притязанием на контроль над всяким мышлением. Вера ассоциируется с понятием Бога, с религиозными учениями и может восприниматься как нечто несовместимое с рациональным и научным мышлением. Последнее принято относить к сфере фактов, отделенной от некой области, лежащей вне фактов, где нет места научному мышлению и правит только вера. Однако в современный период такое разделение представляется несостоятельным. Если веру нельзя согласовать с рациональным мышлением, ее следует отвергнуть как анахронический пережиток предшествующих стадий культуры и заменить наукой, имеющей дело с фактами и теориями, доступными интеллектуальному пониманию и проверке.

Вера определенному человеку образует понятия доверия.

Если немецкое законодательство раскрывает сущность категории «юридическая помощь» через феномен доверия, то в англосаксонском праве действует принцип «должной правовой процедуры».

Сама формула «надлежащей правовой процедуры» ведет свое происхождение от Великой хартии вольностей. Первоначально она обеспечивала строгое соблюдение процессуальных правил по гражданским и уголовным делам. Поэтому в общих чертах требования «надлежащей правовой процедуры» в сфере правосудия сводились к праву на «справедливое» судебное разбирательство. Оно представляло собой состязательный обвинительный процесс, в котором обе стороны, истец и ответчик, обвинение и защита имели равные права. Роль суда ограничивалась заслушиванием доказательств сторон и вынесением решения на основе вердикта присяжных. Эти основные черты уголовного процесса сохранились и сейчас, определяя начала правосудия как на федеральном, так и на штатном уровнях.

Европейская конвенция о защите права человека и основных свобод 1950 г. подразделяет право на юридическое представительство, гарантируемое п. 1 ст. 6, и право на защиту, гарантируемое п. 2 ст. 6, и пяти подпунктов п. 3 ст. 6 Конвенции.

Право на юридическое представительство прежде всего касается сферы действия гражданских прав и обязанностей (п. 1 ст. 6), а право на защиту – гарантий презумпции невиновности (п. 2 ст. 6) и минимальной процедурной защиты в соответствии с п. 3. ст. 6.

Таким образом, задача и цель ст. 6 заключается в легализации права на юридическое представительство и права на защиту.

В данной статье нами будет рассмотрена сфера действия только подпункта «с»: право «защищать себя лично или через посредство выбраннного им самим защитника или, если у него нет достаточных средств для оплаты услуг защитника, иметь назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия (с)», [1, с. 237] которое по содержанию включает в себя:

– эффективную помощь защитника и заочное производство;

– конфиденциальное общение с защитником;

– назначение защитника, когда того требуют интересы правосудия [2, с. 245].

Учитывая изложенное выше, следует сделать выводы о том, что принцип обеспечения права на получение юридической помощи получил широкое распространение и закрепление в конституциях зарубежных стран.

Страны англосаксонской системы права связывают право на получение юридической помощи с «правилами должной правовой процедуры», в которых важное место отводится защитнику; конституционное право ФРГ рассматривает право на получение юридической помощи через институт доверенного лица; французское право располагает правилом, которое сопоставимо с принятым в англосаксонском праве принципом «должной правой процедуры»: никто не может подвергаться санкциям, затрагивающим его личность, его свободы, законные права и интересы, без специальной процедуры, позволяющей заинтересованному лицу знать все, что ставится ему в вину, подготовить и представить доводы в свою защиту; право на получение юридической помощи получило свое развитие в деятельности Европейского суда по правам человека.

Список использованных источников

1. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. // Право человека и судопроизводство. Собрание международных документов. – Москва, 2008. – 623 с.

2. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика / Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л. – М.: Изд-во МНИМП, 2013.–703 с

3. Конституция Итальянской республики // Конституции государств европейского союза. – М.: Издательская группа ИНФРА М-Норма, 1997. – 687 с.

4. Конституция Федеративной Республики Бразилии // Конституции зарубежных стран. – М.: Изд-во БЕК, 2000. – 784 с.

5. Конституция Соединенных Штатов Америки// Конституции зарубежных стран. – М.: Изд-во БЕК, 2000. – 784 с.

6. Конституция Японии // Конституции зарубежных стран. – М.: Изд-во БЕК, 2000. – 784 с.

7. Основной закон Федеративной Республики Германии // Конституции зарубежных стран. – М.: Изд-во БЕК, 2000. – 784 с.

8. Федеральная конституция Швейцарской конфедерации // Конституции зарубежных стран. – М.: Изд-во БЕК, 2000. – 784 с.

УДК 349.7:341.17(470+476)

СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО БЕЛАРУСИ И РОССИИ В МИНИМИЗАЦИИ ПОСЛЕДСТВИЙ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ КАТАСТРОФЫ

Демичев Д.М.
Белорусский государственный экономический университет

В апреле 2019 г. была перевернута еще одна страница трагической летописи народов Беларуси, Украины и России: исполнилось 33 года со дня одного из самых драматических событий XX века – Чернобыльской катастрофы.

Ионизирующему воздействию радиоактивных осадков «чернобыльского» выброса прямо или косвенно подверглось около 5 млн. человек, проживающих в 17 европейских государствах. На территории бывшего СССР радиоактивные вещества выпали в основном тремя крупными пятнами – в Беларуси, Украине и преимущественно западных областях России, где располагалось около 5 тыс. населенных пунктов.

По уникальности пространственной и временной структуры, а также по сочетанию внешнего и внутреннего облучения, авария на Чернобыльской АЭС не имеет аналогов во всей истории техногенных катастроф. Относительная тяжесть последствий аварии на ЧАЭС для Республики Беларусь оказалась значительно выше, чем для соседних республик бывшего СССР: радиационное загрязнение только основным загрязняющим элементом цезием-137 с плотностью выше 37 килобеккерелей (кБк/кв. м) составило 23 % от всей территории республики. В целом же экономический ущерб, нанесенный Беларуси в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС, оценивается в 235 млрд. долларов США. С карты страны исчезли более чем 430 населенных пунктов. Последствия Чернобыльской катастрофы реально коснулись каждого четвертого белоруса, более половины из 118 районов страны. А 21 район республики из 117 и сегодня относится к наиболее пострадавшим. За послеаварийный период из загрязненных территорий Республики Беларусь эвакуированы и отселены 138 тысяч человек. Не менее 200 тысяч человек самостоятельно покинули территории радиоактивного загрязнения.

В целях координации деятельности по минимизации последствий Чернобыльской катастрофы эффективное сотрудничество между Республикой Беларусь и Российской Федерацией в данной области началось по существу с момента приобретения ими статуса независимых государств. Актуальность совместных действий и усилий двух стран в этой сфере обусловлена, прежде всего, значительными масштабами радиоактивного загрязнения, долговременным и комплексным характером задач защиты населения и реабилитации радиоактивного загрязнения территорий, ибо на радиоактивно загрязненных территориях обоих государств продолжают проживать около 3,5 млн. человек (в России – 1,8 млн., в Беларуси – 1,7 млн. чел.). Если в 1990-1991 гг. проблемы минимизации последствий Чернобыльской катастрофы в

Республике Беларусь и Российской Федерации решалась в рамках национальных мероприятий и программ на основе собственной нормативной правовой базы, то в последующие годы данная проблема все больше стала выходить на межгосударственный уровень. Так, в 1993–1995 гг. Правительство Республики Беларусь и Правительство Российской Федерации заключили три соглашения о совместных действиях по минимизации и преодолению последствий Чернобыльской катастрофы, которые предусматривали осуществление совместных мер по основным направлениям деятельности в этой области(январь 1992 г. – Соглашение об объемах и порядке финансирования в 1992 г. расходов по ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС; июль 1994 г. и июль 1995 г. – Соглашения о совместных действиях по минимизации и преодолению последствий катастрофы на ЧАЭС). Было подписано и межправительственное Соглашение о сотрудничестве и взаимной помощи по предупреждению крупных аварий, стихийных бедствий и ликвидации их последствий.

После образования в апреле 1996 г. Сообщества Беларуси и России и ратификации Договора о создании данного Сообщества в целях объединения и координации усилий по минимизации последствий Чернобыльской катастрофы Высший Совет Сообщества Беларуси и России принял решение от 22 июня 1996 г. № 6 «О совместных действиях по минимизации и преодолению последствий Чернобыльской катастрофы». В соответствии с данным документом было решено организовать лечение наиболее тяжелых форм заболеваний, связанных с воздействием радиации, а также осуществить поставку в Республику Беларусь необходимых для этого медикаментов и медицинского оборудования. Правительствам Республики Беларусь и Российской Федерации поручалось внести согласованные предложения по вопросу образования совместного фонда «Чернобыль». Предусматривалось проведение и других мероприятий по минимизации последствий Чернобыльской катастрофы.

С образованием Союза Беларуси и России и ратификацией Договора о Союзе Беларуси и России, подписанного в г. Москве 2 апреля 1997 г., и Устава Союза Беларуси и России, подписанного в г. Москве 23 мая 1997 г., постановлением Исполнительного Комитета Союза Беларуси и России от 10 июня 1998 г. № 1 была утверждена Программа совместной деятельности по преодолению последствий Чернобыльской катастрофы в рамках Союза Беларуси и России на 1998–2000 гг.

После подписания Договора о создании Союзного государства России и Беларуси в декабре 1999 г. и его ратификации проблемы минимизации последствий Чернобыльской катастрофы выходят на новый, качественно более содержательный уровень. Так, постановлением Совета Министров Союзного государства от 21 декабря 2000 г. № 34 срок действия ранее утвержденной Программы совместной деятельности по преодолению последствий Чернобыльской катастрофы был продлен до 2001 г. Данная Программа предполагала соединение материальных, финансовых и интеллектуальных ресурсов Беларуси и России для решения наиболее принципиальных проблем по минимизации

последствий аварии на Чернобыльской АЭС в области радиационной медицины, сельскохозяйственной радиологии, радиобиологии и радиоэкологии, радиационного контроля и мониторинга, создания унифицированной базы для организации медицинской, радиационной и социальной защиты граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие Чернобыльской катастрофы. В рамках реализации указанной Программы были заложены основы для сближения нормативных, правовых и методических подходов в сфере защиты населения и реабилитации территорий. Так, были созданы основные компоненты Единого чернобыльского регистра России и Беларуси: единый регистр Беларуси и России по раку щитовидной железы, заболеваний лейкозами, выявленными на территориях Гомельской области (Беларусь), Брянской области (Россия); единый популяционный канцер-регистр; сформирован объединенный банк медико-дозиметрических данных национальных регистров Беларуси и России, включающих персонифицированные базы по вышеуказанным заболеваниям. Разработаны единые нормативно-методические документы по реконструкции доз облучения, полученных ликвидаторами и эвакуированными, по оценке ретроспективных и текущих доз внешнего и внутреннего облучения, прогнозу эффективной дозы внешнего облучения жителями радиоактивно загрязненных территорий. Кроме того, проведен радиационно-эпидемиологический анализ заболеваемости сердечно-сосудистой системы среди участников ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, проживающих в Республике Беларусь.

В целом же, в результате реализации Программы совместной деятельности по преодолению последствий Чернобыльской катастрофы в рамках Союзного государства Беларуси и России получены ощутимые результаты, позволяющие планировать и реализовывать совместную деятельность по решению медицинских, социальных, экологических и других проблем, связанных с последствиями этой катастрофы.

Вместе с тем в настоящее время осуществляется переход в длительную и затяжную стадию отдаленных последствий Чернобыльской катастрофы. На загрязненных радионуклидами цезия-137 и стронция-90 землях эти радиоэлементы продолжают оставаться в корнеобитаемом слое и даже переходят в свободную, более доступную для растений форму, а, следовательно, в большей степени стали включаться в пищевые цепочки. Кроме того, за последние годы начался распад «горячих» частиц с высвобождением миграционно подвижных радионуклидов, легко поступающих и накапливающихся в организме человека, увеличивая тем самым риск для здоровья. Одновременно наблюдается переход плутония-241 в америций-241, который, будучи альфа-излучателем, является намного опаснее плутония.

В целях обеспечения получения чистых продуктов питания необходима в рамках Союзного государства разработка основополагающего нормативного правового акта – Долговременной государственной программы повышения плодородия почв и радиационно-защитных технологий произ-

водства растениеводческой и животноводческой продукции в зонах загрязнения пострадавших государств, учитывающей указанные выше обстоятельства. Кроме того, необходимо выработать четкий механизм эффективности всех проводимых радиационно-защитных мероприятий, исходя из реальной необходимости контроля конкретных объектов. Очевидна необходимость скоординированного уточнения действующих в России и Беларуси допустимых уровней (РДУ) содержания радионуклидов в продуктах питания.

Не менее важным в спектре проблем охраны загрязненных радионуклидами в результате аварии на ЧАЭС территорий остается производство сельхозпродукции на изъятых из оборота землях, находящихся в зоне отселения,которое способствует распространению на незагрязненных территориях этих стран радионуклидов вместе с произведенной продукцией.

С учетом специфических требований к ведению лесного хозяйства и лесоустройства в условиях радиационного загрязнения лесных фитоценозов необходимо разработать также совместную Межгосударственную комплексную программу ведения лесного хозяйства в условиях радиационного загрязнения лесов, которая бы включала правовые нормы и регламенты безопасной производственной деятельности в отрасли, радиационно-гигиенические требования и ограничения, направленные на снижение дозовых нагрузок работающих в лесном хозяйстве, а также содержать защитные меры, исключающие или снижающие до минимального уровня радиационную опасность для людей с учетом их внутреннего и «объемного» облучения. Помимо этого в Программе должно быть предусмотрено детальное изучение тех профессиональных факторов, которые имеют наибольший удельный вес при формировании доз облучения основных профессиональных групп в лесном хозяйстве. Наконец, в данной Межгосударственной программе ведения лесного хозяйства в условиях радиационного загрязнения должны найти отражение меры по реабилитации полностью или частично выбывших из пользования лесных площадей. Это в значительной мере способствовало бы выполнению лесами своих функций.

В целях сведения негативного воздействия последствий Чернобыльской катастрофы на качество жизни людей, на их социальное самочувствие, смысложизненные установки и ценностные ориентации до возможного минимума было бы целесообразным разработать специальную Долговременную (до 2025-2030 гг.) общенациональную программу реабилитации пострадавшего от катастрофы на ЧАЭС населения, предусматривающую последовательную реализацию мер, прежде всего, по оздоровлению экономики, созданию на этой основе ультрасовременной инфраструктуры для медико-биологической реабилитации людей, по охране и воспроизводству окружающей среды и природных ресурсов, направленных на реализацию провозглашенных Всеобщей декларацией прав человека постулатов на «достойную жизнь» как нынешнего, так и будущих поколений.

УДК 341.229:349.6

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОСМИЧЕСКОГО МУСОРА

Земчёнок А.С., Шерстобитов А.В.
Белорусский государственный экономический университет

В процессе освоения космоса человечество столкнулось с проблемой загрязнения космического пространства, получившим название космического мусора.

В настоящее время в международном праве отсутствует определение такого понятия как «космический мусор». В юридической литературе встречается следующее определение: «Этот вид объектов включает любые искусственные объекты на орбите вокруг Земли, которые являются нефункциональными и в отношении которых нельзя ожидать начала или возобновления их предполагаемого функционирования, которое санкционировано или в дальнейшем будет санкционировано, включая фрагменты и их части. Космический мусор включает недействующие космические аппараты, использованные части ракет, материал образований в результате запланированных космических операций, фрагменты, образованные спутниками в результате взрыва или столкновения, а также содержащие на борту ядерные, токсичные материалы» [3, с. 119].

Проблема космического мусора несет в себе множество угроз. Прежде всего, космический мусор несет угрозу безопасности космических полетов. Для запускаемых с Земли космических аппаратов столкновение даже с сантиметровым фрагментом может привести к фатальным последствиям, то есть выходу аппарата из строя, его разрушению и, следовательно, образованию нового мусора. Под угрозой оказываются не только запуск человека на Международную космическую станцию, но и запуски с целью обеспечения потребностей человека.

Важной проблемой является экологическая угроза Земле и ее жителям. Происходит загрязнение твердыми фрагментами, которые падают на землю. Сами фрагменты состоят из соединений опасных металлических соединений, что приводит к снижению урожайности сельскохозяйственных культур в результате перенасыщения веществами. Они вместе с растительностью попадают в организм человека и таким способом наносят вред организму.

В настоящее время уровень загрязнения космического пространства достиг определенного предела, на котором уже требуется активное удаление объектов из космоса. Для разрешения данной проблемы, как на национальном, так и международном уровне существуют различные документы, которые направлены на сохранение безопасного космического пространства, устанавливающие рекомендации по борьбе с предотвращением дальнейшего образования космического мусора. Среди таких документов стоит отметить Руководящие принципы Комитета по использованию космического пространства в мирных целях по предупреждению образования космического мусора 2007 г. [2].

На международном уровне работа по соответствующей проблеме ведется в основном в двух органах – Научно-техническом подкомитете Комитета ООН по космосу и в Межагентском комитете по космическому мусору.

Особым документом, прямо запрещающим загрязнение космоса и имеющим прямое отношение к рассматриваемому вопросу, является «Конвенция о запрещении военного или иного враждебного использования средств воздействия на природную среду» (1977) [1]. Согласно ее требованиям государства-участники обязались не прибегать к военному или любому иному враждебному использованию средств воздействия на природную (в том числе космическую) среду, применение которых вызывает широкие, долгосрочные или серьезные последствия, путем преднамеренного изменения ее динамики, состава или структуры. Однако ввиду универсального характера Конвенции ее вклад в решение проблемы экологии космоса носит весьма общий характер. Каких-либо конкретных положений, затрагивающих проблемы засорения космоса техногенными космическими телами, и механизма принятия практических мер Конвенция не содержит.

Следует сказать, что проблема космического мусора носит всеобщий характер и требует от государств и международных организаций развития сотрудничества по данным вопросам между собой. Космический мусор создает реальную угрозу для существующих космических объектов и для запусков новых. В первую очередь космический мусор должен контролироваться и отслеживаться. Для решения проблемы очистки космического пространства от засорения необходимы огромные финансовые затраты, которые одно государство не понесет. Поэтому существующая проблема может быть решена только в результате сотрудничества всех государств между собой.

В настоящее время, для решения данной проблемы, необходимо заключить многостороннее соглашение, касающееся ответственности государств за образование «космического мусора». Это соглашение могло бы быть как дополнительный протокол к Конвенции от 29 марта 1972 года о международной ответственности за ущерб, причиненный объектами, запускаемых в космическое пространство. Соответствующее решение позволило бы существенно продвинуться вперед в дальнейшей разработке института международной ответственности за загрязнение окружающей среды, в том числе и космической.

Из всего вышесказанного следует, что проблема является более чем актуальной, путь ее возможного решения виден в разработке международного договора, который будет регулировать и контролировать очистку орбиты и полет космических аппаратов. И тогда мы сможем обезопасить космическое пространство от столкновений космических объектов друг с другом и с другими объектами.

Список использованных источников

1. Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – 2019. –

https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hostenv.shtml. – Дата доступа: 10. 04. 2019.

2. Космонавтика XXI века / Б.Е. Черток [и др.]; под ред. Б.Е. Черток. – Москва: РТСофт, 2010. – 864 с.

3. Руководящие принципы Комитета по использованию космического пространства в мирных целях по предупреждению образования космического мусора // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/space_debris.shtml. – Дата доступа: 10.04.2019.

УДК 342.717(470+571+476)

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА ГРАЖДАН РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Зыкин Б.В., Зыкина Е.В.
Псковский государственный университет

Российское государство исходит из того, что иностранцы и лица без гражданства (апатриды) должны иметь равные между собой права и обязанности независимо от пола, расовой, национальной принадлежности, имущественного положения и т.д., при этом оно основывается на принципе предоставления иностранцам и лицам без гражданства максимума прав, не связанных с российским гражданством. В соответствии с п. 3 ст. 62 Конституции Российской Федерации [1] (далее – РФ) иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в РФ правами и несут обязанности наравне с гражданами России, кроме случаев, установленных федеральным законом или межгосударственными договорами.

Общие вопросы правового положения иностранных граждан в РФ регламентируются Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ».[2] Наряду с этим правовое положение иностранных граждан в РФ определяется международными договорами.

Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в РФ» дает понятие иностранного гражданина и лица без гражданства. Иностранный гражданин - физическое лицо, не являющееся гражданином РФ и не имеющее доказательств наличия гражданства (подданства) иностранного государства. В Законе понятие «иностранный гражданин» включает в себя понятие «лицо без гражданства», за исключением случаев, когда для лиц без гражданства устанавливаются специальные правила.

Иностранный гражданин считается законно находящимся в России, если он имеет действительный вид на жительство, либо разрешение на временное проживание, либо визу и (или) миграционную карту, либо иные предусмотренные федеральным законом или международным договором РФ документы, подтверждающие право иностранного гражданина на пребывание (проживание) в РФ.

Срок временного пребывания иностранного гражданина в РФ определяется сроком действия выданной ему визы. Срок временного пребывания в РФ иностранного гражданина, прибывшего в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы, не может превышать девяносто суток.

Срок временного пребывания в РФ иностранного гражданина, прибывшего в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы, и заключившего трудовой договор или гражданско-правовой договор на выполнение работ (оказание услуг) с соблюдением требований Федерального закона, продлевается на срок действия заключенного договора, но не более чем на один год, исчисляемый со дня въезда иностранного гражданина в Российскую Федерацию. Решение о продлении срока временного пребывания иностранного гражданина в РФ принимается территориальным органом федерального органа исполнительной власти в сфере миграции, о чем делается отметка в миграционной карте.

Иностранный гражданин, в том числе и гражданин Республики Беларусь не имеет права:

1) находиться на муниципальной службе;

2) замещать должности капитана судна, старшего помощника капитана судна, старшего механика и радиоспециалиста в составе экипажа судна, плавающего под Государственным флагом РФ, в соответствии с ограничениями, предусмотренными Кодексом торгового мореплавания РФ[3];

3) быть членом экипажа военного корабля РФ или другого эксплуатируемого в некоммерческих целях судна, а также летательного аппарата государственной или экспериментальной авиации;

5) быть принятым на работу на объекты и в организации, деятельность которых связана с обеспечением безопасности РФ. Перечень таких объектов и организаций утверждается Правительством РФ [4];

6) быть избранным на пост Президента РФ и депутата Государственной Думы (ст. ст. 81, 97 Конституции РФ);

7) занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью, например быть патентным поверенным РФ, нотариусом;

8) осуществлять иную деятельность на территории РФ, ограничение на которую предусмотрено в отношении иностранных граждан.

В соответствии с международными договорами граждане Республики Беларусь на территории России обладают наравне с гражданами России правом:

1) на приобретение и распоряжение имуществом;

2) на получение среднего, среднего специального, высшего и послевузовского профессионального;

3) на оказание медицинской помощи;

4) на правовую защиту в области защиты прав потребителей наравне с гражданами России;

5) на социальное обеспечение, за исключением пенсионного;

6) на трудовую деятельность;

7) на вступление в профессиональные союзы.

Правоотношения в области пенсионного обеспечения граждан Республики Беларусь, проживающих на территории РФ, регулируются Договором между РФ и Республикой Беларусь от 24.01.2006 «О сотрудничестве в области социального обеспечения».

Помимо этого, граждане Республики Беларусь освобождаются от подтверждения владения русским языком, знания истории России и основ законодательства РФ при подаче заявления о выдаче разрешения на временное проживание или вида на жительство.

Находясь на территории России, граждане Республики Беларусь обязаны:

– соблюдать российское законодательство;

– уплачивать налог за работу по найму на условиях, предусмотренных налоговым законодательством РФ для резидентов;

– встать на миграционный учет по истечении 30 суток с даты въезда на территорию России - для трудовых мигрантов, по истечении 90 дней - для остальных граждан Республики Беларусь.

За неисполнение или ненадлежащее исполнение указанных обязательств, а также за нарушение российского законодательства граждане Республики Беларусь несут ответственность согласно законодательству РФ.

Анализ вышеуказанных нормативных правовых актов показывает, что, если Договоры или Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Беларусь не уравнивают в правах граждан обоих государств, права граждан Республики Беларусь на территории РФ ограничиваются в соответствии с российским законодательством.

Список использованных источников

1. Конституция РФ: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 01.08.2014.

2. Договор о Евразийском экономическом союзе: подписан в г. Астане 29.05.2014: в ред. от 15.03.2018 // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 16.01.2015.

3. О сотрудничестве в области социального обеспечения: договор между РФ и Республикой Беларусь от 24.01.2006 // Собрание законодательства РФ. -2007. -№ 15. -ст. 1745.

4. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь об обеспечении равных прав граждан РФ и Республики Беларусь на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства на территориях государств - участников Союзного государства: заключено в г. Санкт-Петербурге 24.01.2006: в ред. от 03.03.2015 // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 16.12.2015.

5. Договор между РФ и Республикой Беларусь от 25.12.1998

«О равных правах граждан» // Российская газета. -№ 246. -1998.

6. О равных правах граждан на трудоустройство, оплату труда и предоставление других социально-трудовых гарантий: решение Высшего Совета Сообщества Беларуси и России от 22.06.1996 № 4 // Российская газета. – № 29. – 1998.

7. Решение Высшего Совета Сообщества Беларуси и России от 02.04.1997 № 3 «Об обеспечении равных прав граждан Беларуси и России на приобретение в собственность, владение, пользование и распоряжение имуществом» // Российская газета. -№ 79. -1997.

8. Гражданский кодекс РФ: часть четвертая: федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ: в ред. от 23.05.2018 // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru - 23.05.2018.

9. О правовом положении иностранных граждан в РФ: федеральный закон от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ: в ред. от 27.12.2018 // http://www.pravo.gov.ru - 19.07.2018.

10. Кодекс торгового мореплавания РФ: федеральный закон от 30.04.1999 № 81-ФЗ: в ред. от 27.12.2018 // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru - 03.08.2018.

11. Основы законодательства РФ о нотариате: утв. Верховным Советом РФ 11.02.1993 № 4462-1: в ред. от 27.12.2018 // Российская газета. – № 49. –1993.

12. О порядке оказания медицинской помощи гражданам РФ в учреждениях здравоохранения Республики Беларусь и гражданам Республики Беларусь в учреждениях здравоохранения РФ: соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Беларусь от 24.01.2006 // Бюллетень международных договоров. -№ 11. -ноябрь, 2008.

13. Об утверждении перечня объектов и организаций, в которые иностранные граждане не имеют права быть принятыми на работу: постановление Правительства РФ от 11.10.2002 № 755: в ред. от 04.02.2011 // Собрание законодательства РФ. -2002. - № 41. -ст. 3996.

УДК [341.215.4–054.72:325.2](4)

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РЕГУЛИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

Ивашкевич Е.Ф.
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

Во многих странах на конституционном уровне закреплено право на передвижение, что является правовой основой миграции. Так, в Конституции Испании провозглашается право испанцев на «свободное избирание своего местожительства и передвижения по национальной территории, ... свободно въезжать в Испанию и выезжать из нее на условиях, установленных

законом. Это право не может быть ограничено по политическим или идеологическим мотивам» [5, ст. 19]. Согласно Основному Закону ФРГ свобода передвижения немцев на всей федеральной территории может ограничиваться законодательно в случаях отсутствия соответствующей материальной основы для его осуществления, возникновения особых тягот для общества, необходимости предотвращения опасности демократическому строю ФРГ или земли, борьбы с опасностью эпидемий, стихийных бедствий, особо тяжелых несчастных случаев, для защиты молодежи от безнадзорности или предотвращения преступных деяний [11, ст. 11]. Однако, в ряде стран данное право на конституционном уровне не закреплено – в Бельгии, Греции, Италии, Люксембурге и др.

Согласно Постановлению Межпарламентской Ассамблеи ЕврАзЭс (ныне ЕАЭС) 2002 года наряду с гражданами «лица, не являющиеся гражданами государства, законно находящиеся на его территории, в соответствии с Конституцией и законами, международными договорами» также имеют право на свободу передвижения, выбор места жительства и пребывания в пределах данного государства. Запрещено принудительное перемещение лиц в политических целях, во время вооруженного конфликта, если это не обусловлено обеспечением безопасности граждан, определены места ограничения пребывания граждан: пограничная зона; военные городки; закрытые административно-территориальные образования; зоны экологического бедствия; территории с особым режимом проживания населения и хозяйственной деятельности из-за опасности распространения инфекционных заболеваний, отравлений людей; территории на чрезвычайном или военном положении [10, ст. 6–8].

В последние время возникла острая проблема, связанная с неконтролируемой иммиграцией из Сирии в страны Европы. В 2015 г. Еврокомиссия заявила, что нынешний мировой миграционный кризис является крупнейшим со времен Второй мировой войны (только число детей-беженцев достигло тогда 7,5 млн. человек, более 825 тыс. детей попали в руки торговцев людьми [4, с. 5]. Стремятся решить данную проблему по-разному, начиная от усиленного квотирования до депортации мигрантов. Ярким примером служит Венгрия, закрывшая свои границы для новых иммигрантов. 4.09. 2015 в стране принят новый закон, ужесточающий законодательство о миграции и защите границы, предусматривающий уголовную ответственность иммигрантов, что противоречит нормам международного права [1].

В последние годы во многих зарубежных странах были приняты новые миграционные законы, внесены многочисленные изменения в действующее законодательство, направленные на ужесточение миграционной политики. Примером может быть Испания, долгие годы пытающаяся перенаправить потоки иммигрантов в легальном направлении, в то время как «международная мафия» содействует незаконному пересечению и пребыванию людей в Испании, зарабатывая около 7 млрд. $ в год. С 2006 г. страна занимала 2-ое место в мире (после США) и 1-ое место в Европе по притоку иммигрантов. Однако, в последнее время прослеживается отток мигрантов из Испании. Так

в 2011 году страну покинули более 100 тыс. иностранных граждан, что обусловлено как новым миграционным законодательством, так и ухудшением экономической ситуации и увеличением безработица (26,2%) [15]. В стране действует Закон 2009 г.«О правах иностранцев», который имеет ряд новшеств: в преамбуле выделены такие цели, как улучшение управления иммиграционными потоками; повышение эффективности борьбы с нелегальной иммиграцией; совершенствование механизмов интеграции иностранцев в испанское общество; четкое распределение полномочий между центром и регионами. Предусмотрен более строгий контроль местных органов власти за соблюдением правил прописки: «Где прописан, там и проживай!», въезд лиц пожилого возраста на ПМЖ сильно ограничен (как исключение допускается воссоединение с совершеннолетними детьми родителей, не достигших 65 лет, при соблюдении всех прочих условий, признается официально зарегистрированное сожительство основанием к воссоединению семьи). Закон стремится привлечь высококвалифицированных специалистов, преимущественно из стран Европы (предоставляется переезд с семьей в Испанию). Значительно изменён режим выдачи виз. Главные новеллы – виза для проживания, которая даёт право на проживание в стране на неограниченный срок, но не позволяет трудоустроиться; виза на проживание и трудоустройство с максимальным сроком пребывания в 3 месяца, по прошествии которого, если трудовая деятельность не начата, иностранец обязан покинуть территорию страны, иначе его привлекут за грубое нарушение визового режима с обязанностью заплатить большой штраф. Как и ранее, перед предоставлением лицу права на проживание в Испании, его проверяют на наличие судимости (учитываются статьи, имеющие аналог в уголовном законодательстве Испании). Иностранец лишается долгосрочной резиденции, если разрешение на проживание было получено на основании ложных сведений; вынесено решение о его депортации; он непрерывно отсутствовал в стране на протяжении 12 месяцев. Пополнен список деяний, которые могут быть инкриминированы как нарушения: нахождение в стране с просроченной, более 3-х месяцев, визой; работа нелегалом; сокрытие иммигрантом сведений о гражданстве, месте проживания; неисполнение правил общественной безопасности, пограничного режима и др. Бесспорно, что самым тяжким преступлением является организация каналов нелегальной иммиграции. Отныне преступников будут держать в испанских тюрьмах и после этого в принудительном порядке депортировать [8, ст. 53].

Отметим, что страны Запада стремятся понизить уровень иностранной рабочей силы. Так, в Великобритании, где с 2013 г. ужесточены правила получения социальных пособий мигрантам из ЕС, которые должны подтвердить, что первые 3 месяца пребывания в стране они в неделю зарабатывали более 150 фунтов стерлингов. Ещё в феврале 2010 г. страна воздержалась от участия в Директиве ЕС «О порядке предоставления убежища», которая устанавливала минимальные стандарты для обращения с просьбами о предоставлении убежища, поскольку эти стандарты могли нанести урон британ-

ской системе ускоренного рассмотрения подобных заявлений. Правительством разработаны меры, стимулирующие британцев занимать рабочие места, на которые претендуют иммигранты, предусмотрена депортация за попрошайничество и ночёвку под открытым небом, ограничен въезд мигрантов из стран с низким уровнем ВВП. Данные меры направлены на сокращение миграции из стран Восточной Европы и из таких членов ЕС, как Румыния, Болгария, Хорватия [2]. С 2015 г. ужесточён пропускной режим на границе с Францией, что вызвано скоплением мигрантов в порте Кале. Выделяются средства из спецфондов, предусмотренных для поддержки Франции и Великобритании с 2014 по 2020 годы (более 266 и более 370 млн. евро соответственно). Страны Восточной Европы выступили категорически против введения обязательного перераспределения мигрантов: Франция, Испания, Португалия. Британия и Дания вообще не принимали участия в голосовании по квотам. Подержали эту идею только ФРГ, Италия, Австрия и Швеция.

В последнее время были приняты законодательные новеллы в ФРГ. Так, 20 марта 2014 г. Правительство ужесточило меры по отношению к мигрантам из Румынии и Болгарии, чьи прошения будут автоматически отклоняться, и они больше не получат финансовую поддержку, что обусловлено завершением переходного периода для граждан этих стран и возможностью с 1.01.2014 свободно перемещаться по территории ЕС, обратилось с просьбой ужесточить визовую практику, чтобы члены ЕС ввели временный визовый режим с соседями по Балканскому полуострову. Однако, ограничить поток новых мигрантов невозможно, так как только Брюссель принимает решение о режиме на границе. Отметим, что в ФРГ действует «Закон об иностранцах», в соответствии с которым для въезда и пребывания иностранных граждан в стране им необходимо наличие действительного паспорта. Условия пребывания иностранца в стране зависят от того, каким гражданством он обладает: страны-члена ЕС или Швейцарии, либо других стран. Разрешение на пребывание имеет ограниченный срок действия, оно выдается лицам, которые стремятся получить образование; планируют работать в Германии; могут остаться жить в стране из-за международно-правовых, гуманитарных или политических причин; переезжают по причинам семейного характера; иностранцам и бывшим гражданам Германии, желающим вернуться, имеющим право на длительное пребывание в какой-либо другой стране ЕС. Предусмотрены следующие виды разрешений на жительство для иностранцев в ФРГ: если ранее существовало 5 форм вида на жительство, то теперь их всего 2 – разрешение на временное пребывание и разрешение на постоянное поселение. Получение образования, трудовая деятельность в ФРГ, воссоединение семьи, причины гуманитарного характера, – вот те основания, которые позволяют выходцу из другого государства претендовать на жительство в ФРГ. Координирует и контролирует процедуру предоставления вида на жительства для иностранцев новый специальный орган – Федеральное ведомство по делам миграции. По новому Закону квалифицированные специалисты могут работать неограниченное время, причём иностранные студенты, окончившие ВУЗ страны, могут оставаться и работать в ФРГ. Закон

регулирует миграционные процессы на рынке труда, интеграцию иностранцев и право на предоставление убежища, значительно усилены предписания по обеспечению безопасности. Тем временем, больше прав на получение вида на жительства в Германии предоставлено беженцам, теперь в данную категорию входят и лица, подвергающиеся преследованию по признаку пола или сексуальной ориентации. Тот, кто подлежит выдворению из Германии, но не депортирован в течение 18 месяцев по истечении назначенного срока по не зависящим от него причинам, приобретает разрешение на пребывание в ФРГ. Если коснуться вопросов о воссоединении семей, то здесь всё осталось по-прежнему: несовершеннолетние дети претендентов на политическое убежище или иностранцев, получивших статус беженцев, могут переехать к родителям в Германию. При рассмотрении ходатайства учитывается готовность ребенка на переезд, семейное положение родителей. Супруг(а) по приезду в Германию имеет право на получение разрешения на пребывание в Германии сроком на один год, которое продлевается каждый год, пока все предпосылки для получения права на бессрочное проживание не будут выполнены, а именно: знание немецкого языка; возможность содержать себя без получения соцпомощи от государства. Впервые отмечается возможность воссоединения однополых семей (ранее – только для гетеросексуальных супругов). При этом достаточно, если один из супругов будет работать, а другой получать пособие по безработице в течение 6 месяцев.

Отметим, что Законом выделена бизнес-иммиграция: «Условиями для разрешения на иммиграцию для бизнесменов являются приоритетный экономический интерес Германии (обычно только при инвестиции от 1 млн. евро и создании не менее 10 рабочих мест), особые региональные потребности или ожидание позитивного воздействия на экономику. Финансирование должно обеспечиваться за счет собственных средств или согласием на предоставление кредита. Сначала выдается разрешение на проживание сроком минимум на 3 года, через 3 года может быть выдан бессрочный вид на жительство, если запланированная деятельность успешно осуществлялась и средства к жизни гарантированы», таким образом, речь идёт об инвестиционной иммиграции [9, § 16-38a; chapter 2, part 1, sec. 3; sec. 4]. Если лицо желает получить немецкое гражданство, то ему нужно прожить на территории Германии 7 лет, а также подтвердить знание немецкого языка, правового и общественного порядка путём прохождения специализированного экзамена. Освобождаются от его прохождения лица, закончившие школу в Германии, которые не в состоянии пройди тест по состоянию здоровья (вследствие психической, физической болезни, по возрастной причине). При неудачной сдаче теста лицо может быть допущено к повторной сдаче экзамена. Дополним, что в стране действует Молодежная миграционная служба (JMD), помогающая вновь прибывшим в страну подросткам и молодым людям в возрасте до 27 лет. В целом можно сделать вывод, что немецкий «Закон об иностранцах» впервые создал правовые условия, регулирующие и отграни-

чивающие иммиграцию, были впервые законодательно закреплены мероприятия по интеграции для иностранцев, длительно и на законных основаниях проживающих в Германии [7; 13].

Анализируя чешское законодательство, необходимо отметить, что в нем предусмотрено 5 оснований для въезда на территорию данной страны с целью длительного пребывания: индивидуальное предпринимательство; получение образования (основание – документальное подтверждение о зачислении лица в аккредитованное учреждение образования); воссоединение семьи (выдаётся в случае, если у лица есть близкие родственники в Чешской Республике; трудоустройство в Чехии (может получить лицо, имеющее разрешение на работу бюро трудоустройства Чехии); «бизнес-виза» (если ранее её можно было получить, лишь учредив в стране юридическое лицо, то теперь данного основания недостаточно, и лицо, учредившее фирму, обязано принимать непосредственное участие в её управлении в виде найма сотрудников, офисных помещений, развития бизнеса и др.). Все вышеуказанные виды виз являются в дальнейшем основанием для получения ПМЖ в Чехии, а при проживании лица в течение 5 лет – и на получение гражданства. До 2010 г. получить визу по основанию индивидуальное предпринимательство было существенно легче, чем сейчас. Теперь их выдают тем, кто планирует заниматься реальным бизнесом, то есть с вложением значительного капитала, организацией рабочих мест (преимущественно для граждан Чехии. Как только зарегистрировано ИП на территории Чехии, то с 1-го дня взимаются социальные и медицинские взносы, стоимость которых довольно велика [3].

Рассматривая миграционную ситуацию в Норвегии, необходимо отметить, что здесь «не допускается предоставление убежища для должников, после того как они стали банкротами», однако, предусмотрена возможность натурализации граждан Стортингом [6, ст. 103; ст.75, m]. С мая 2004 г. здесь увеличивается число иммигрантов, что связано с последним расширением ЕС, увеличением рабочей силы из стран Балтии и Польши. Политика Норвегии направлена на создание всех условий для стабильного развития социально-экономического положения страны, создание толерантного, полинационального общества. В связи с этим в стране реорганизованы ведомства, занимающиеся вопросами иммигрантов; внесены изменения в законы, регулирующие статус иностранцев; приняты новые законы: Закон о гражданстве, действующий с 01.09.2006 г., Закон об интеграции, действующий с 2003 года; реализуется программа по интеграции политических беженцев и, лиц, получивших вид на жительство, в общество страны путём предоставления бесплатных курсов по изучению норвежского языка (300 часов), а также обществоведения для того, чтобы впоследствии быть конкурентноспособными на рынке труда либо документально подтвердить знание языка для того, чтобы получить ПМЖ. Для получения ПМЖ ценз оседлости 3 года, приобретения гражданства – 7 лет [12].

Ряд исследователей отмечают, что в последнее время прослеживается рост ультраправых настроений во многих зарубежный странах: Голландии, Франции, Швейцарии, Англии, Канаде и других. Обусловлено это внутренней со-

циально-политической ситуацией: высоким уровнем безработицы, увеличением преступлений, совершенных иностранцами, отсутствием финансовых средств для оказания им социальной помощи. Так, в Швейцарии был проведён референдум, на котором 50,5%. швейцарцев проголосовали за ужесточение миграционной политики страны, установление квот для трудоустройства и обучения иностранных граждан. Проголосовавшие за ограничение иммиграции граждане недовольны тем, что число иммигрантов возросло в 10 раз со времени подписания Договора с Брюсселем 2002 г., повышением оплаты за аренду квартир, увеличением нагрузки на транспорт и др. [14].

Таким образом, основные тенденции изменения миграционного законодательства на данный момент заключаются в его ужесточении. Европейские государства снижают размер социальных пособий для беженцев, усложняют визовую политику, сокращают сроки пребывания иммигрантов, вводятся иммиграционные квоты для граждан отдельных стран, усиливают карательные меры по их выдворению из страны, ужесточая политику по отношению к нелегалам. В то же время все страны стремятся привлечь квалифицированных специалистов.

Список использованных источников

1. В Венгрии началась жизнь за железной стеной // euronews [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.euronews.com/2015/09/15/first-arrests-made-as-hungary-cracks-down-on-immigration/. – Дата доступа: 15.04.2019.
2. Великобритания ограничивает доступ к пособиям для мигрантов из ЕС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/ world?id=660483.– Дата доступа: 12.04.2019.
3. Виды иммиграции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://golden-praga.ru/vidy_immigracii. – Дата доступа: 18.04.2019.
4. Дайджест // Аргументы и факты в Беларуси. – 2015. – № 22 (387). – 2 июня. – С.5.
5. Конституция Испанского Королевства от 29 дек. 1978 г. // Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://worldconstitutions.ru/. – Дата доступа: 13.03.2019.
6. Конституция Норвежского Королевства от 17 мая 1814 г. (в посл. ред.) // Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://worldconstitutions.ru/. – Дата доступа: 13.04.2019.
7. Мезьер, Т. В Берлине открылся центр депортации мигрантов / Т. Мезьер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://korrespondent.net/world/3826417-v-berlyne-otkrylsia-tsentr-deportatsyy-myhrantov . – Дата доступа: 23.04.2019.

8. О правах, свободах и социальной интеграции иностранцев: Закон Испании 2/2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://www.russpain.ru/a/Ley-2009/boe_num01.htm. – Дата доступа 03.04.2019.

9. О пребывании, экономической деятельности и интеграции иностранцев на территории Германии: Закон ФРГ от 25.02.2008 (с изм. и доп.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gesetze-im-internet.de/englisch_aufenthg/englisch_aufenthg.html. – Дата доступа: 19.04.2019.

10. О типовом проекте «О внутренней миграции»: Постановление Межпарламентской Ассамблеи Евразийского экономического сообщества от 2 ноября 2002 г. № 3-17 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.levonevsky.org. –Дата доступа: 15.04.2019.

11. Основной закон Федеративной Республики Германия от 23 мая 1949 года (с изм. и доп. от 20.11.1997 г.) // Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://worldconstitutions.ru/. – Дата доступа: 24.03.2019.

12. Рейсен, Т. Изменения в миграционной политике Норвегии // Т. Рейсен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eursa.eu/node/1444. – Дата доступа: 02.04.2019.

13. *Федеральное ведомство по вопросам миграции и беженцев в Германии* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bamf.de/RU/Service/Left/Glossary/_function/glossar.html?nn=1439508&lv2=1441992&lv3=1504652. – Дата доступа: 03.04.2019.

14. Швейцария ограничивает миграцию из ЕС / euronews[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.euronews.com/2014/02/10/swiss-voters-cause-upset-with-eu-over-support-for-immigration-quotas/. – Дата доступа: 10.04.2019.

15. EurostatStatisticsExplaind // Eurostat [Электронныйресурс]. – Режим доступа:http://ec.europa.eu/eurostat/statisticsexplained/index.php/Main_Page. – Датадоступа: 20.03.2019.

УДК 341.01

НАЗАД К КАНТУ ИЛИ КАКОЙ ПРАВОПОРЯДОК НУЖЕН МИРУ? ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ДИСКУССИЙ О ПРИРОДЕ НОРМАТИВНОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ивонина О.И.
Новосибирск

Обсуждение проблем нового миропорядка и природы современных международных отношений, инициированное объективными процессами глобализации, получило новый импульс после окончания Холодной войны.

Доктринальное обоснование приоритетности международно-правового регулирования прав и свобод человека, способов ведения войн и разрешения конфликтов, обеспечения национальной и коллективной безопасности было отражением различных и противоречивых тенденций развития международных отношений на рубеже XX–XXI вв.

Кодификация норм гуманитарного права, в особенности концепции ResponsibilitytoProtect (PR2P), свидетельствовала о признании всем мировым сообществом ценности человеческой жизни в качестве высшей цели развития общества и государства. Ссылки на право мирового сообщества вмешиваться во внутренние дела для «защиты населения от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности» стали обоснованием доктрины ограниченного суверенитета государства в условиях формирующегося демократического мирового сообщества [1].

Антропоцентризм либерального правосознания допускал наличие международной правосубъектности отдельных индивидов, юридических лиц, общественных движений, т.е. не обладающих суверенитетом perse участников транснационального взаимодействия.

Акцент на единстве общечеловеческих ценностей в постбиполярном мире, где значение идейных и политических барьеров сведено к минимуму, а различие статусных параметров нивелируется глобальной взаимозависимостью, был призван легализовать политику гуманитарных интервенций и операций по поддержанию мира, проводившуюся странами НАТО и США под лозунгом распространения демократии. Противоречие подобного курса нормам Устава ООН не смущало политологов, требовавших создания принципиально новой нормативной и институциональной базы международных отношений, устранения пробелов в действующем международном праве с целью разрешения дилеммы между «принципом Зорро» и «принципом Мюнхена». [2, с.23–24]

Размышления Канта о соотношении свободы и равенства, государственного суверенитета и «всемирного гражданского состояния», правового универсализма и партикуляризма в трактате «К вечному миру» 1795 г. оказались неожиданно созвучными современным дискуссиям осправедливости и эффективности международного права в условиях распада биполярной системы международных отношений и хаоса «эпохи турбулентности».

Отталкиваясь от кантовского понимания морального закона как универсально значимой нормы, применимой ко всем субъектам международных отношений и в любых ситуациях, современные последователи немецкого философа считали реальным воплощением категорического императива основополагающие принципы международного права. Зафиксированные в Статуте Лиги Наций, пакте Бриана-Келлога, Уставе ООН и других международных организаций, они воспринимались как «относящиеся к разряду *строгих* законов, имеющих силу при любых обстоятельствах и требующих *немедленного* осуществления» [3, с.365], [6, p.89]. Дж. Ролз отмечал универсализм категорий свободы, равенства и справедливости, которые не могут

быть предметом торга или калькуляции национальных и государственных интересов [4, с.38.].

Х. Булл подчеркивал конвенциональный характер как самого международного права, так и институциональной природы современного миропорядка, концептуальной основой которых стал кантовский проект «всемирного гражданского состояния» и «мирного союза народов». Для Линклэйтера и Слотер была важна интуиция И. Канта относительно способности мирового сообщества достичь желанного равновесия между свободой и силой отдельных государств, создав «всемирно-гражданское состояние публичной безопасности» посредством вовлечения в процесс выработки «закона объединенной воли» всех субъектов мирового процесса, независимо от их статусной и политической природы [10, p.170].

Кантовский проект «международного права, основанного на публичных и опирающихся на силу законах, которым должно подчиниться каждое государство», исходил из традиционного допущения правового натурализма о том, что «в человеческой природе всегда живо уважение к праву и долгу». Критики естественно-правовой доктрины справедливо указывали на то, что трактат «К вечному миру» представляет собой типичный пример идеального права, «указывающего на то, каким *должно быть* отношение между людьми и государствами» [3, с.350–351].

Смещение ракурса дискуссий о судьбе либерального проекта в сферу размышлений над природой международного права, способного дать адекватный ответ на вызовы современности, способствовало актуализации идей Канта в споре о путях и формах общественного прогресса, пределах и перспективах транзита западных политических и правовых институтов в другие культуры. Апологеты «либерального триумфализма» считали неизбежным переход подавляющего числа участников международных отношений к универсальным ценностям свободы, демократии, уважения прав и свобод человека, открытой и гласной политике.

Отмеченная И.Кантом неразрывная связь договорной природы правового государства с миролюбивым характером его внешней политики стала аксиомой как для неореалистов, так и для неолибералов, утверждающих вслед за немецким философом, что в рамках «формально установленного мирного союза» демократии друг с другом не воюют. Не случайно, по мнению М. Дойла, расширение «зоны мира» усилиями либеральных сообществ сопровождалось распространением демократии, способствуя исполнению мечты В.Вильсона сделать мир более безопасным для демократии, а ценности демократии – приемлемыми во всем мире [7, p.1151–1152].

Проект «международного права, основанного на федерализме свободных народов, в котором каждому из них гарантировано его право» [3, с.385] представлялся Канту компромиссом между свободой и суверенитетом. Философ сознательно противопоставлял свое видение международного правопорядка идеалу всемирного государства А. Сен-Пьера и Ж.-Ж. Руссо, считая главными атрибутами «союза народов» принципы кооперации и субсидиар-

ности. По мнению современных авторов, в условиях глобальной взаимозависимости международное сотрудничество принимает dejure и defacto различные формы федеративной организации, в рамках которой привилегии и неприкосновенность государственного суверенитета ограничивается во имя безопасности и прав человека, солидарной защиты общих интересов и ценностей. Федерализм, тем самым, выступает институциональной основой международного гуманитарного права, демонстрируя совместимость свободы и порядка, суверенности и интеграции [9, P.917–918.].

Создание Лиги Наций, ООН, СБСЕ, ЕС современные последователи Канта считают эмпирическим воплощением собственно либерального проекта «вечного мира». В природе этих международных институтов проявилась, по их мнению, политическая культура и моральные стандарты либерально-демократических режимов: плюрализм, уважение прав и свобод человека, способность к достижению консенсуса по общезначимым проблемам, неукоснительное следование законам и принятым обязательствам. Как иронично заметил Х. Альварес, либеральные государства «всегда ведут себя хорошо и правильно», подчиняя категорическому императиву свои действия внутри и за пределами национальных границ [5, p.183–84].

Таким образом, усилиями либерально-демократических режимов создается не только институциональная основа современного миропорядка – «федерация миролюбивых», – но и его правовое поле. Неолиберальная доктрина современного международного правопорядка, созданная современными последователями И.Канта, неуловимо сближается с цивилизационной дихотомией С. Хантингтона, в рамках которой понятия равенства, справедливости, законности, свободы, международного сотрудничества выступают не просто маркерами западной цивилизации, но и нормативным обоснованием его особой роли в процессе международного правотворчества и правоприменения. В новой мировой иерархии и международном праве легитимируются и легализуются превентивные войны, ведущиеся от имени либерального мирового сообщества против «преступных» тоталитарных режимов, гуманитарные интервенции, прецеденты регионального юнилатерализма (подобно операциям НАТО в Югославии, США и Великобритании в Ираке, Ливии, Афганистане).

Соответствие акторов международного права критериям либеральной демократии должно учитываться, по мнению А.- М. Слотер, в процессе международного признания государств и принятия их в состав международных организаций (прежде всего, в ООН), в ходе реализации программ экономической и гуманитарной помощи, проектов международного сотрудничества [11, p.509].

Итогом и уроком конфликта интерпретаций кантовского трактата 1795 г. в современной науке международных отношений стало новое понимание природы международного права. Толерантность, плюрализм, готовность к признанию прав и свобод «Другого» (несмотря на противоположный характер отстаиваемых им интересов и ценностей), стремление к сотрудничеству на равных во имя решения глобальных проблем, – таков далеко не

полный перечень характеристик идеальной системы нормативного регулирования международных отношений, истоки которого восходят к кантовскому идеалу «вечного мира» между народами.

Список использованных источников

1. Ивонина О.И. Новый Рим в новом мире // Сравнительная политика. 2016. Т.7. № 3(24). С.17-24.
2. Итоговый документ Всемирного саммита ООН 2005 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/womenwatch/ods/A-RES-60-1-E.pdf. – Дата доступа 28.03.2019.
3. Кант И. Сочинения в 4-х тт. на нем. и рус. яз. Т.1. Трактаты и статьи (1784-1796). М.-Марбург. 936 с.
4. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Наука, 1995, 532 с.
5. Alvarez J.E. Do Liberal States Behave Better? // European Journal of International Law. 2001. Vol.12. № 2.p.183-246. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ejil.org/pdfs/12/2/1516.pdf. – Дата доступа 28.03.2019.
6. Doyle M.W. Liberalism and World Politics Revisited. // Controversies in International Relations Theory: Realism and neoliberal Challenge. Ed. By C.W. Kegley. N.-Y.: St.Martin `s Press, 1993.pp.83-105.
7. Doyle M.W. Liberalism and World Politics //American Political Science Review.vol.80. No.4.December 1986 . P.1151-1169 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ir.rochelleterman.com/sites/default/files/doyle%201986.pdf. – Дата доступа 28.03.2019.
8. Doyle M.W. On Democratic Peace // International Security.1995.Vol.19.No.4. p. 164–168.
9. Finnemore M., Sikkink K. International Norm Dynamics and Political Change// International Organization. October 1998. P.887–918.
10. Linklater A. Beyond Realism and Marxism: Critical Theory and International Relations. L.: MacMillan Press, 1990. 216 p.
11. Slaughter A.M. International Law in a World of Liberal States // European Journal of International Law. 1995. Vol.6. № 1. P. 503–538 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ejil.org/pdfs/6/1/1310.pdf. – Дата доступа 28.03.2019.

УДК 342.537.3:340./30

ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ КАК ФОРМА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Козак М.А.
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

Суть теории представительства заключается в том, что в законах должны быть представлены интересы и закреплена воля народа. В науке

преобладает точка зрения, согласно которой законодательная деятельность органично связана с представительными органами. Российский конституционалист М.В. Баглай отмечает, что «Конституции в различных странах наделяют представительные органы различными полномочиями, но обязательными и важнейшими среди них являются законотворчество» [1, с. 109]. Показательно мнение В.В. Дворника, который утверждает, что «институт представительства есть связующее, посредствующее звено между обществом и конкретными лицами, призванными законодательствовать в соответствии с мандатом, полученным в конкурентной борьбе за голоса избирателей» [2, с.9]. Как следствие законотворчество является «демократической формой выражения народного волеизъявления» [3, с. 179; 4, с,673; 5, с.68].

При написании статьи был использован метод анализа законодательства, который способствовал рассмотрению принципа законотворчества как одного из основных признаков представительных органов. Метод анализа употреблялся совместно с методом синтеза, который позволил объединить в единое целое составные части принципа законотворчества и нормотворчества в аспекте его применения к представительным органам различного уровня.

В процессе законотворчества в Республике Беларусь принимают участие ряд органов. Правом законодательной инициативы обладают Президент, депутаты Палаты представителей, Совет Республики, Правительство, а также граждане, обладающие избирательным правом, в количестве не менее 50 тыс. человек.

В комиссиях Палаты представителей законопроект разрабатывается, проходит процедуру согласования, рассматривается на заседании Палаты Представителей, где принимается или отклоняется законопроект. Совет Республики одобряет или отклоняет законопроект. После одобрения законопроекта он переходит в новое качество – закон, который передается в Конституционный Суд, который устанавливает его соответствие Конституции и международным договорам Республики Беларусь, и, наконец, закон должен быть подписан Президентом в 10 дневный срок и обнародован, т.е. тем самым Президент завершает законодательный процесс. «Президент является последней инстанцией, через которую проходит закон, оценивая его на качественность» [6, с. 105].

Таким образом, в процессе законотворчества участвуют обе палаты Парламента и Президент. Без сомнения, особая роль в законотворчестве принадлежит Парламенту, но в тоже время полномочия Президента, также нельзя назвать вторичными. В данном отношении оправдано мнение, что «Парламент и Президент обеспечивают базовое правовое регулирование путем издания законодательных актов» [7, с.81].

Полномочия Правительства в законодательном процессе можно назвать факультативными, т.е. не основным видом его деятельности. В тоже время необходимо уточнить, что в Республике Беларусь более чем за 90 % от общего числа законопроектов за 2018 год ответственно именно Правительство. Полномочия реализуются через право законодательной инициативы. Участие государственных органов в качестве инициаторов законопроектов,

это часть реализации принципа разделения властей, обеспечения взаимодействия государственных органов.

Национальным собранием за период деятельности принято и Главой государства подписано2090 законов, в том числе два программных («Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь» и «Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь»), 34 кодекса и 865 законов о ратификации международных договоров. Активная и продуманная внешняя политика государства, и реализация принципов международного сотрудничества позволяют республике успешно решать вопросы продвижения национальных интересов на международной арене.

Местные советы депутатов являются нормотворческими органами, их нельзя отнести к законодательным органам – здесь необходимо говорить об уровне их компетенции, поскольку полномочия местных Советов касаются важнейших вопросов отдельно взятого региона. Советы занимают свою нишу во всем процессе нормотворчества, через который проявляется «взаимосвязь и взаимодействие государственных органов, определяется роль каждого» [4, с.673].

Таким образом, законотворчество является прерогативой двух органов государства – Президента и Парламента. Законотворчество является одной из «форм реализации представительной функции», т.е. это функциональное предназначение представительных органов, является обязательным и определяющим для представительных органов республиканского значения. Для региональных представительных органов основным направлением деятельности является не законотворчество, а нормотворчество, которое в целом является специфической, особой функцией представительных органов республиканского уровня. Все представительные органы задействованы не только в законотворчестве, но и нормотворчестве в целом. У них есть право на издание своих собственных нормативных актов, значение, статус которых отличается от других нормативных актов, изданных «непредставительными» органами. Белорусский конституционалист Е.В. Семашко в своей работе отмечает: «в целом, теория народного представительства определяет приоритетное значение и высшую юридическую силу актов, издаваемых представительными органами государственной власти» [8, с.50].

Законотворчество как форма международной деятельности органов представительной власти отражается в ратификации международных договоров, поиске различных возможностей международного сотрудничества между государствами, а именно между представительными органами, в сфере законотворчества и нормотворчества.

Список использованных источников

1. Баглай, М.В. Конституционное право Российской Федерации : учебник для юрид. вузов и фак. / М.В. Баглай, Б.Н. Габричидзе. – М. : ИНФРА-М., Кодекс, 1996. – 509 с.

2. Дворник, В.В. Институт представительства и законодательная власть в демократическом правовом государстве: сравн.-правовой анализ зап. и рос. опыта: автореф. дис. … к.ю.н.: 12.00.01 / В.В. Дворник ; Рост. юрид. ин-т МВД России. – Ростов н/Д, 2004. – 21 с.

3. Тихомиров, Ю.А. Теория закона / Ю.А. Тихомиров. – М. : Наука, 1982. – 257 с.

4. Василевич, Г.А. Конституционное право Республики Беларусь : учебник для студ. юрид. вузов / Г.А. Василевич.– Минск : УП «Книжный Дом» : ООО «Интерпресссервис», 2003. – 830 с.

5. Масловская, Т.С. Место обязательного предварительного конституционного контроля в законодательном процессе Республики Беларусь (теоретический аспект) / Т.С. Масловская // Научно-практический журнал «Право. Ву». – 2010. – № 1 (7). – С. 67–73.

6. Масловская, Т.С. Институт президентства в Республике Беларусь : теоретические и конституционные основы / Т.С. Масловская. – Минск : БГУ, 2010. – 183 с.

7. Пляхимович, И.И. Законодательство о совершенствовании законодательства : проблемный анализ / И.И. Пляхимович // Вестник Конституционного суда Республики Беларусь. – 2009. – № 3. – С. 81–88.

8. Семашко, Е.В. Юридическая природа нормативных актов государственных органов Республики Беларусь: дис. … к.ю.н.: 12.00.02: 22.04.2003 / Е.В. Семашко. – Минск, 2003. – 105 с.

УДК 347.156:341.231.14

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ ТРАНСГЕНДЕРОВ ОТ ДИСКРИМИНАЦИИ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Лаворенко С.Ю., Ребицкая Е.В.
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

Международное право о правах человека признает, что все люди, вне зависимости от их гендерной идентичности, являются носителями прав и свобод, которые вытекают из понятия достоинства, присущего личности человека, без какой-либо дискриминации.

В условиях наличия немалой международно-правовой базы по защите прав человека, необходимо отметить, что все еще имеет место дискриминация к различным категориям людей, включая трансгендеров. Это подтверждает факт признания Верховным комиссаром ООН по правам человекапроблемы дискриминации трансгендеров, принятие Джокьякартских принципов о правах человека об отношении сексуальной ориентации и гендерной идентичности, а также постоянное развитие практики Европейского суда по вопросам дискриминации данной категории лиц. Все это свидетельствует о том, что международное сообщество представляет всё больший интерес и актуальность к проблеме обеспечения и защиты трансгендеров, а следовательно, и к дороге преодоления уязвимости представителей в области этой

категории в сфере здравоохранения, трудоустройства, в бытовой сфере, сфере образования и других [4].

Трансгендеры уязвимы в обществе, рискуя стать жертвой дискриминации, насилия, нарушения таких фундаментальных прав, как право на жизнь, на физическую целостность, а также охрану здоровья. Данная дискриминация выражается в трансфобии, защита от которой должна обеспечиваться на мировом уровне.

В нашей стране любая тема, которая относится к ЛГБТ-сообществу, как правило, приносит негативную реакцию. Консервативные взгляды и отсутствие достаточной информированности по данному вопросу – это факторы, влияющие на отношение общества к сексуальным меньшинствам. В аббревиатуре ЛГБТ-сообщества выделяют четыре группы, а именно: лесбиянки, геи, бисексуалы и трансгендеры. Но лишь малая часть осознает, что последние отличаются от остальных, ведь данная категория выделяется не по сексуальной ориентации, а по гендерной идентичности. На сегодняшний день существует две формы категории трансгендеров:

1) индивид, который родился мужчиной, но ощущает себя и ведет образ жизни как женщина;

2) индивид, родившийся женщиной, но чувствует себя мужчиной.

В современном мире постулатом в защите прав человека является равенство в правах представителей любых социальных групп, вне зависимости от сексуальной ориентации либо гендерной идентичности. Однако на практике, трансгендеры, как и остальные категории ЛГБТ-сообщества, подвергаются различного рода дискриминации, ущемлены в права и постоянно сталкиваются с различными проблемами. Большое количество трансгендеров осознают свою гендерную идентичность в раннем возрасте или в подростковом, но не распространяются о своей гендерной идентичности из-за негативной реакции среди окружения и родственников и это является проблемой.

Существует множество международно-правовых документов, запрещающих дискриминации во всех ее формах. Среди этих документов можно выделить Всеобщую декларацию прав человека 1948 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Международный пакт о экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Конвенцию ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г., Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Хартию Европейского союза об основных правах 2007 г. и др.

В настоящее время активное обсуждение проблемы защиты трансгендеров со стороны международного сообщества ведется в ООН. Данная тема постоянно затрагивается в докладах Совета по правам человека ООН (далее – Совет ООН). Так, еще в 2008г. была принята Декларация ООН о сексуальной ориентации и гендерной принадлежности. В 2011 году Совет ООН принял первую в истории резолюцию по вопросу сексуальной ориентации и гендерной идентичности. Резолюция Human rights, sexual orientation and gender identity («Права человека, сексуальная ориентация и гендерная идентичность»), кото-

рая призывает к реализации мер по четырем основным направлениям. В частности, предусмотрено обращение к Верховному комиссару ООН по правам человека с запросом о проведении в мировом масштабе исследования с целью выявления дискриминирующих законов, практик и актов насилия в отношении людей на основании их сексуальной ориентации и гендерной идентичности. В этом исследовании также должны быть описаны возможности применения международных правозащитных документов и законов для прекращения насилия и нарушений прав человека на основании сексуальной ориентации и гендерной идентичности. Кроме того мировое сообщество призывает наладить конструктивный, осмысленный и транспарентный диалог по вопросу о дискриминационных законах и практике и актах насилия в отношении лиц по причине их сексуальной ориентации и гендерной идентичности;

Затем была принята резолюция, которая запрещает дискриминацию на основании сексуальной ориентации – Резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы «Пресечение дискриминации по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности 2013 г.». Следует отметить, что инструменты международной защиты прав человека стремятся защитить людей без какой-либо дискриминации. Вопреки тому, что гендерная идентичность как один из признаков дискриминации, вместе с сексуальной ориентацией, как правило, конкретно не упоминаются в международных актах по правам человека, эти акты распространяются на всех людей, поэтому позиция дискриминации в них не носит исчерпывающий характер.

В начале XXI в. во многих странах мира были приняты национальные нормативно-правовые акты, касающиеся трансгендеров. Большое количество государств, приняли меры на законодательном уровне, которые запрещают дискриминацию по признакам сексуальной ориентации и в меньше количестве по признаку гендерной идентичности. К примеру, в 2007 году в Испании был принят Закон «О половой идентичности». В Польше, Австрии, Германии, Франции, Швейцарии и ряде других европейских государств коррекция пола легальна и после неё можно получить новые документы.

В Республике Беларусь права трансгендеров отчасти затрагивает ст. 19 Закона «О здравоохранении», где говорится об изменении и коррекции половой принадлежности [1], а также Постановление Министерства здравоохранения №163 «О некоторых вопросах изменения и коррекции половой принадлежности». В данных нормативных правовых актах также закреплено право изменения пола, но есть свои особенности, а именно необходимо установить, что изменение пола является мерой не связанной с психическими и соматическими расстройствами, а из-за несовпадения с гендерной идентичностью [2]. Кроме того лица, желающие произвести смену пола на практике минимум 2 года доказывают аттестационной комиссии, что действительно нуждаются в таком переходе. Этим вопросом занимаются Министерство внутренних дел, Министерство юстиции и Комитет государственной безопасности.

Проанализировав вышеприведенные нормативные правовые акты, приходим к выводу, что белорусское законодательство лишь поверхностно затрагивает проблемы трансгендеров и не регулирует правовые вопросы, с которыми сталкиваются лица, сделавшие операции по изменению пола.

Лишь в главе 10 пункте 84 Постановления Совета министров Республики Беларусь «О порядке организации работы с гражданами в органах, регистрирующих акты гражданского состояния, по выдаче справок либо иных документов, содержащих подтверждение фактов, имеющих юридическое значение», содержится прямая норма, которая касается с изменением и коррекцией половой принадлежности [3].

Резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить, что права трансгендерных людей в течение длительного периода не учитывались либо игнорировались, хотя эти люди сталкиваются с серьёзными проблемами на своем пути, зачастую они характерны только для этой группы. Трансгендерные люди подвержены высокому уровню дискриминации и прямого насилия. Подвергаются нарушению их фундаментальные права, а именно: на жизнь, право на охрану здоровья, на физическую целостность и только согласованные стандарты в международном праве в области прав человека и их имплементация в национальные законодательства, помогут решить вопрос дискриминации в отношении трансгендеров.

Список использованных источников

1. О здравоохранении: Закон Республики Беларусь от 28 июня 1993 г. №2435-XII // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

2. О некоторых вопросах изменения и коррекции половой принадлежности: Постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 9 декабря 2010 г., № 163 // КонсультантПлюс. Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

3. О порядке организации работы с гражданами в органах, регистрирующих акты гражданского состояния, по выдаче справок либо иных документов, содержащих подтверждение фактов, имеющих юридическое значение: Постановление Совета министров Республики Беларусь от 14 декабря 2005 г. № 1454 // КонсультантПлюс. Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

4. Тематический доклад: «Права человека и гендерная идентичность». [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://dogmon.org/prava-cheloveka-i-gendernaya-identichnoste.html– Дата доступа: 25.04.2019.

УДК 341.229

ПОНЯТИЕ, РАЗВИТИЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО КОСМИЧЕСКОГО ПРАВА КАК ОТРАСЛИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Морозов Е.В., Рубо О.П.
Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет “МИТСО”»

В современной правовой сфере международного публичного права существует отдельная, самостоятельная отрасль публичного права, целью которой является регулирование отношений между государствами и международными организациями по исследованию и использованию космического пространства, планеты Луна, а также других небесных тел – Международное космическое право.

Дополнительно данная отрасль международного публичного права ставит своей целью установить международно-правовой режим космического пространства (включая небесные тела).

На основании этого представляется рациональным отметить, что космическое пространство представляет огромный интерес в его исследовании и возможном использовании во благо всего человечества, а международное космическое право, в свою очередь, дополняет область воздействия и изучения человечеством космического пространства в рамках международных отношений, а также созданных государствами международных организаций.

Космическое право может быть описано как совокупность законодательных актов, регулирующих космическую деятельность. Космическое право, как и публичное международное право, включает в себя различные международные соглашения, договоры, конвенции и резолюции Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, а также нормы и правила международных организаций.

Под термином «космическое право» понимаются нормы, принципы и стандарты международного права, фигурирующие в международных договорах и сводах принципов, регулирующих космическое пространство, которые были разработаны под эгидой Организации Объединенных Наций. В дополнение к международным документам, многие государства имеют национальное законодательство, регулирующее космическую деятельность. Отметим, что Республика Беларусь является государством участником Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела.

Космическое право затрагивает различные вопросы, например, такие как:

– сохранение космоса и окружающей среды Земли;
– ответственность за ущерб, причиненный космическими объектами;
– урегулирование споров;
– спасение космонавтов;
– обмен информацией о потенциальных опасностях в космосе;

– использование космических технологий и др.

Ряд основополагающих принципов направляет проведение космической деятельности, в том числе представление о космосе как о провинции всего человечества, свободу освоения и использования космического пространства всеми государствами без какой-либо дискриминации и принцип не присвоения космического пространства [3].

Первостепенную роль в разработке международного космического права играла и продолжает играть ООН, в частности путем принятия резолюций Генеральной Ассамблеи. Не имеет существенного значения, обладают ли эти резолюции обязательным характером или являются простыми рекомендациями, открытыми для всестороннего обсуждения.

После запуска первых советских и американских спутников Генеральная Ассамблея ООН в рамках работы КОПУОС начала изучать правовые проблемы, которые могут возникнуть при осуществлении космической деятельности. В резолюции 1472 (XIV) от 12 декабря 1959 года Генеральная Ассамблея признала в качестве фундаментальной основы в деле освоения космоса ориентацию только на благо всего человечества и отметила важность учета интересов всех государств «независимо от уровня их экономического или научного развития» при проведении исследований и использовании космического пространства. Также подчеркивалась необходимость содействия международному сотрудничеству.

Следующее важное постановление Генеральной Ассамблеи – резолюция 1721, принятая единогласно в декабре 1961 года, явилась своего рода руководством по дальнейшему развитию международного космического права. В дополнение к вышеупомянутым принципам Генеральная Ассамблея утвердила новый руководящий принцип, согласно которому «космическое пространство и небесные тела доступны для исследования и использования всеми государствами в соответствии с международным правом и не подлежат присвоению государствами». Данные принципы были более подробно изложены в резолюции 1962, принятой единогласно и озаглавленной «Декларация правовых принципов, регулирующих деятельность государств по исследованию и использованию космического пространства». Были торжественно провозглашены следующие **руководящие принципы международного космического права**:

1. Исследование и использование космического пространства осуществляются на благо и в интересах всего человечества.

2. Космическое пространство и небесные тела открыты для исследования и использования всеми государствами на основе равенства и в соответствии с международным правом.

3. Космическое пространство и небесные тела не подлежат национальному присвоению.

4. Деятельность государств по исследованию и использованию космического пространства должна осуществляться в соответствии с международным правом, включая Устав ООН.

5. Государства несут международную ответственность за национальную деятельность в космическом пространстве, ответственность возлагается либо на государство, либо на международную организацию и на участвующие в ней государства. Деятельность национальных органов в космическом пространстве должна вестись под постоянным наблюдением соответствующего государства.

6. При исследовании и использовании космического пространства государства осуществляют всю свою деятельность с должным учетом соответствующих интересов других государств. Если деятельность в космосе или планируемый эксперимент потенциально могут нанести ущерб другим государствам, то необходимо предварительно провести международные консультации.

7. Государство, в регистр которого занесен объект, запущенный в космическое пространство, сохраняет юрисдикцию и контроль над таким объектом и над любым экипажем, находящимся на нем, во время их нахождения в космическом пространстве.

8. Каждое государство, которое осуществляет или обеспечивает запуск предмета в космическое пространство, несет международную ответственность за ущерб, причиненный иностранному государству таким предметом или его наземными составными частями в воздушном или космическом пространстве.

9. Государства рассматривают космонавтов как посланцев человечества в космос и оказывают им всемерную помощь. Космонавты, в случае вынужденного приземления на территории иностранного государства, незамедлительно возвращаются государству, в котором зарегистрирован их космический корабль.

Все последующие договоры, касающиеся международного космического права, включают большинство из принципов, закрепленных в данной Декларации [1].

Главенствующей международной организацией, способствующей развитию космического права и использованию космического пространства в мирных целях, по нашему мнению, является Международный институт космического права (далее – МИКП).

Организационным документом организации является Устав МИКП, который был принят Генеральной Ассамблеей членов, которая собирается каждый год, сам Институт управляется Советом директоров. МИКП учреждена как ассоциация в соответствии с законодательством Нидерландов и зарегистрирована в Торговой палате Гааги, Нидерланды.

МИКП был основан в 1960 году и является независимой международной неправительственной организацией, занимающейся вопросами развития космического права. В состав Института входят сотрудники и учреждения из почти пятидесяти стран мира, избранные на основе их вклада в области космического права или других общественных наук, связанных с космической деятельностью. Кроме того, потенциальное членство открыто для студентов и молодых специалистов, проявляющих интерес к космическому праву.

Целью данной организации является содействие дальнейшему развитию космического права и расширению верховенства права в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях, что, безусловно, подчеркивает основные принципы международного публичного права. С этой целью институт проводит совещания, коллоквиумы и конкурсы по юридическим и социальным аспектам космической деятельности, готовит исследования и доклады, публикует книги, материалы, доклады и документы с изложением позиции, а также сотрудничает с соответствующими международными организациями и национальными учреждениями в области космического права.

Стоит отметить, что МИКП тесно взаимодействует с другими международными организациями, специализирующимися в космической области, одной из них, например, является Международная академия астронавтики.

К тому же МИКП является официальным наблюдателем Комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях (далее – ЮНКОПУОС) и его научно-технических и юридических подкомитетов. МИКП назначает членов в качестве официальных наблюдателей на сессиях Комитета и представляет отчеты о его деятельности. Кроме того, в сотрудничестве с Европейским центром космического права МИКП организует ежегодные симпозиумы по космическому праву для делегатов и сотрудников, участвующих в сессиях Юридического подкомитета ЮНКОПУОС в Вене, Австрия. МИКП публикует свои ежегодные материалы, в которых содержаться документы, представленные на конференции, а также отчеты о своих мероприятиях на протяжении года, в дополнение МИКП издает заявления для содействия обсуждению правовых аспектов космической деятельности [2].

Правовая основа космического права представлена пятью основными международными документами, которыми являются:

1. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (1967 г.). Данный договор, обычно называемый Договором по космосу, считается краеугольным камнем международного космического права. Договор содержит ряд основополагающих принципов, устанавливающих основные правовые рамки деятельности государств в области космическом пространстве.

2. Соглашение о спасении космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство (1968 г.). Соглашение о спасении космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство от 22 апреля 1968 года, как говорит его название, предусматривает незамедлительное принятие всех мер по спасению космонавтов и оказанию им необходимой помощи в случае аварии, бедствия, вынужденной или непреднамеренной посадки.

3. Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами (1972 г.). Конвенция предусматривает ответственность государств за национальную деятельность в космическом про-

странстве и ответственность за ущерб, причиненный космическим аппаратом или его составной частью другому государству, его физическому или юридическому лицу.

4. Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство (1975 г.). Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство, устанавливает обязательную систему регистрации космических объектов, выведенных на орбиту Земли и за ее пределы.

5. Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах (1979 г.). Договор о Луне представляет собой совокупность общих принципов и конкретных положений, определяющие допустимые виды деятельности на Луне и других небесных телах.

Стоит упомянуть, что в современном международном космическом праве существуют отдельные проблемные моменты, одним из которых является проблема определения территории, при которой заканчивается воздушное пространство, и начинается космическое. В данной области существует множество подходов, однако, ни один из них не получил всемирного признания, в т.ч. и правового. Еще одна проблема выражается в рисках, связанных с использованием ядерных источников энергии в космическом пространстве, а также перегруженностью околоземного пространства, космическим мусором, вредным воздействием, оказываемым на атмосферу и ионосферу ракетным топливом, также существует опасность радиоактивного загрязнения. Существует проблема с коммерциализацией спутниковых служб и коммерческой доступностью вывода на орбиту. Существующие нормы международного космического права должны учитывать экономические и технические предпосылки, которые усиливают растущую коммерциализацию космической деятельности. В дополнение отметим, что существует проблема с милитаризацией космического права, на сегодняшний день ее рост осуществляется в геометрической прогрессии, в соответствии с перспективами и планами отдельных государств.

В подведение итога отметим, что международное космическое право имеет достаточно высокие перспективы и высокий уровень потенциального последующего развития. Действующие соглашения о космическом праве и другие документы дают космической деятельности более четкие и безопасные правовые основы, чем те, которые можно найти в других видах деятельности, регулируемых международным правом. Тем не менее, существует ряд проблем и препятствий, которые, вероятно, могут затруднить достижение будущих международных договоренностей в области космического права и не сделать их всеобъемлющими. Технологические, экономические и политические вопросы имеют, и будут оказывать существенное влияние на будущее развитие международного космического права. Некоторые конкретные области космического права становятся все более важными и требуют уточнения действующих и создания новых правовых норм и правовых актов, однако, устойчивая правовая основа космического права уже создана [1].

Список использованных источников

1. Международное космическое право [Электронный ресурс] // Международное право. – Режим доступа: http://interlaws.ru/mezhdunarodnoe-kosmicheskoe-pravo/. – Дата доступа: 23.04.2019.
2. About the International Institute of Space Law. Introduction [Electronic resource] // International Institute of Space Law. – Mode of access: http://iislweb.org/about-the-iisl/introduction/. – Date of access: 23.04.2019.
3. Space law [Electronic resource] // UN. Office for outer space affairs. – Mode of access: http://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/spacelaw/index.html. – Date of access: 23.04.2019.

УДК 341.9:349.6

ЗНАЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Маркина Н.А.
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

В современных условиях развития общества постоянно наблюдается увеличение антропогенной нагрузки на окружающую среду, что влечет за собой возникновение экологических проблем как на территории отдельных государств, так и во всем международном сообществе. К проблемам охраны окружающей среды можно отнести: постоянное увеличение отходов производства и потребления, загрязнение водных объектов, уменьшение видового разнообразия объектов животного и растительного мира, загрязнение атмосферного воздуха, ряд проблем, касающихся изменения радиационного фона и многие другие.

Для решения большинства экологических проблем недостаточно деятельности одного государства, так как ряд компонентов природной среды участвуют в круговороте веществ, соответственно для обеспечения благоприятного состояния окружающей среды необходимо международное сотрудничество. А, следовательно, вся вышеуказанная деятельность требует нормативное закрепление.

Статьей 104 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» закреплена следующая позиция государства «Республика Беларусь осуществляет международное сотрудничество в области охраны окружающей среды в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Республики Беларусь в области охраны окружающей среды.

Республика Беларусь принимает участие в международном сотрудничестве в области охраны окружающей среды в соответствии с законодательством Республики Беларусь» [6].

Также в ст. 105 вышеуказанного закона закрепляется приоритет норм международных договоров в случае разногласия норм национального законодательства и норм заключенных международных договоров в области охраны окружающей среды.

В настоящее время Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь ведет деятельность в области международного сотрудничества по нескольким направлениям: присоединение к международным договорам, заключение двухсторонних договоров, участие в международных организациях, привлечение финансовых средств для реализации программ в области охраны окружающей среды.

Следует указать, что Республика Беларусь является стороной ряда международных конвенция и протоколов в том числе, Конвенция о международной торговли видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС) [5], Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте [3], Венская Конвенция об охране озонового слоя [2], Конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением (Базельская конвенция) [4] и других.

Проанализировав ратифицированные Республикой Беларусь международные нормативные правовые акты в области охраны окружающей среды, можно сделать вывод о ведении международного сотрудничества по различным направлениям, но в основном в сферах изменение климата, охрана озонового слоя, атмосферного воздуха, сохранение биоразнообразия, обеспечение охраны водных объектов. По данным Минприроды за последние десять лет в стране реализовано 68 проектов международной технической помощи.

По мнению О.Н.Вавилонской развитие сотрудничества в области охраны окружающей среды, прежде всего с зарубежными странами на двусторонней основе во многом зависит от состояния договорно-правовой базы в этой сфере. Минприроды придает большое значение заключению и последующей реализации двусторонних и многосторонних соглашений, прежде всего с государствами, являющимися нашими соседями, странами СНГ, имеющими с нами общие природные объекты, а также со странами Европы [1].

Международное сотрудничество осуществляется в основном Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь. Вместе с тем важное значение имеют локальные программы, а также соглашения в области охраны окружающей среды, их более полной реализации будет способствовать привлечение иностранного капитала. Например, заключено Соглашение между Витебским и Могилевским областными комитетами природных ресурсов и охраны окружающей среды и Государственным комитетом по охране окружающей среды Смоленской области о сотрудничестве в области охраны окружающей среды (подписано 21 декабря 1998 г.) [7], Соглашение между Витебским областным комитетом природных ресурсов и охраны окружающей среды и Государственным комитетом по охране окружающей среды Псковской области о сотрудничестве в области охраны окружающей среды (подписано 28 апреля 1999 г.) [8]. Но

можно сказать о недостаточной деятельности в данной области. Программы и мероприятия на вышеуказанной территории в основном реализуются за счет государственного бюджета.

Особое внимание следует уделить сфере обращения с отходами, так как их количество постоянно увеличивается, а для внедрения новых технологий в данной области требует больших затрат. Программы в области развития обращения с отходами в регионах сможет привлечь зарубежные инвестиции. Например, в Пуховическом районе была разработана стратегия интегрированного управления в этой сфере и получено финансирование на создание системы по сбору электронных отходов, а также на строительство полигона для захоронения отходов. Также требует усовершенствование системы раздельного сбора отходов и строительство новых объектов по переработке отходов. А, соответственно, планирование данной деятельности и последующее привлечение инвесторов.

Таким образом, следует указать на необходимость дальнейшего развития международного сотрудничества в области охраны окружающей среды, в частности, целесообразна разработка программ локального уровня с целью привлечения иностранного капитала для их реализации. Также изучение международного опыта и его отражение в национальном законодательстве, а, следовательно, и практическое применение.

Список использованных источников

1. Вавилонская, О.Н. Изменение климата и реализация международных климатических соглашений в Республике Беларусь / О.Н. Вавилонская // Экология на предприятии. - 2016. — № 12. — С. 31—38.

2. Венская Конвенция об охране озонового слоя [Электронный ресурс]: 22.03.1985, Вена // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь /
Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

3. Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте [Электронный ресурс]: 25.02.1991, Эспо // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

4. Конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением [Электронный ресурс]: 22.03.1989, Базель // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

5. Конвенция о международной торговли видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения [Электронный ресурс]: 03.03.1973, Вашингтон // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

6. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 26 ноября 1992 г. № 1982-XII: в ред. от 30 декабря 2018 г. № 160-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

7. Соглашение между Витебским и Могилевским областными комитетами природных ресурсов и охраны окружающей среды и Государственным комитетом по охране окружающей среды Смоленской области о сотрудничестве в области охраны окружающей среды (подписано 21 декабря 1998 г) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

8. Соглашение между Витебским областным комитетом природных ресурсов и охраны окружающей среды и Государственным комитетом по охране окружающей среды Псковской области о сотрудничестве в области охраны окружающей среды (подписано 28 апреля 1999 г.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

УДК 342.951

АСПЕКТЫ УНИФИКАЦИИ ПРАВОВЫХ НОРМ СТРАН-ЧЛЕНОВ ЕАЭС

Рожкова А.Ю.
Псковский государсвенный университет

В рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) национальное законодательство стран-членов ЕАЭС проходит процессы гармонизации и унификации, ведущие к достижению единого правового пространства. При этом, проявляются признаки имплементации как объективная необходимость в минимизации противоречий и таможенных барьеров законодательства. Имплементация проявляется как метод гармонизации норм, в результате которой признаются едиными и императивными для всех участников ЕАЭС в качестве унифицированных норм, на уровне международного права и ТК ЕАЭС.

Основными методами имплементации служат трансформация («при которой нормы международного права преобразовываются в нормы внутреннего права, служит основой для внесения изменений в национальное законодательство»), рецепция (заимствование) и отсылка («указание во внутреннем правовом нормативном акте на международный правовой акт как на источник, который регулирует эти отношения») [5].

Так, соблюдение и применение норм ТК ЕАЭС в отношении наступления административной ответственности и установление правового статуса лица – участника таможенных правоотношений как декларанта (на примере ч.3 ст.84 ТК ЕАЭС определяет ответственность декларанта, которую несет в рамках внутреннего законодательства) методом имплементации выступает трансформация. Но в установлении лиц, видов юридической ответственности и меры ответственности действует метод отсылки. При этом заимствование может быть выражено в установлении возраста деликтспособности лица, применении тех же мер административной ответственности. Таким

образом, наблюдается одновременно действие норм международного права в рамках ТК ЕАЭС и норм внутреннего законодательства стран ЕАЭС на принципе единого таможенного пространства в области ВЭД и суверенитета государств.

Раскрывая термин «противоправное деяние» следует обозначить деликт, имеющий причинно-следственную связь и влекущий за собой негативные последствия нарушения права (нормы закона и права участника правоотношений) в виде нанесения ущерба, нанесения убытков, и иное. Здесь усматривается связь противоправного действия и наказания, а также общий признак «наказание» как негативные последствия в виде возмещений / компенсаций. В свою очередь, понятие «взыскание» выражает частный признак как способ материальной соразмерной формы возникающих обязательств у виновного лица. Поэтому при сравнении исследуемых дефиниций «наказание» и «взыскание» выявленные признаки обусловлены последовательностью их применения по принципу – «наказать и взыскать», по сути, обязать виновное лицо к действиям принудительного свойства и карательными мерами восстановить / защитить права потерпевшего лица.

В связи с изложенным, по нашему мнению, необъективно определять прямую связь между деликтом и взысканием, а именно опосредованно через наказание, где последовательность «деликт-наказание-взыскание» состоит из объективно-субъективных мер воздействия.

Представляет интерес унификация и гармонизация норм относительно привлечения к административной ответственности и применения административного наказания с применением административных мер.

Согласно нормам общей части, ст. 2.4 – 2.6.1 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность в отношении лиц: должностных, иностранных юридических, военнослужащих, иностранных граждан, собственников транспортных средств, в том числе ст. 2.10 КоАП РФ – юридических лиц. В указанных нормах определены лица как объекты воздействия по привлечению к юридической ответственности. В свою очередь, ст. 16.2 – 16.4 особенной части КоАП РФ указано наступление административной ответственности граждан в области декларирования, запретов и ограничений ввоза / и, или вывоза товаров. В связи с указанными положениями наблюдается неточность, а именно отсутствие физических лиц в нормах общей части рассматриваемого кодекса, привлекаемых к административной ответственности. Тогда как в ст. 28 КоАП Казахстана общей части указано физическое лицо, «достигшее к моменту окончания или пресечения административного правонарушения шестнадцатилетнего возраста». Также в ст. 4.1. КоАП Республики Беларусь указано: «Административная ответственность выражается в применении административного взыскания к физическому лицу». Согласно ст. 14, 15 КоН Киргизии ответственность выражена взысканием с физических лиц за «правонарушение (проступок)». Другими словами, в отличие от России наблюдаем единство норм кодексов Беларуси, Киргизии, Казахстана в определении лиц, привлекаемых к юридической ответственности.

Поэтому, предлагается приведение в соответствие и унификация ст. 2.4 – 2.6.1 КоАП РФ к указанным нормам КоАП Беларуси, Киргизии, Казахстана.

Административное наказание является одной из разновидностей государственного принуждения и/или санкцией за совершенное противоправное деяние.

В соответствие с нормой ч. 1 ст. 3.1. КоАП РФ административное наказание выступает мерой наступившей юридической ответственности в целях предупреждения новых нарушений. Аналогично в ст. 61 КоАП Беларуси обозначена та же квалификация, за исключением воспитательной цели на поведение лиц. В ст. 24 КоН Киргизии: взыскание «мерой воздействия, применяемой государством за совершенное нарушение». Здесь наблюдаем меры карательного и принудительного свойства. Карательный подход закреплен в ст. 40 КоАП Казахстана, где указано административное взыскание как мера ограничения и лишения свободы «прав и свобод лица, совершившего такое правонарушение». В связи с указанными отличиями не наблюдаем методов имплементации, а соблюдение и применение норм внутреннего законодательства как национально-правовой признак, где отличны виды и степени наказуемости.

Относительно административных мер наказания наблюдаются отличия в структуре статей КоАП стран ЕАЭС в определении состава противоправных действий, установлении и применении административных наказаний.

Так, Глава 16 КоАП РФ содержит 24 статьи и соответственно 44 состава нарушений таможенных правил, за которые предусмотрены такие наказания, как предупреждение, штраф, конфискация орудия или предмета административного правонарушения. Согласно ст. 3.3 КоАП РФ предупреждение и штраф могут применяться только в качестве основных административных наказаний, а конфискация может быть назначена как основное, так и дополнительное наказание [1].

В главе 35 КоН Киргизии статьи 244 – 263 определяют 27 составов правонарушений в области таможенного дела. Главой 5 КоН Киргизии по ст. 25 предусмотрены такие виды взысканий, как: предупреждение, штраф и ст.28 – меры принуждения «изъятие имущества, принудительная эвакуация ТС». При этом штраф, предупреждение применяются в качестве основных административных взысканий, а «изъятие имущества, принудительная эвакуация ТС» применяются в качестве дополнительного наказания [2]. Аналогично согласно гл. 29 КоАП Казахстана (ст. 521 – 558, по которым определены 35 составов правонарушений, ст.41) [3], гл. 14 КоАП Беларуси (ст.14.1 – 14.16 которые включают в себя 16 составов правонарушений, ст.6.2) [4] выделены и применяются штраф, конфискация и предупреждение.

В результате, по структуре статей КоАП стран ЕАЭС выявлено разное количество составов правонарушений (рис.1). При этом наблюдается унификация в установлении основных и дополнительных видов наказаний в кодексах Киргизии, Казахстана и Беларуси в отличие от норм КоАП РФ.

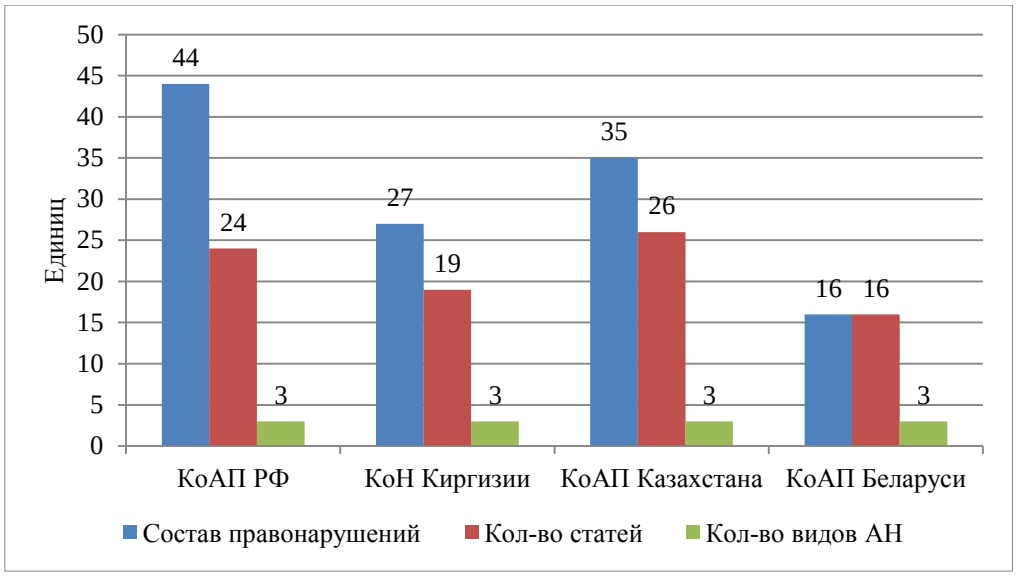


Рис. 1. Сравнительная структура норм кодексов стран – членов ЕАЭС

Из рисунка 1 виден наибольший состав правонарушений (44) КоАП РФ, а наименьший состав правонарушений (16) КоАП Беларуси. По российским нормам количество основных мер наказания превышает количество основных мер стран ЕАЭС, что противоречит принципу гармонизации и определяет необходимость устранения данного противоречия методом имплементации ст. 3.3 КоАП РФ следующей формулировкой: «предупреждение и штраф могут применяться только в качестве основных административных наказаний, конфискация может быть назначена как дополнительное».

Таким образом, наблюдается унификация норм лишь в установлении видов административных наказаний: предупреждение,штраф, конфискация; по остальным характеристикам (состав правонарушений, количество статей) выявлен национально-правовой признак. Полученные результаты позволяют отметить частичную гармонизацию и унификацию норм кодексов в области таможенного регулирования, которых недостаточно для минимизации противоречий. В свою очередь, на наш взгляд, противоречия административного воздействия провоцируют неравномерность степени наказуемости и сосредоточения угроз наступления противоправных действий (бездействий) на конкретной территории стран - членов ЕАЭС. При этом остается дискуссионным вопрос: нормы какого государства - члена ЕАЭС следует принимать за основу для гармонизации и унификации в области состава правонарушений и квалификации административного наказания в части применения мер принудительного и карательного свойств.

Список использованных источников

1. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 06.02.2019). / [Электронный ресурс].

URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения 07.03.2019).

2. «Кодекс Кыргызской Республики о нарушениях» от 13 апреля 2017 года № 58. / [Электронный ресурс]. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/(дата обращения 07.03.2019).

3. «Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года № 235-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 03.02.2019 г.). / [Электронный ресурс]. URL: // https://online.zakon.kz/ (дата обращения 07.03.2019).

4. «Кодекс Республики Беларусь от 21 апреля 2003 года № 194-З «Об административных правонарушениях» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 09.01.2019 г.). / [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414696 (дата обращения 07.03.2019).

5. Кириленко В.П., Мандрыка Е.В. Особенности имплементации норм международного права в правовые системы постсоциалистических государств // Управленческое консультирование. 2014. №10 (70). / [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-implementatsii-norm-mezhdunarodnogo-prava-v-pravovye-sistemy-postsotsialisticheskih-gosudarstv (дата обращения: 24.02.2019).

УДК [004.77:316.614]–057.87

ИНТЕРНЕТ КАК ФАКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Сухарев А.А.
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

Создание компьютерной виртуальной реальности по сути обусловило образование нового института социализации – интернет-социализации, который в значительной степени потеснил такие традиционные институты как семья и школа. Использование компьютерных систем привело к широкому созданию искусственного мира, замене традиционного восприятия окружающей действительности виртуальной средой. В результате стал меняться стиль жизни молодежи: образовалась новая структура досуга, появились иные формы и способы межличностного взаимодействия, изменились источники получения информации. В этих условиях молодежь вынуждена искать новые личностно-ориентированные смыслы, паттерны взаимодействия со средой.

В «Концепции информационной безопасности Республики Беларусь» указывается, что трансформация социума в информационное общество создает новые вызовы, риски и угрозы для информационного пространства, информационных систем и ресурсов. Действительно, в последнее время он-

лайновые социальные сети все чаще становятся средствами и объектами информационного манипулирования и противоборства помимо основных функций получения информации, общения.

Значительное количество научных публикаций, связанных с интернетом, посвящено исследованию интернет-зависимости. Впервые термин «интернет-зависимость» был введен в научный оборот И. Голдбергом в 1994 году. Он определил ее как навязчивое влечение выйти во всемирную сеть и находиться там как можно дольше.

К. Янг считает, что интернет-зависимость определяется следующими тремя факторами:

– анонимностью передаваемой информации;

– созданием высокой степени доверия к общению в сети на подсознательном уровне;

– доступностью и многообразием порнографических изображений.

С.Е. Гришин подчеркивает, что интернет-зависимость определяется тремя факторами:

– зависимое состояние в границах девиантного поведения;

– способ адаптации аномальной личности, которая имеет личностные и / или психические расстройства;

– проявление специфической болезни: интернет-зависимость как самостоятельная нозологическая единица, обусловленная взаимным патогенным влиянием характерологических черт и интернет-среды.

Дж. Б. Уолтер называет следующие факторы интернет-зависимости:

– неопределённость самопрезентации и самоидентификации, полное отсутствие представлений о партнёре;

– ложь партнёров;

– неясность в сексуальных ролях, что приводит к искажению пола, сексуальных предпочтений, возраста, брачного статуса.

Интернет-зависимость порождает многие психологические проблемы:

– подмена (замещение) реальной жизни виртуальной;

– неумение контролировать время, проведённое в сети;

– ощущения дискомфорта в случае невозможности выхода в Интернет;

– замещение самостоятельных познавательных и мыслительных усилий компьютерным «поиском»;

– формирование чувства обученной беспомощности в идентификации реального;

– проблемы в принятии своего физического «Я»;

– возникновение чувства одиночества, замкнутости, ведущее к отчуждению личности;

– формирование неправильной (неадекватной) заниженной или завышенной самооценки;

– возникновение психических расстройств;

– появление состояния фрустрации.

Анонимность общения в социальных сетях придает ему имплицитный характер, снижает возможности родительского контроля, создает условия

для распространения груминга, культивирования флейминга, кибербуллинга, кибертроллинга. По мнению А.Е. Войскуновского в настоящее время проблематика кибермоббинга, кибербуллинга или кибертроллинга еще не получила признания от научного сообщества как разновидности зависимого поведения. Предлагаем в Республике Беларусь, по примеру Австрии, ввести запрет на анонимное общение в интернете.

Несформированность должной проницательности у молодых людей препятствует при общении в сетях адекватно оценивать внутренний мир собеседника, его психологические особенности, потребности и истинные мотивы. Также их интравентированность, то есть повышенная сосредоточенность на своих проблемах, переживаниях, затрудняет ориентацию в скрытых рисках и угрозах.

В интернете часто располагается имплицитная информация. Ее имплицитность обуславливается завуалированностью текстов или скрытым характером общения. В подростковом возрасте система ценностных ориентаций еще не представляет собой устоявшуюся социокультурную конструкцию. Процесс формирования этой конструкции в значительной мере определяется окружающим социокультурным контентом, а также состоянием эмоционально-волевой сферы подростка. Практика показывает, что многие несовершеннолетние, в силу их повышенной тревожности, эмоциональной и волевой неустойчивости, зачастую оказываются не готовыми осуществлять адекватное домысливание подтекста имплицитного контента. В этой связи необходимо объединить усилия лингвистов, психологов, педагогов по выявлению особенностей механизма домысливания информации и формирования умозаключений у подростков. Требует научного уточнения механизм формирования мотивации поведения в условиях взаимодействия виртуальной среды и потребностей несовершеннолетних с интерпретацией основных мотивов их сетевого поведения.

Для обеспечения безопасного виртуального пространства государственным и общественным институтам, осуществляющим социальный и правовой контроль, необходимо придерживаться «Европейской стратегии по формированию безопасного интернета для детей» (2010), содержащей следующие основные направления:

– защита детей от контента, содержащего сексуальное насилие и эксплуатацию, порнографию;

– информированность пользователей о возможных рисках и угрозах в интернет-пространстве;

– формирование безопасной интернет-среды: соответствие возрасту и возможность родительского контроля;

– наполнение интернета позитивным содержанием.

Многие современные родители в свое время прошли период своего взросления в качестве активных пользователей. В результате часть из них получили определенную деформацию, приобрели интернет-аддикцию. Эти

качества они проецируют на своих детей, увеличивая их личностную виктимность. Для обозначения данного явления предлагаем ввести в научный оборот понятие «наложенная виктимность».

Комплексный, системный подход к формированию у молодежи высокого уровня общей и правовой культуры, позитивной потребностно-эмоциональной сферы будет важнейшим фактором противодействия негативному влиянию информационных технологий и деструктивному контенту интернета.

УДК 341.43(470+571+476)

СООТНОШЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРАВОВОГО СТАТУСА БЕЖЕНЦЕВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сыновец Д.Ю., Уланович П.С., Шерстобитов А.В.
Белорусский государственный экономический университет

Одной из глобальных проблем, которая существует в мировом сообществе, является проблема вынужденного перемещения населения, вынужденной миграции. Проблема беженства людей относится к самым острым из тех, с которыми на протяжении всей своей истории сталкивается Организация Объединенных Наций. В наше время большинство стран приняли ряд правовых актов, регламентирующих правовой статус беженцев, эмигрантов и мигрантов.

В рамках ООН была принята Конвенция о статусе беженцев, которая закрепляет положение, согласно которому статус беженца не распространяется на лиц, которые:

1) совершили преступление против мира, военное преступление или преступление против человечности в определении, данном этим деяниям в международных актах, составленных в целях принятия мер в отношении подобных преступлений;

2) совершили тяжкое преступление неполитического характера вне страны, давшей им убежище, и до того как они были допущены в эту страну в качестве беженцев;

3) виновны в совершении деяний, противоречащих целям и принципам Организации Объединенных Наций.

Проведем сравнительный анализ правового статуса беженцев на основе законодательства РеспубликиБеларусь и Российской Федерации.

Республика Беларусь регламентирует правовой статус беженцев посредствомЗакона «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защиты в Республике Беларусь». В соответствии со ст. 18 нормативного правого акта «статус беженца предоставляется иностранному гражданину, находящемуся на территории Республики Беларусь в силу вполне обоснованных опасений

стать жертвой преследований в государстве гражданской принадлежности по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений, который не может или не желает в силу таких опасений пользоваться защитой этого государства, или лицу без гражданства, находящемуся на территории Республики Беларусь вследствие указанных опасений, которое не может или не желает вернуться в государство прежнего обычного места жительства в силу таких опасений» [4].

Иностранцу, ходатайствующему о защите, отказывается в предоставлении статуса беженца, если:

1. отсутствуют основания для предоставления статуса беженца;

2. иностранец осужден в Республике Беларусь за совершение преступления, отнесенного Уголовным кодексом Республики Беларусь к категории особо тяжких, и судимость не снята или не погашена.

Иностранцу, ходатайствующему о защите, отказывается в предоставлении дополнительной защиты, если:

1. отсутствуют основания для предоставления дополнительной защиты;

2. иностранец осужден в Республике Беларусь за совершение преступления, отнесенного Уголовным кодексом Республики Беларусь к категории тяжких или особо тяжких, и судимость не снята или не погашена.

Иностранцу, ходатайствующему о защите, кроме того может быть отказано в предоставлении статуса беженца и (или) дополнительной защиты, если:

1. установлены основания, предусмотренные частями первой и второй статьи 3;

2. иностранец имеет гражданство третьего государства либо разрешение на постоянное жительство в третьем государстве, защитой которого может воспользоваться;

3. иностранец прибыл в Республику Беларусь с территории третьей безопасной страны.

Так,в соответствии с ч. 1 ст.1 Федерального закона Российской Федерации « О беженцах», беженец – это лицо, которое не является гражданином Российской Федерации и которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений.

Исходя из ч.1 ст.5основаниями для отказа лицу в рассмотрении ходатайства по существу являются следующие обстоятельства:

1) если в отношении лица возбуждено уголовное дело за совершение преступления на территории Российской Федерации;

2) если лицу ранее было отказано в признании беженцем в связи с отсутствием обстоятельств, предусмотренных настоящим Федеральным законом, при условии, что обстановка в государстве его гражданской принадлежности (его прежнего обычного местожительства) со дня получения отказа и до дня подачи нового ходатайства не изменилась;

3) если лицо получило обоснованный отказ в признании беженцем в любом из государств, присоединившихся к Конвенции Организации Объединенных Наций 1951 года о статусе беженцев и (или) к Протоколу 1967 года, касающемуся статуса беженцев, при условии, что правовые нормы признания беженцем в данном государстве не противоречат законодательству Российской Федерации;

4) наличие у лица гражданства третьего государства, защитой которого лицо может воспользоваться, или права на пребывание на законном основании на территории третьего государства при отсутствии обоснованных опасений стать жертвой преследований в третьем государстве по обстоятельствам, предусмотренным подпунктом 1 пункта 1 статьи 1;

5) если лицо прибыло из иностранного государства, на территории которого имело возможность быть признанным беженцем;

6) если лицо покинуло государство своей гражданской принадлежности (своего прежнего обычного местожительства) не по обстоятельствам, предусмотренным подпунктом 1 пункта 1 статьи 1, и не желает возвращаться в государство своей гражданской принадлежности (своего прежнего обычного местожительства) из опасения понести в соответствии с законодательством данного государства наказание за незаконный выезд за пределы его территории либо за совершенное в нем иное правонарушение;

7) если лицо было вынуждено незаконно пересечь Государственную границу Российской Федерации с намерением ходатайствовать о признании беженцем и не обратилось с ходатайством в порядке, предусмотренном подпунктом 3 пункта 1 статьи 4;

8) если лицо отказывается сообщить сведения о себе и (или) об обстоятельствах прибытия на территорию Российской Федерации;

9) если лицо состоит в браке с гражданкой (гражданином) Российской Федерации и в соответствии с законодательством Российской Федерации имеет возможность получить разрешение на постоянное проживание на территории Российской Федерации;

10) если лицо уже имеет разрешение на постоянное проживание на территории Российской Федерации.

Проанализировав определение статуса беженца в формулировке статьи белорусского и российского законодательстваможно сказать, что содержание данных норм имеют одинаковый смысл и значение и могут предоставляться гражданам любого государства, независимо от национальной, религиозной и расовой принадлежности.

Таким образом, проанализировав текущее национальное законодательство государств, можно сделать вывод о том, что правовой статус бежен-

цев складывается из комплекса специальных прав, предоставляемых исключительно вынужденным переселенцам законодательством данных государств. Правовой статус беженца представляет собой специальный статус физических лиц и соотносится с основами правового статуса человека и гражданина, как особенное с общим, а со статусами иных физических лиц как части одного целого.

В связи с этим, лицо, нарушившее правила пересечения государственной границы освобождается от ответственности, а это может всегда служить универсальным способом освобождения от понесения наказания, то полагаем целесообразным в случае отсутствия доказательств на право получения статуса беженца, предусмотреть норму возможность лишения права данного лица в дальнейшем пользоваться защитой данного государства и о увеличении административного взыскания в двукратном размере за незаконное пересечение государственной границы.

Список использованных источников

1. Валеев Р.М, Курдюков Г. И.. Международное право. Особенная часть: Учебник для вузов. М.: Статут, 2010. – 624 с.

2. Закон Российской Федерации от 27 декабря 2018 г. N 122-ФЗ «О беженцах» [Электронный ресурс]: Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации : http://docs.cntd.ru/document/9004237. – Дата доступа: 23. 03. 2019.

3. Закон Республики Беларусь от 23.06.2008 №354-З «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защиты в Республике Беларусь»: [Электронный ресурс]: Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь: http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=W21732257. – Дата доступа: 23.03.2019.

ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ НОРМ БЕЛОРУССКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

Чеховская В.А., Шерстобитов А.В.
Белорусский государственный экономический университет

В настоящее время не теряет своей актуальности проблема соотношения международного уголовного права и национального уголовного права, вследствие чего возникает вопрос, можно ли рассматривать международные договоры как бесспорные источники национального уголовного права.

Не вызывает сомнений автономного существования двух видов правовых систем – международного публичного права и внутреннего права государства. Это равноправные, самостоятельные юридические явления, суще-

ствующие независимо друг от друга, тем не менее, находящиеся в постоянном взаимодействии. Международное и национальное право имеют общие черты, присущие им как системам права – они представляют собой совокупность юридических принципов и норм, обязательных для субъектов правил поведения, выполнение которых может носить принудительный характер. Внутригосударственное право призвано, в первую очередь, регулировать отношения между субъектами, которые находятся на территории данного государства. Эти отношения, как правило, ограничиваются пределами государственной территории и рамками внутренней компетенции. Международное право, напротив, регламентирует взаимоотношения субъектов международного права – государств, международных организаций, государственно-подобных образований и, в некоторых случаях, отношения с участием физических и юридических лиц. Однако концепция господства права предусматривает признание всеми государствами верховенства международного права в общей системе права.

Как известно, Конституция Республики Беларусь обладает высшей юридической силой, что следует из положений ст. 7 Основного Закона [2]. Следовательно, все иные акты на территории республики должны быть приняты в соответствие с Конституцией. Статьёй 8 же закреплено, что государство признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства. Положения Уголовного кодекса расширили данную норму, определив, что Уголовный кодекс Республики Беларусь основывается, в том числе, на общепризнанных принципах и нормах международного права [4]. Ст.1 Уголовного кодекса Республики Беларусь также закрепила, что данный нормативный правовой акт является единственным уголовным законом, действующим на территории Республики Беларусь. Новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в Уголовный Кодекс Республики Беларусь.

Основные составы международных преступлений содержатся в Статуте Международного уголовного суда – Римском статуте. Однако не все преступления, признаваемые таковыми, нашли закрепление в законодательстве Республики Беларусь. Это объясняется неучастием Республики Беларусь в Римском статуте 1998 г. Государство не подписало Статут Международного уголовного суда, следовательно, и не обязано обеспечивать соответствие своего законодательства данному международному договору. Очевидным становится вопрос, каким образом в таком случае осуществляется привлечение к ответственности за преступление, признаваемое таковым международным правом, однако отсутствующим в Уголовном Кодексе Республики Беларусь? Например, Статут Международного уголовного суда установил ответственность за преступления против человечности. Понятие «преступления против человечности» включает в себя, в том числе, депортацию или насильственное перемещение населения, которые определены как насильственное перемещение лиц, подвергшихся выселению или иным принудительным действиям, из района, в котором они законно пребывают, в от-

сутствие оснований, допускаемых международным правом [3]. Данный состав преступления не предусмотрен Уголовным кодексом Республики Беларусь, однако из-за отсутствия такой нормы в национальном законодательстве, данные действия не перестают признаваться преступными на международном уровне.

Необходимо подчеркнуть, что Международный уголовный суд действует только в случае, если государство, на территории которого совершено преступление или гражданином которого является преступник, не желает или фактически не может осуществить расследование и выдвинуть обвинение. Эта система, так называемая система комплементарности (дополнительности), оставляет государствам первичную ответственность расследования и выдвижения обвинений по международным преступлениям. Однако в том случае, если гражданин Республики Беларусь совершит преступление, закрепленное в Статуте Международного уголовного суда, однако отсутствующее в Уголовном Кодексе Республики Беларусь, он не понесет ответственности, так как во-первых, правоохранительные органы не смогут предъявить ему обвинение в силу принципа nullumcrimensinelege, а во-вторых, выдать своего гражданина для привлечения к ответственности международным органом государство не имеет права в силу ст. 10 Конституции Республики Беларусь -гражданин не может быть выдан иностранному государству, если иное не предусмотрено международными договорами Республики Беларусь. Статья 89 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам2002 г. подтвердила вышеуказанное конституционное положение:выдача не производится, если лицо, выдача которого запрашивается, является гражданином запрашиваемой Договаривающейся Стороны [1]. В данном случае наблюдается нарушение принципа неотвратимости ответственности, закрепленного в ч. 4 ст. 3 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что уголовное законодательство Республики Беларусь допускает приоритет своих норм над международным правом. На наш взгляд, государству необходимо ратифицировать Римский статут Международного уголовного суда с целью соответствия национального законодательства международным стандартам в сфере уголовного права, а именно в наличии полного списка преступлений, признаваемых международным сообществом. Как отмечалось ранее, Международный уголовный суд призван обеспечивать миропорядок, в котором государства будут уважать нормы и договоры, которые были подписаны ими на добровольной основе, вследствие чего соблюдение норм данного статута будет способствовать развитию всей человеческой цивилизации.

Список использованных источников

1. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам2002 г. [Электронный ресурс]. – 2019. –

Режим доступа: http://www.cis.minsk.by/page.php?id=614. – Дата доступа: 15.03.2019.

2. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. (с изм. и доп., принятыми на респ. Референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 1999. – № 1. – 1/0; 2004. – № 188. – 1/6032.

3. Римский статут Международного уголовного суда от 17 июня 1998 г. с изменениями на основе протоколов от 10 ноября 1998 г., 12 июня 1999 г., 30 ноября 1999 г., 8 мая 2000 г., 17 января 2001 г., и 16 января 2002 г. [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf. – Дата доступа: 15.03.2019.

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Республики Беларусь, 09.07.1999 г., № 275-З (с изм. и доп.) //Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 1999. – № 76, 2/50; Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 28.07.2018. – 2/2569.

СЕКЦИЯ 3
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

УДК 347.51

НЕПРЕДОТВРАТИМОСТЬ ПОДЛЕЖАЩИХ ВОЗМЕЩЕНИЮ УБЫТКОВ

Авдеева Т.В., Годунов В.Н.
Белорусский государственный университет

В условиях продолжающейся интеграции и унификации современных правовых систем, предстоящая реформа гражданского законодательства Республики Беларусь во многом ориентирована на приведение отечественных правовых институтов и конструкций в соответствие с определенными стандартами, выработанными зарубежной и международной практикой регулирования частных отношений. Применительно к ответственности в форме возмещения убытков один из таких стандартов заключается в необходимости признания *«непредотвратимости»* причиненных правонарушением убытков в качестве предела ответственности должника перед кредитором.

Критерий «непредотвратимости» подлежащих возмещению убытков воспринят большинством современных правопорядков (Германия, Италия, Япония и др.), наиболее значимыми актами унификации международного частного права (ст. 7.4.8. Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА, ст. 77 Венской конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров; ст. III.-3:705 Модельных правил европейского частного права; ст. 4.504 Принципов европейского договорного права). Его суть заключается в том, что не исполнившая обязательство сторона не отвечает за ущерб, понесенный потерпевшей стороной, в той мере, в которой ущерб мог быть уменьшен в результате разумных действий потерпевшей стороны. Поведение потерпевшего от правонарушения кредитора, таким образом, не является безразличным для права и получает соответствующую оценку. В зарубежной доктрине существование критерия «непредотвратимости» объясняется с позиции идеи экономической справедливости, распределения риска, причинности [1, с. 65-70].

Полагаем, что рассматриваемый предел ответственности едва ли нуждается в обосновании с точки зрения разумного, добросовестного и справедливого гражданского оборота, построение которого является важнейшей целью правового регулирования. Отражением данной цели служит правило, включенное в проект Закона Республики Беларусь «О внесении изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь»: «при установлении и исполнении обязательства стороны обязаны действовать добросовестно, разумно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для исполнения обязательства (п. 3 ст. 288 ГК)»[8].

Критически оценивая действующую редакцию ч. 2 п. 1 ст. 375 ГК, считаем, что содержащееся в ней правило не позволяет считать «непредотвратимость» в качестве юридического предела подлежащих возмещении убытков. *Во-первых,* суд вправе, а не обязан уменьшить размер ответственности должника, если кредитор умышленно или по неосторожности содействовал увеличению размера убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства, либо не принял разумных мер к их уменьшению. *Во-вторых*, поскольку юридический предел ответственности в форме возмещения убытков определяет ее объем, сама постановка вопроса об уменьшении ответственности выглядит некорректно. В той мере, в какой убытки кредитора могли быть уменьшены его разумными действиями, требование кредитора должно быть отклонено.

Отметим также, что из-за отсутствия в гражданском законодательстве норм, раскрывающих содержание обязанности кредитора по предотвращению (уменьшению) убытков от правонарушения, а также материально-правовые и процессуально-правовые аспекты учета предпринятых или не предпринятых кредитором в связи с правонарушением действий, у субъектов обязательства отсутствует четкое представление о «непредотвратимости» как о критерии, определяющем объем ответственности в форме возмещения убытков.

Ну и конечно, формирование правильного восприятия обязанности кредитора содействовать уменьшению возникающих при нарушении обязательства убытков зависит от научного обоснования природы данной обязанности.

Вопрос о целесообразности выделении в структуре обязательственного правоотношения наравне с правами кредитора и обязанностями должника определенных обязанностей кредитора *(«кредиторских обязанностей»)*является дискуссионным [3, с. 166–170; 4, с. 21–23; 5; 7, с 56–64]. Считая такое выделение теоретически и практически оправданным (особый характер кредиторских обязанностей определяет особенности правового регулирования их исполнения и последствий их неисполнения), полагаем, что обязанность кредитора содействовать минимизации неблагоприятных последствий правонарушения, будучи проявлением общей обязанности добросовестного и разумного поведения, может быть отнесена к числу кредиторских: наличие данной обязанности не изменяет статус кредитора как управомоченной стороны в обязательстве; ее исполнение необходимо в собственном интересе кредитора, поскольку связано с осуществлением принадлежащего ему права; неисполнение кредиторской обязанности сопровождается определенными неблагоприятными последствиями для кредитора.

При этом обязанность кредитора содействовать минимизации неблагоприятных последствий правонарушения отличают некоторые особенности. *Тогда как* неисполнение «обычной» кредиторской обязанности создает препятствие для исполнения обязательства должником, и, как следствие, делает невозможным реализацию кредитором требования к должнику, нарушение рассматриваемой обязанности кредитора исключает удовлетворение его требования к

должнику не потому, что кредитор не обеспечил нормальный ход исполнения обязательства должником, а потому, что удовлетворение требования кредитора в заявленном объеме противоречит принципу добросовестного и разумного поведения. *Далее,* неисполнение кредиторской обязанности, как правило, противоречит интересам должника (будучи заинтересованным в исполнении обязательства перед кредитором, должник не может приступить к его исполнению), а потому может квалифицироваться как нарушающее интересы должника поведение (см. ст. 377 ГК), влекущее применение к кредитору определенных санкций, в том числе гражданской ответственности. В случае же неисполнения кредитором обязанности по минимизации убытков нарушение интереса должника не происходит, какие-либо санкции на кредитора не возлагаются. Напротив, неблагоприятные последствия локализуются в имущественной сфере кредитора. И только попытку кредитора реализовать свое право без соблюдения пределов, предопределенных нарушением обсуждаемой обязанности, можно считать противоправным (т.е. совершенным против права и интереса должника) поведением в форме злоупотребления правом (ст. 9 ГК), влекущим отказ в защите права. Злоупотребление правом выражается в использовании ответственности в форме возмещения убытков не по назначению, а именно, для покрытия тех имущественных потерь, которые могли быть предотвращены или минимизированы действиями самого кредитора.

Итак, соблюдение кредитором обязанности, предусмотренной ч. 2. п. 1 ст. 375 ГК, определяет объем ответственности должника перед кредитором. Санкционное же последствие нарушения данной обязанности заключается в отказе кредитору в удовлетворении требования о возмещении убытков в том объеме, в котором убытки могли быть уменьшены или предотвращены самим кредитором.

Полагаем, что в целях формирования у кредитора четкого представления о содержании, пределах, последствиях исполнения или неисполнения обязанности содействовать минимизации неблагоприятных последствий правонарушения в законодательстве должны найти отражение следующие положения.

Обязанность кредитора содействовать уменьшению неблагоприятных последствий правонарушения возникает сразу после того, как ему стало известно о невозможности исполнения или затруднении в исполнении обязательства должником (например, должник заранее уведомил кредитора о том, что обязательство не будет исполнено в срок), и существует до тех пор, пока кредитор может оказывать влияние на возникшую ситуацию.

Кредитор обязан предпринять лишь те меры, которые являются разумными в сложившихся обстоятельствах. Основой для их оценки выступает принятый в гражданском праве «абстрактный масштаб» ожидаемого от соответствующей группы участников гражданского оборота поведения. Последний может формироваться на основе нормативных правовых актов (см., напр. ст. 368, п. 1, п. 2 ст. 494 ГК), обычаев делового оборота, определяться обычно предъявляемыми требованиями. Однако, принимая во внимание вынужденный характер положения кредитора при нарушении обязательства

должником, было бы несправедливо не учитывать особенности его конкретного положения («конкретный масштаб поведения»). Разумные меры по предотвращению (уменьшению) убытков должны быть доступными для кредитора и не создавать для него чрезмерных затруднений (например, предполагать использование имеющихся у кредитора финансовых, сырьевых, транспортных резервов, не препятствовать исполнению кредитором других обязательств). В то же время, нет оснований не учитывать особые возможности, которыми кредитор располагал, но не воспользовался для уменьшения убытков.

Разумные расходы, произведенные кредитором в целях минимизировать убытки от правонарушения, подлежат компенсации должником. Справедливость требует, чтобы разумные расходы были возмещены, независимо от того, достиг кредитор желаемого результата или нет.

Суд обязан отказать кредитору во взыскании убытков, которые могли быть предотвращены или уменьшены в результате его разумных действий, поскольку речь идет о соблюдении границы, за пределами которой убытки кредитору не возмещаются.

Отказывая кредитору в удовлетворении требования о возмещении убытков по указанному основанию, суд должен руководствоваться не степенью вины кредитора, а расчетом, из которого следует, насколько убытки кредитора могли быть уменьшены по сравнению с теми, которые были предъявлены ко взысканию. В отличие от ситуации, предусмотренной ч. 1 п. 1 ст. 375 ГК («смешанная ответственность»), умысел и неосторожность кредитора в контексте ч. 2 п. 1 ст. 375 ГК выступают не мерилом снижения ответственности должника, а условиями, при которых допускается такое снижение.

Поскольку разумность и добросовестность субъектов гражданского права предполагается (ст. 2, п. 4 ст. 9 ГК), именно должник должен доказать, что кредитор не принял разумных мер для уменьшения убытков. Вместе с тем, в литературе отсутствует единство взглядов по вопросу о распределении бремени доказывания факта «непредотвратимости» [2, с. 647; 6, с. 73–75; 11, с. 60]. Подчеркнем, существует принципиальная разница, рассматривать «непредотвратимость» в качестве обязательного элемента доказываемой кредитором причинной связи или как обстоятельство, на которое ссылается должник в целях обоснования злоупотребления кредитором принадлежащим ему правом. В первом случае доказанность кредитором факта «непредотвратимости» является условием удовлетворения заявленного им требования, во втором доказанность должником факта непринятия кредитором мер по уменьшению убытков ведет к отказу кредитору в защите права на возмещение убытков. Согласно п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств» должник вправе предъявить возражения относительно размера причиненных кредитором убытков, и представить доказательства, что кредитор мог уменьшить такие убытки, но не принял для этого разумных мер (ст. 404 ГК РФ) [9].

С учетом вышеизложенного, предлагается исключить часть 2 пункта 2 из ст. 375 ГК и дополнить ст. 364 ГК пунктом следующего содержания:

«Должник не несет ответственности за убытки в той мере, в какой кредитор содействовал увеличению размера убытков или не принял разумных мер к их уменьшению.

Обязанность кредитора содействовать предотвращению (уменьшению) убытков от правонарушения возникает с момента, как ему стало известно о том, что обязательство нарушено или может быть нарушено должником.

Кредитор имеет право на возмещение разумных расходов, понесенных им при попытках уменьшить ущерб.

Принятие кредитором разумных мер по предотвращению (уменьшению) убытков предполагается, пока должник не докажет обратное».

В заключение отметим, что надлежащее нормативное закрепление и использование на практике критерия «непредотвратимости» подлежащих возмещению убытков будет способствовать реализации принципа компенсации на основе разумных и справедливых начал гражданско-правового регулирования.

Список использованных источников

1. Байбак, В.В. Уменьшение убытков при нарушении договора (mitigation) / В.В. Байбак // Вестник ВАС РФ. – 2012. – № 7. – С. 65–80.

2. Витрянский, В.В., Брагинский, М. И. Договорное право. Книга первая. Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – М.: Статут, 1999. – 848 с.

3. Груздев, В.В. Гражданско-правовые возражения лица / В.В. Груздев // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 389. – С. 166–170.

4. Голубева, Н. Особенности реализации кредиторских обязанностей в обязательстве / Н. Голубева // Закон и жизнь. – 2013. – № 1. – С. 21–23.

5. Гурова, Э.А. Понятие кредиторских обязанностей / Э.А. Гурова // Режим доступа: http://xn----7sbbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/27963.

6. Евтеев, В.В. Понятие «разумных мер» к уменьшению и предотвращению убытков / В В. Евтеев // Хозяйство и право. – 2000. – № 7. – С. 73–82.

7. Кулаков, В.В. О кредиторских обязанностях / В.В. Кулаков // Вестник Тверского государственного университета. – 2013. – № 36. – С. 56–64.

8. О внесении изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь: проект Закона Республики Беларусь // Режим доступа: http://forumpravo.by/files/nczpi_zakon_proekt_izmenenija_v_kodeksi.pdf.

9. О применении судами некоторый положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: постановление пленума ВАС РФ от 24 марта, № 7 // Консультант Плюс: Россия. Версия Проф [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр». – М., 2019.

10. Павлова, О.П. О понятии вины кредитора / О.П. Павлова // Вестник ЛГУ. – 1980. – № 11. – С. 76–83.

11. Подгруша, В.В. Обстоятельства, исключающие или уменьшающие ответственность должника: проблемные вопросы теории и практики / В. Подгруша // Юридический мир. – 2007. – № 4. – С. 56–62.

УДК 347.736:341

ПРЕЦЕДЕНТЫ ТРАНСГРАНИЧНЫХ БАНКРОТСТВ

Барышев В.А.
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

Самое известное в новейшей истории России банкротство – это банкротство нефтяной компании «ЮКОС», основным владельцем которой был М. Ходорковский. НК «ЮКОС» являлась одной из крупнейших нефтедобывающих компаний России по объёмам реализации продукции. В период с 1995 по 2005 год она неизменно входила в число 10 крупнейших компаний России. С момента создания в 1992 году компания «ЮКОС» контролировалась государством, но в декабре 1995 года в результате залоговых аукционов компания перешла из-под контроля государства под контроль финансовой группы «Менатеп», принадлежавшей Михаилу Ходорковскому. При приобретении «Менатепом» нефтяной компании «Юкос» её оценили в 350 млн. долларов, хотя через 8 месяцев ее рыночная капитализация уже составляла около 6,2 млрд. долларов, т.е. стоимость компании выросла почти в двадцать раз, что свидетельствует о заниженной стоимости компании при переходе от государства в частную собственность. Этот пример наглядно иллюстрирует то, как возникали миллиардные состояния российских олигархов в 90-ые годы прошлого столетия. В декабре 1996 года остававшийся у государства 33,3%-й пакет акций «ЮКОСа» был выставлен на конкурсную продажу по стартовой цене $160 млн. и приобретен компанией, подконтрольной М. Ходорковскому за 160,1 млн., что превысило стартовую цену лишь на $100 тыс. Если капитализация всей компании составляла на тот момент 6,2 млрд. долларов, то реальная стоимость госпакета должна была составлять свыше $ 2 млрд., что говорит о том, что при указанной сделке государственный пакет акций был приобретен частными лицами по цене в двадцать пять раз ниже реальной его стоимости.

Однако, когда М. Ходорковский, ставший богатейшим олигархом в стране с состоянием в 15 млрд. долларов, заявил о своих притязаниях на политическую власть, период «теплых отношений» между государством и НК «ЮКОС» закончился. В 2003 году против НК «ЮКОС» Министерство по налогам и сборам возбудило расследование по поводу уклонения НК «ЮКОС» от уплаты налогов в 2000-2003 годах. Общая сумма налоговых претензий с учётом штрафов и пеней за 2000-2003 годы составила 582 млрд. руб., а с учётом претензий к дочерним обществам – 703 млрд. руб. или почти 25 млрд. долл.

по тогдашнему курсу. По данным руководства компании, налоговые претензии за 2004 год значительно превысили ее выручку. После наложения штрафов акции «ЮКОСа» значительно упали в цене.

В 2004 году Федеральная служба судебных приставов России (ФССП) предписала продать основной актив «ЮКОСа» – компанию «Юганскнефтегаз» для погашения долгов «ЮКОСа» перед федеральным бюджетом. Менеджмент компании совместно с акционерами рассматривал возможность объявления НК «ЮКОС» несостоятельным (банкротом) с целью избежать расчленения компании и сохранения ее жизнеспособности. Для сохранения компании, пытаясь заблокировать принудительную продажу активов, руководством «ЮКАСа» был подан иск о банкротстве в Федеральный суд по банкротствам в Хьюстоне в США. Однако суд пришел к выводу, что дело о банкротстве «ЮКОСа» не относится к юрисдикции американского суда так, как «деятельность компании происходит на территории России и вопрос о ее банкротстве не может решаться без участия других заинтересованных сторон, и в том числе российского правительства».

Федеральная служба судебных приставов России в декабре 2004 продала крупнейшую дочернюю компанию «ЮКОСа» «Юганскнефтегаз» (76,79% стоимости всех активов) с аукциона. Победителем торгов стала фирма-однодневка ООО «Байкалфинансгруп», зарегистрированная 6 декабря 2004 года – за две недели до аукциона – с уставным капиталом 10 000 рублей в городе Твери по подставному юридическому адресу. Это стало началом ликвидации компании: 28 марта 2006 арбитражным судом Москвы было принято решение о банкротстве компании и назначении в ней внешнего управляющего. По решению арбитражного суда 1 августа 2006 в «ЮКОСе» введено конкурсное производство сроком на год. Размер предъявленных кредиторами требований «ЮКОСу» составил около $29,5 млрд.; крупнейший кредитор – Федеральная налоговая служба (353,8 млрд руб.). В результате проведенных аукционов по продаже активов НК «ЮКОС» практически все они перешли к компании «Роснефть», контролируемой государством. При этом активы «ЮКОСа» достались Роснефти с дисконтом (скидкой) в 43,4 % от рыночной цены данного имущества, но этот дисконт не идет ни в какое сравнение с двадцатикратным дисконтом продажи компании в результате залогового аукциона в 1995 году.

21 ноября 2007 года на основании решения арбитражного суда Москвы от 12 ноября, в соответствии с которым суд завершил конкурсное производство в отношении компании, в Единый государственный реестр юридических лиц была внесена запись о ликвидации НК «ЮКОС».

Однако на этом дело компании «ЮКОС» не закончилось. В феврале 2005 года бывшие компании-акционеры «ЮКОСа» – Yukos International, Hulley Enterprises и Veteran Petroleum – имеющие юридические адреса на Кипре, подали иск в Постоянную палату третейского суда в Гааге, утверждая, что Россия нарушала положения Энергетической хартии о защите инвесторов от дискриминации, нечестного и пристрастного судопроизводства. Сумма претензий первоначально составляла $28,3 млрд., но в дальнейшем была увеличена до

$114,2 млрд., что совершенно не соответствовало реальной стоимости активов «ЮКОСа». Российская Федерация согласилась на рассмотрение спора в арбитражном суде adhok, уверенная в прочности своей позиции в названном деле. Однако 18 июля 2014 года, после девяти лет разбирательства, Гаагский арбитраж постановил, что Россия нарушила Энергетическую хартию, и бывшие компании-акционеры должны получить от России в виде компенсации в общей сложности более $50 млрд. При этом решение арбитража было принято единогласно тремя арбитрами, и за него также голосовал американский арбитр С. Швебеле, избранный российской стороной. На стороне России также выступали две американские адвокатские конторы, защищая ее интересы.

Россия оспорила решение Постоянной палаты третейского суда, подав в январе 2015 года ходатайство в Окружной суд Гааги об отмене арбитражного решения. В апреле 2016 года Окружной суд Гааги аннулировал решение международного арбитража о присуждении компенсации в $50 млрд. долл. США бывшим акционерам «ЮКОСа». Суд постановил, что международный арбитраж не обладал юрисдикцией для рассмотрения спора, так как Россия не ратифицировала многосторонний Договор к Энергетической хартии, что было основным, но не единственным аргументом российской стороны. Окружной суд не стал разбирать другие аргументы, представленные российской стороной в ходе слушаний, сосредоточившись только на факте использования Договора к Энергетической хартии как основания к взысканию средств с России.

Однако бывшие акционеры «ЮКОСа» не согласились с решением Окружного суда Гааги и подали апелляцию на это решение в Апелляционный суд Гааги, решение которого может быть в дальнейшем оспорено в Верховном суде Нидерландов. Особенность апелляционного производства Нидерландов состоит в рассмотрении всех фактических обстоятельств дела заново, что потребует длительного времени. Таким образом, спор между бывшими компаниями-акционерами «ЮКОСа» и Российской Федерацией еще далек от завершения.

Помимо спора в арбитраже, миноритарные акционеры ЮКОСа подали жалобу на действия российских властей в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) в Страсбурге, которая была принята к рассмотрению 30 января 2009 года. 31 июля 2014 года в рамках дела «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» ЕСПЧ присудил миноритарным акционерам «ЮКОС'а» 1,9 млрд. евро (2,54 млрд. долларов) в качестве компенсации за допущенные в отношении акционеров нарушения прав их собственности. Решение ЕСПЧ вступило в силу 15 декабря 2014 года, но Россия отказалась от его исполнения. Основанием для отказа явилось постановление Конституционного Суда от 19 января 2017 года, в котором решение ЕСПЧ по иску акционеров «ЮКОСа» к России было признано противоречащим Конституции Российской Федерации.

Таким образом, результатом банкротства ОАО НК «ЮКОС» явились два судебных решения, по которым от Российской Федерации требуют выплаты

52,5 млрд. долларов. По своему характеру банкротство НК «ЮКОС» было транснациональным, поскольку акционерами компании являлись как иностранные компании, так и иностранные физические лица. Безусловно, дело НК «ЮКОС» займет видное место в истории трансграничных банкротств, и будет еще долго обсуждаться и дискутироваться среди ученых и специалистов.

Противоположный пример поведения государства при банкротстве продемонстрировали США и Канада, когда возникли финансовые проблемы у крупнейшей американской автомобильной корпорации «Дженерал моторс» (General Motors, сокращённо GM) – до 2008 года на протяжении 77 лет лидировавшей в производстве автомобилей в мире. Однако с началом мирового экономического кризиса 2008 года финансовое состояние GM катастрофически ухудшилось. В июне 2009 года компания приступила к процедуре банкротства. В соответствии со статьей 11 Закона США о банкротстве в суд Южного федерального округа Нью-Йорка был подан соответствующий иск. Согласно условиям банкротства, правительство США предоставило компании около $30 млрд., а взамен получило 60 % акций концерна, правительство Канады – 12 % акций за $9,5 млрд., Объединенный профсоюз работников автомобильной промышленности США (ОПРАП) получил 17,5 % акций. Остальные 10,5 % акций разделили между собой крупнейшие кредиторы концерна. Президент США Барак Обама заявил, что государство не планирует контролировать GM длительное время и избавится от контрольного пакета акций, как только улучшится финансовое положение концерна. В результате мер по санации компании в июле 2009 года была создана новая независимая компания General Motors Company. Старая GM (General Motors Corporation) былапереименованав Motors Liquidation Company. Уже в конце 2010 года GM провёл публичное размещение акций, явившееся одним из крупнейших в истории. В ходе этого размещения правительства США и Канады, ставшие основными акционерами при банкротстве в 2009 году, реализовали свои акции на общую сумму $23,1 млрд. По результатам 2017 года концерн занимает третье место в мире (после Toyota и Volkswagen) по количеству проданных автомобилей (9,92 миллиона штук в год). Производство автомобилей у «Дженерал моторс» налажено в 35 странах, продажа в 192 странах. Штаб-квартира компании расположена в Детройте – столице американского автомобилестроения, которая в настоящее время вновь возрождается.

В данном случае правительства США и Канады пришли на помощь крупнейшей автомобилестроительной компании, в результате чего бренд GeneralMotors был сохранен и сама компания продолжает присутствовать на мировом рынке.

С 2015 года в Российской Федерации возможно банкротство физических лиц, которое также может носить транснациональный характер. Наиболее известным является ряд судебных дел, касающихся несостоятельности российского гражданина В. Кехмана – поручителя по кредитам подконтрольных ему бизнес-структур, прошедших процедуру банкротства в России. В отношении В.

Кехмана в Высоком суде Англии был издан приказ о банкротстве и освобождении его от обязательств на основе норм права Великобритании. Однако в России кредитором ПАО «Сбербанк России» также было инициировано производство по делу о персональном банкротстве г-на В. Кехмана (дело Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области №А56-71378/2015). Постановлением от 28.03.2016 года суд апелляционной инстанции оставил в силе определение суда первой инстанции, которым в отношении В. Кехмана была введена процедура реструктуризации долгов, которые в сумме составляли 1,3 млрд. евро. Тем самым решение английского суда об освобождении российского гражданина от обязательств не получило трансграничного признания. В судебном постановлении приводится большое количество доводов, по которым российский суд отказал в экзекватуре приказу Высокого суда Англии. Основные мотивы отказа – недоказанность взаимности в признании иностранных банкротств между Англией и Россией, недопустимость применения иностранного права к банкротству российских граждан, отсутствие оснований для применения принципа lis alibi pendens (буквальный перевод с латинского – «тяжба находится в другом месте», что означает наличие процесса по тому же делу в иностранном суде как основание для оставления иска без рассмотрения).

УДК 347.63–053.2(415)

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ЕАЭС В ОБЛАСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ

Басалай Е.И.
Белорусский государственный университет

В качестве основания возникновения взаимных прав и обязанностей родителей и детей кодифицированные акты Республики Армения (далее – Армения), Республики Казахстан (далее – Казахстан), Кыргызской Республики (далее – Кыргызстан), признают факт рождения ребенка у родителей, удостоверенный в установленном законом порядке (ст. 34 СК Армении, ст. 46 КоБС Казахстана, ст. 50 СК Кыргызстана, ст. 47 СК РФ) и обеспечивают осуществление этих прав в соответствии с их национальным законодательством.

Семейное законодательство государств ЕАЭС при установлении материнства закрепляет право женщины, родившей ребенка, признаваться матерью (за исключением случаев применения – ВРТ). Подтверждением факта рождения ребенка определенной женщиной является медицинская справка. При рождении ребенка вне медицинского учреждения, т.е. в случаях когда медицинская справка о рождении отсутствует, наблюдаются некоторые различия в подтверждении факта рождения ребенка определенной женщиной. Согласно СК РФ (ст. 48), СК Армении (ст. 35) при рождении ребенка вне медицинского учреждения материнство устанавливается на основании медицинских документов (справка о состоянии на учете по беременности и др.), свидетельских показаний

или на основании иных доказательств. КоБС Казахстана и СК Кыргызстана содержат более жесткие требования, в качестве доказательств рассматриваются медицинские документы, подтверждающих факт рождения, а в случае их отсутствия факт происхождения ребенка устанавливается в судебном порядке (п. 2. ст. 46 СК Казахстана, п.1 ст. 51 СК Кыргызстана). Свидетельские показания в названных государствах не принимаются во внимание.

При установлении происхождения ребенка от лиц, состоящих в браке законодательство Армении, Казахстана, Кыргызстана, России действует презумпция отцовства, согласно которой муж матери признается отцом ребенка. Отцовство супруга матери ребенка удостоверяется на основании записи о состоянии в браке с матерью ребенка.

Несколько различается порядок установления отцовства после расторжения брака, признания брака недействительным либо в случае смерти супруга. Согласно СК Армении, если ребенок родился в течение трехсот дней после момента расторжения брака, или признания брака недействительным, или смерти супруга матери ребенка установление отцовства ребенка осуществляется на основании заявления матери (п. 2 ст. 35).

В случае рождения ребенка в Казахстане в течение двухсот восьмидесяти дней, а в Кыргызстане и России в течение трехсот дней с момента расторжения брака, признания его недействительным или с момента смерти супруга матери ребенка отцом ребенка может быть признан бывший супруг матери, если не доказано иное (п. 3 ст. 47 Казахстана, п. 2. ст. 51 Кыргызстана, п. 2 ст. 48 СК РФ).

В кодифицированных актах сравниваемых государств отсутствуют предписания в отношении особенностей установления отцовства при регистрации повторного брака матери ребенка с иным лицом. Таким образом, ни один из анализируемых кодексов не решает вопрос конфликта презумпций отцовства бывшего и настоящего мужа матери.

Отцовство лица, не состоящего в браке с матерью ребенка, устанавливается практически по аналогичным правилам. Если мать и отец ребенка не состоят в браке между собою, происхождение ребенка от отца определяется:

1) по совместному заявлению матери и отца ребенка;

2) по заявлению мужчины, который считает себя отцом ребенка с согласия органа опеки попечительства;

3) по решению суда.

В случаях, когда мать ребенка не может подать совместное заявление (в случае смерти матери, или признания ее судом недееспособной, или невозможности установления ее места нахождения, или лишения ее родительских прав) отцовство ребенка устанавливается на основании заявления отца с согласия органа опеки и попечительства, а при отсутствии согласия – по решению суда (п. 3. ст.35 СК Армении, п. 4. 5 ст. 47 КоБС Казахстана, п. 3. ст. 51 СК Кыргызстана, ч. 3 ст. 48 СК РФ).

С одной стороны, такой подход, в отличие от подхода в Республике Беларусь, предоставляет возможность добровольного признания отцовства вне за-

висимости от согласия матери ребенка. С другой стороны, допускает и административный (приоритетный) и судебный порядок (при отсутствии согласия компетентного органа) установления отцовства без согласия матери.

За некоторым исключением подходы национальных законодательств государств ЕАЭС идентичны при наличии обстоятельств, дающих основания предполагать, что подача совместного заявления об установлении отцовства может оказаться после рождения ребенка невозможной или затруднительной. Родители будущего ребенка, не состоящие между собой в браке, вправе подать такое заявление в орган, регистрирующий акты гражданского состояния, во время беременности матери. Запись о родителях ребенка производится после рождения ребенка. В Казахстане норма, определяющая порядок подачи совместного заявления об установлении отцовства включена в разделе 6, регулирующий регистрацию актов гражданского состояния (ст. 206).

В кодифицированных актах государств ЕАЭС нет указания на возможность подачи заявления об установлении отцовства через представителя или по почте.

Несовершеннолетние родители имеют право признавать свое материнство (отцовство) и на общих основаниях. В Армении такая норма установлена только в отношении несовершеннолетних родителей, не состоящих в браке (п. 2. ст. 50 СК Армении). При этом отсутствует указание на необходимость уведомления родителей, опекунов несовершеннолетнего о записи его родителем ребенка. В отличие от Армении в Казахстане, Кыргызстане, России более детально урегулированы права несовершеннолетних родителей при установлении материнства (отцовства). В Кыргызстане несовершеннолетние родители имеют право признавать и оспаривать свое отцовство и материнство на общих основаниях, а также имеют право требовать по достижении ими возраста шестнадцати лет установления отцовства в отношении своих детей в судебном порядке (п. 3. ст. 67). Пункт 3 ст. 62 СК РФ наделяет несовершеннолетних родителей правом признавать и оспаривать свое материнство (отцовство) на общих основаниях, а также правом требовать по достижении ими возраста четырнадцати лет установления отцовства в отношении своих детей в судебном порядке. Аналогичное правило закреплено в КоБС Казахстана (п. 3 ст. 69).

Судебный порядок установления отцовства предусмотрен в национальных законодательствах всех анализируемых государств и имеет место в случае рождения ребенка у родителей, не состоящих между собой в браке, если отсутствует совместное заявление родителей. Происхождение ребенка от конкретного лица (отцовство) устанавливается судом по заявлению одного из родителей, опекуна (попечителя) ребенка или по заявлению лица, на иждивении которого находится ребенок, а по достижении ребенком совершеннолетия – по представленному им заявлению (ст. 36. СК Армении, ст. 48 СК Казахстана, ст. 49 СК РФ). В этом случае суд принимает во внимание любое доказательство, с достоверностью подтверждающее происхождение этого ребенка от этого конкретного лица. СК Кыргызстана допускает в качестве доказательств как социальные, так и биологические доказательства, достоверно подтверждающие происхождение ребенка от конкретного лица (ст. 52).

Отцовство может быть установлено в случае смерти лица, которое при жизни признавало себя отцом ребенка, но не состояло в браке с матерью ребенка. В таком случае необходимо установить факт признания отцом ребенка. Данный факт может быть установлен в судебном порядке по нормам, установленным гражданским процессуальным законодательством (ст. 37 СК Армении, ст. 48 КоБС Казахстана, ст. 53 СК Кыргызстане, ст. 50 СК РФ).

На практике не исключены случаи, когда сведенья о матери не известны (в актовую запись сведения внесены со слов заявителя), в связи с чем взаимные права и обязанности между матерью и ребенком не возникли. Кодифицированные акты рассматриваемых государств не предусматривают возможности установления факта материнства, в случае смерти матери, а так же установления факта отцовства (материнства) в случае смерти ребенка.

Таким образом, в национальном законодательстве государств-членов ЕАЭС в целом наблюдается единство подходов при установлении происхождения детей, что является позитивным основанием для дальнейшей гармонизации законодательства в рамках наднационального образования.

Список использованных источников

1. О браке (супружестве) и семье [Электронный ресурс]: кодекс Республики Казахстан от 26 декабря 2011 года № 518-IV //. WEB-версия ИПС «Законодательство стран СНГ» – Режим доступа: http://www.base.spinform.ru/ show_doc.fwx?rgn=49314. – Дата доступа: 01.03.2019.

2. Семейный кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс] от 30 августа 2003 года № 201 // WEB-версия ИПС «Законодательство стран СНГ» – Режим доступа: http://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn= 4088. – Дата доступа: 01.03.2019.

3. Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] от 29 декабря 1995 года №223-ФЗ // WEB-версия ИПС «Законодательство стран СНГ» – Режим доступа: http://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn= 1809. – Дата доступа: 01.03.2019.

УДК 347.918:347.7:339.9

ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОЦЕДУРЫ МЕДИАЦИИ В НАЛОГОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Губаревич А.В.
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

В настоящее время в Республике Беларусь активно развиваются институты альтернативного разрешения споров, один из них – медиация. Сегодня уже не вызывает сомнений, что медиация, являясь институтом современного общества, способна оказать серьезное влияние на его социальное и правовое пространство.

Исследование феномена медиации, генезис его понятия и содержания вызывает научный интерес среди представителей различных отраслей знаний, включая юриспруденцию. В правовой литературе последних лет, особенно зарубежной, появляется все больше работ, посвященных медиативным процессам. В данных публикациях все чаще обозначается потенциальный вектор необходимости развития и внедрения примирительных процедур при урегулировании споров, возникающих не только из гражданских, но и публичных, в том числе налоговых, отношений.

При исследовании теоретико-правовых аспектов медиации следует отметить методологическую особенность данного процесса. Она заключается в понимании сущности медиации и формировании ее дефиниции изначально в отраслевых правовых науках, что обусловлено прикладной реализацией примирительных процедур в конкретных сферах жизнедеятельности.

Цивилистические конструкции подразумевают под медиацией в первую очередь эффективный способ защиты и восстановления нарушенного или оспоренного права. Например, Е.А. Добролюбова полагает, что медиация – один из способов альтернативного разрешения спора. Она представляет собой способ защиты прав и находит выражение в переговорах между сторонами спора с участием независимого третьего лица. Цель медиации – разрешение возникшего спора по правилам, определенным его сторонами или третьим лицом - медиатором, если стороны согласились с этим [1, с. 60].

Для представителей науки семейного права медиация – это возможность урегулирования сложных семейных конфликтов. С точки зрения М.С. Ивановой, медиация как способ защиты семейных прав предусматривает добровольное обращение участников семейных правоотношений к медиатору для урегулирования семейно-правового спора в целях принятия взаимоприемлемого решения [2, с. 19].

Для предпринимателей и исследователей арбитражного (хозяйственного) процесса медиация предоставляет возможность найти экономический баланс интересов. С.И. Калашникова в рамках внеюрисдикционной подсистемы единой концепции разрешения и урегулирования правовых споров определяет медиацию как особым образом организованную процедуру переговоров с участием нейтрального посредника (медиатора), который содействует сторонам в обсуждении условий урегулирования правового спора и принятии взаимовыгодного решения [3, с. 9]. По мнению Т.В. Овчаренко, медиация – это способ урегулирования сторонами спора при участии третьего нейтрального лица (посредника), которое помогает сторонам найти решение, основанное на взаимных интересах [4, с. 181].

Доктринальное понимание медиации представителями уголовного права и процесса основано на урегулировании конфликта человека с обществом и государством через примирение с потерпевшим или пострадавшим лицом. К примеру, А.А. Арутюнян определяет медиацию в уголовном судопроизводстве (для разрешения уголовно-правовых конфликтов) как проце-

дуру по разрешению уголовно-правового конфликта между лицом, совершившим противоправное деяние, и лицом, которому этим деянием был причинен вред. Причем посредником в данной процедуре выступает независимое и беспристрастное третье лицо – медиатор. Его цель – примирить стороны на основе их добровольного волеизъявления и найти взаимоприемлемое решение по вопросам возмещения вреда, причиненного противоправным деянием, а также иным вопросам, способным возникнуть при разрешении уголовно-правового конфликта. Таким образом, медиация может повлечь юридические последствия для сторон уголовно-правового конфликта в рамках производства по уголовному делу [5, с. 12].

Общеправовой ракурс изучения медиации, как отмечалось ранее, обусловливается отраслевыми исследованиям данного феномена. А.А. Максуров медиацией в самом общем виде предлагает считать опосредованную правом посредническую деятельность третьего для сторон правового конфликта лица. Оно не обладает полномочиями на разрешение спора по существу, однако стремится к самостоятельному и добровольному примирению сторон и на основе этого – к разрешению юридического конфликта [6, с. 63]. Обратим внимание, что указанную деятельность данный автор рассматривает и как институт, и как практику, и как технологию.

В.В. Коломытцева в определении медиации делает акцент на дополнительном способе разрешения правовых конфликтов. На взгляд этого исследователя, юридическая природа медиации выражается в том, что это дополнительный, факультативный, диспозитивный способ разрешения правовых конфликтов, который обладает особенностями юридической процедуры и может применяться как самостоятельно, так и одновременно с другими юрисдикционными и неюрисдикционными средствами [7, с. 11].

Вышеназванные дефиниции медиации во многом имеют прикладную основу. В настоящее время применительно к публичным отношениям указанный факт многие юристы отрицают, о чем свидетельствуют, в частности, положения Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 года № 58-З «О медиации» [8].

В сферу регламентации данного нормативного правового акта согласно его п. 1 ст. 2 входят отношения, связанные с применением медиации. Ее цель – урегулирование споров, возникающих из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности, а также споров, вытекающих из трудовых и семейных правоотношений, если иное не предусматривается законодательными актами или не следует из существа соответствующих отношений. Практически аналогичные положения содержит российское законодательство [9, ч. 1].

Приходится констатировать, что в налоговом законодательстве Республики Беларусь в настоящее время отсутствуют правовые основания применения медиации для разрешения налоговых споров. Российское же законодательство более категорично по данному вопросу, т.к. прямо запрещает

применять институт медиации для разрешения споров, затрагивающих публичные интересы [9, ч. 5].

В то же время белорусская законодательная сентенция "если иное не предусмотрено законодательными актами или не вытекает из существа отношений", является основой осознания допустимости медиационных процессов в налоговых отношениях, которые имеют ярко выраженный публичный характер; возможной институционализации в системе налогового права; потенциальной нормативной определенности. Именно в этой плоскости ведется научная дискуссия по рассматриваемому вопросу в налогово-правовой сфере.

Вопрос актуальности медиации в налоговых отношениях лежит в плоскости использования широкого спектра примирительных процедур для разрешения споров между налогоплательщиками и контролирующими органами.

Как отмечает С.М. Миронова, использование согласительных процедур на стадии обращения за разрешением спора к юрисдикционному органу позволит уменьшить количество налоговых споров, рассматриваемых в административном и судебном порядках [10, с. 32].

С точки зрения М.В. Аракеловой, использование альтернативных способов разрешения налоговых споров, таких как медиация, заключение двусторонних либо многосторонних налоговых договоров, введение института налогового консультанта предполагает закрепление за налогоплательщиком права выбора различных способов разрешения налоговых споров, а также выстраивание отношений на условиях равноправия сторон и взаимовыгодного сотрудничества, при котором будут соблюдаться как публичные интересы государства, так и частные интересы налогоплательщика [11, с. 42].

О.А. Абакумова рассматривает медиацию в налоговых отношениях с точки зрения эффективности ее применения, а также необходимости теоретико-нормативного оформления. На взгляд данного исследователя, использование медиации при разрешении налоговых споров является эффективным средством борьбы с ростом количества судебных дел, позволяет найти оптимальное решение возникшей проблемы, способствует укреплению партнерских отношений, формированию культуры мирного конструктивного самостоятельного разрешения конфликтных ситуаций и, как следствие, ведет к повышению качества правосудия. Ввиду этого медиация требует дальнейшей теоретической разработки и законодательного закрепления [12, с. 201]. Научное обоснование допустимости медиации во внешнеэкономической деятельности при разрешении налоговых споров предопределило стремление некоторых авторов рассматривать ее в качестве института налогового права [13, с. 29; 14, с. 216]. Часть авторов занимают компромиссную позицию, полагая, что целесообразно не формировать налоговую медиацию как правовой институт, а использовать отдельные процедуры и методы медиации для решения конкретных видов споров в сфере налогообложения [15, с. 40].

Одним из дискуссионных остается вопрос о нормативном закреплении

как посреднических процедур в общем, так и медиации в частности. Изначально следует отметить как положительный научный подход к вопросу взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков. Например, И.В.Цветков предлагает активизировать действия по формализации налогового партнерства путем включения в Налоговый кодекс Российской Федерации принципа сотрудничества [16, с. 42].

Развивая данное мнение, О.О. Журавлева полагает возможным поддержать идею введения в законодательство принципа сотрудничества налоговых органов и налогоплательщиков в качестве одной из обязанностей налоговых органов с одновременным установлением форм, процедур сотрудничества, сроков их проведения, позволяющих гарантировать соблюдение прав и законных интересов налогообязанных лиц [17, с. 70]. А.Ш. Кузулгуртова ведет речь о том, что на законодательном уровне необходимо предусмотреть особенности использования института медиации в налоговых спорах, в том числе определить круг лиц, имеющих право выступать медиатором по налоговым спорам. Нормативное регулирование, с точки зрения автора, позволит усилить взаимодействие между налоговыми органами и налогоплательщиками в рамках государственно-частного партнерства [18, с. 30].

Следует отметить, что некоторые ученые отрицают возможность медиации при разрешении налоговых споров, хотя назвать эту позицию категоричной нельзя. Например, интересные противоречивые высказывания по данному вопросу наблюдаются у Н.Н. Лайченковой. С одной стороны, автор констатирует, что налогообложение, взаимоотношения между налогоплательщиком и государством – область, в которой примирение процедур посредством независимого посредничества фактически невозможно. Объясняется это повышенной заинтересованностью государства в реализации фискальной функции налога, ориентированности в кризисных условиях на повышение уровня его собираемости [20, с. 245–246].

Возможность использования налоговой медиации во внешнеэкономической деятельности в настоящее время остается открытым вопросом как с теоретической, так и прикладной точки зрения. Наиболее актуальной на сегодня задачей развития института медиации в налоговой сфере является его популяризация, научное и правовое осмысление и разрешение проблем взаимодействия контролирующих органов и налогоплательщиков. Потенциальное внедрение в Республике Беларусь института медиации для разрешения налоговых споров не будет эффективным без обеспечения заинтересованности налоговых органов в использовании примирительных процедур и без создания условий для конструктивного взаимодействия с налогоплательщиками на основе принципов добровольности и равноправного сотрудничества.

Список использованных источников

1. Добролюбова, Е.А. Медиация в системе способов защиты прав предпринимателей: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Е.А. Добролюбова. – М., 2012. – 219 л.

2. Иванова, М.С. Медиация как способ защиты супругов при расторжении брака: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / М.С. Иванова. – Тверь, 2014. – 235 л.

3. Калашникова, С.И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / С.И.Калашиникова. - Екатеринбург, 2010. - 258 л.

4. Овчаренко, Т.В. Медиация как альтернативная форма разрешения споров: сущность, преимущества, принципы / Т.В. Овчаренко // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. – 2010. – № 1. – С. 180 – 187. - (Серия "Право").

5. Арутюнян, А.А. Медиация в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.А. Арутюнян. – М., 2012. – 262 л.

6. Максуров, А.А. Медиация в праве: вопросы определения понятия / А.А. Максуров // Рос. юстиция. – 2013. – № 12. – С. 60 – 63.

7. Коломытцева, В.В. Медиация в социально-юридическом механизме разрешения правовых конфликтов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / В.В. Коломытцева; Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Рос. Федерации. - М., 2016. – 31 с.

8. О медиации: Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2013 г., № 58-З: в ред. от 5 янв. 2016 № 355-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2016.

9. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) [Электронный ресурс]: Закон Рос. Фед., 27 июля 2010 г., № 193-ФЗ: в ред. Федер. закона от 23.07.2013 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО "Консультант Плюс". - М., 2016.

10. Миронова, С.М. Механизм разрешения налоговых споров в Российской Федерации: финансово-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / С.М. Миронова. – М., 2006. – 245 л.

11. Аракелова, М.В. Баланс частных и публичных интересов при альтернативном разрешении споров, возникающих в налоговых правоотношениях / М.В. Аракелова // Финансовое право. – 2015. – № 11. – С. 41–43.

12. Абакумова, О.А. К вопросу о возможности применения института медиации в налоговых спорах / О.А. Абакумова // Актуал. проблемы экономики и права. – 2015. – № 4. – С. 198–203.

13. Аракелова, М.В. Медиация как способ урегулирования налоговых споров / М.В. Аракелова // Финансовое право. – 2015. – № 6. – С. 29 – 34.

14. Чуб, Д.В. Налоговая медиация: опыт Франции / Д.В. Чуб, А.А. Фомин // Налоги и налогообложение. – 2014. – № 2. – С. 210 – 217.

15. Шередко, Е.В. Медиация в налоговом споре: опыт зарубежных стран / Е.В. Шередко // Финансовое право. – 2012. – № 8. – С. 39–40.

16. Цветков, И.В. Об эффективной модели взаимоотношений в налоговой сфере / И.В. Цветков // Финансы. – 2008. – № 8. – С. 38–43.

17. Журавлева, О.О. Принцип сотрудничества налоговых органов и налогоплательщиков / О.О.Журавлева // Журн. рос. права. – 2013. – № 3. – С. 63–71.

18. Кузулгуртова, А.Ш. Независимый налоговый аудит как новая форма государственно-частного партнерства в налоговых отношениях / А.Ш.Кузулгуртова // Нац. интересы: приоритеты и безопасность. – 2012. – № 9. – С. 22–32.

19. Об утверждении Концепции развития досудебного урегулирования налоговых споров в системе налоговых органов Российской Федерации на 2013–2018 годы [Электронный ресурс]: приказ Федер. налоговой службы России, 13 февр. 2013 г., № ММВ-7-9/78@ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО "Консультант Плюс". - М., 2016.

20. Лайченкова, Н.Н. Медиация в налоговом праве: вопросы правильности и эффективности использования терминологии / Н.Н.Лайченкова // Ленинград. юрид. журн. – 2016. – № 1. – С. 241–246.

21. Щекин, Д.М. Примирительные процедуры урегулирования налоговых споров в законодательстве России и Украины / Д.М. Щекин // Налоговед. – 2006. – № 1. – С. 56–64.

УДК 340.155(476)

БЕЛОРУССКАЯ ПРАВОВАЯ СИСТЕМА В УСЛОВИЯХ ПРАВОВОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ

Егоров А.В.
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

Белорусская правовая система представляет собой самостоятельное звено в структуре правовой действительности, охватывающей сегодня, по подсчетам некоторых исследователей порядка 200 правовых систем [7, с. 175]. Традиционно правовая система Беларуси относится к романо-германской правовой семье, о чем также говорят последние научные исследования относительно данного вопроса [1, 4, 6].

Современная практика международного взаимодействия правовых систем показывает, что основным средством сближения национальных компонентов является правовая рецепция, реализуемая в рамках общей конвергенции правого мира. В этих условиях национальная правовая система должна определиться в приоритетах своего взаимодействия, как с общей системой интегрирования, так и относительно вопросов правового заимствования тех компонентов, которые действительно нужны нашей правовой системе.

Национальное право и правовая конвергенция. Нормативный компонент является основным звеном в системе правовой рецепции. Именно благодаря рецепции иностранного опыта правового регулирования изменяются национальные правила. В нынешних условиях необходимо обратить внимание не только на рецепцию содержания нормативных правил, но и на формы их выражения. Очень осторожно необходимо относиться к заимство-

ванию новых форм права, что происходит сегодня на постсоветском правовом пространстве. В первую очередь, речь идет о тех источниках права, которые не относятся к традиционным источникам романо-германского права. Например, очень активно дебатируется вопрос о признании судебного прецедента одной из форм белорусского или российского права. Необходимо отметить, что перенос данного источника будет свидетельствовать о полной смене парадигмы в национальном правотворчестве и правоприменении. Так, в новой редакции Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» постановления Пленума Верховного Суда признаются в качестве разновидности нормативных правовых актов, что является очередным шагом к признанию за судебной практикой и ее формами самостоятельного источника права, отнюдь не романо-германского происхождения [5].

Правотворчество и правовая рецепция. Исходным звеном для формирования национального права и правовых традиций является компонент правотворчества, который также подвержен конвергенции правового характера. Речь не идет о замене национального правотворчества некими трансграничными формами. Но необходимо учитывать усиливающиеся тенденции активного внедрения международных форм правотворчества посредством национальных парламентов. Это приведет к изменению некоторых форм подготовки нормативных правовых актов, ратификации еще большего числа международных договоров, а также решений органов интеграционного характера (например, актов, принимаемых органами Союзного государства Беларуси и России).

Кроме того, необходимо усилить компонент исследовательского характера при подготовке проектов национальных нормативных актов. Речь, в первую очередь, идет о применении методов сравнительного правоведения при изучении иностранного опыта правового регулирования общественных отношений. Это должно быть сделано на строгой научной основе, а не путем механического переноса «нужных» законов и норм права из чужой среды. На практике обнаруживается полная социальная безразличность привнесенных нормативных актов, если отсутствовало предварительное нормативное и функциональное сравнение национальных и зарубежных правовых компонентов.

Правоприменение и правовая рецепция. В структуре правоприменительной деятельности должно найти отражение такое понятие как «применение иностранного права», которое на сегодняшний день ограничивается рамками международного частного права. Речь должна идти о разработке отдельной доктрины об использовании иностранного компонента в национальном праве безотносительно его отраслевой принадлежности. Такие работы уже имеются в системе национальных правовых исследований [2 - 3].

Общетеоретической правовой науке необходимо обратить внимание на такие структурные компоненты правоприменения как установление фактической и юридической основ дела при применении иностранного элемента, а также на особенности принятия решения по делу, в котором задействован иностранный компонент. Отдельному анализу со стороны общей

теории права будут подлежать и акты применения иностранного права, о чем пока упоминают лишь специалисты международного частного права.

Не стоит забывать и о правовой рецепции, которая осуществляется одновременно с реализацией форм национального правоприменения. Нередко правоохранительные органы перенимают опыт правоприменительного характера, что потом становиться предметом национального нормотворчества.

Правосознание и правовая конвергенция. Данная проблема имеет две стороны. Во-первых, речь идет о формировании типа юридического мышления, а не только национального правосознания. И, во-вторых, содержательно изменяются сами структурные компоненты в виде правовой идеологии и правовой психологии. Необходимо отметить, что данный элемент национальной правовой действительности является самым сложным как в оценке, так и в изменении под воздействием правовой конвергенции.

Тип юридического мышления – явление, выходящее за пределы национальной правовой системы. Юридическое мышление формируется в недрах правовой семьи, объединяющей сразу несколько однородных правовых систем. Мы рассматриваем несколько компонентов, входящих в структуру юридического мышления и они касаются взглядов на следующие содержательные компоненты правовой семьи:

– формальные источники права;
– нормативную однородность;
– общность и специфику системы права;
– правовой понятийный фонд определенного типа права.

В частности, представитель англосаксонских правовых традиций воспитывается в духе восприятия судебного прецедента в качестве основного, а иногда, единственного источника права; англосаксонский юрист воспринимает свое право именно с позиций его деления на общее право и право справедливости; норма англосаксонского права всегда казуальная – в представлении англосаксонских юристов и т.д. Такую же характеристику, но с другим содержанием, можно привести относительно романо-германских правовых традиций.

Что касается изменения компонентов правовой идеологии и правовой психологии они также зависят от формирующегося типа юридического мышления и его реализации в условиях конкретной национальной правовой системы. Но есть и общие характеристики тенденций в данной сфере правосознания. Они касаются возможности создания транснационального права, которое вначале оценивается на уровне правовой идеологии, а затем уже формируются представление о данном типе правового устройства на уровнях обыденного и профессионального правосознания. Но в любом случае, речь будет идти о новом и дополнительном типе правового регулирования общественного отношения. Как себя поведет в этих условиях национальное правосознание, пока трудно предугадать.

Список использованных источников

1. Егоров, А.В. Типологическая характеристика белорусской правовой системы / А.В. Егоров // Государство и право. – 2012. – № 2. – С. 87–93.
2. Егорова, А.Г. Иностранный элемент в системе доктринального и практического восприятия национальным правом / А.Г. Егорова // Право. Экономика. Психология. – 2018. - № 3. – С. 8 – 13.
3. Егорова, А.Г. Иностранный элемент в национальном праве: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук: 12.00.01. Минск, 2002. – 20 с.
4. Общая теория государства и права: учеб. пособие / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбаток, В.А. Кучинский; под общ. ред. В.А. Кучинского. Минск: Амалфея, 2002. С. 326.
5. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. N 130-З: принят Палатой представителей 27 июня 2018г.: одобр. Советом Респ. 2й9 июня 2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
6. Правовые системы стран мира. Энциклопедический справочник / Ф.М. Решетников [и др.]; отв. ред. А.Я. Сухарев. М.: НОРМА, 2000. С. 65.
7. Саидов, А.Х. Сравнительное правоведение / А.Х. Саидов. – М. : ИНФРА-М, 2011. – 383 с.

УДК 340.5:341.942

ИНОСТРАННОЕ ПРАВО И ЕГО ТОЛКОВАНИЕ ПОСРЕДСТВОМ МЕТОДА СРАВНИТЕЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

Егорова А.Г.
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

Исследованию проблем применения иностранного права посвящено большое количество работ. В основном они касаются применения иностранных норм национальными судами [1, 2, 5]. Но совершенно отсутствуют сравнительно-правовые исследования, предметом которых являлись бы вопросы трансграничного применения иностранных нормативных регуляторов. Вместе с тем, именно сравнительно-правовая наука призвана принять самое активное участие в совершенствовании процесса национального правоприменения в сфере установления содержания иностранного права и применения иностранных норм.

Палитра правовой жизни современных обществ чрезвычайно разнообразна. Наряду с устоявшимися формами романо-германского и англосаксонского права продолжают действовать, казалось бы, архаичные нормы религиозного и общинного права. Происходит конвергенция традиционных форм, например, континентального кодифицированного и прецедентного права. Внедряются новые формы нетрадиционного права – мусульманского, индусского иудейского и т.д.

В этих условиях национальному правоприменителю проще отказаться от применения зарубежных правовых регуляторов, чем отыскивать формы права,существующие в экзотических, с нашей точки зрения, правовых системах. Но такой подход нивелирует ценность интернационализации общественной жизни, провоцирует на исключение национальной правовой системы из сферы международного взаимодействия. Неоценимую помощь в преодолении этих тенденций может сыграть наука сравнительного правоведения.

Правовая компаративистика представляет собой общеправовую методологическую науку, специализированно изучающую иностранные правовые компоненты[3]. Суть специализации данного научного направления состоит в сравнительном познании правовой материи разной системной принадлежности. В связи с этим особый интерес к результатам научного познания сравнительного характера проявляет, прежде всего, наука международного частного права.

Квинтэссенция данной науки с точки зрения применения иностранного права изложена в ст. 1095 Гражданского Кодекса Республики Беларусь, определяющей основания установления содержания иностранного права. Согласно данной нормы, суд обязан это делать в соответствие с официальным толкованием, практикой применения и доктриной, сложившимися в иностранном государстве, право которого предполагается для применения в другой правовой системе.

Существует принципиальная разница между англосаксонскими и романо-германскими (континентальными) традициями относительно понимания и осуществления толкования норм права.

С точки зрения сравнительного правоведения речь идет о трех видах сравнения: нормативном, функциональном и доктринальном.

Нормативное и функциональное сравнение известно достаточно давно. Родоначальниками данного вида сравнительного познания считаются М. Соломон и Э. Рабель. Нормативное сравнение по сути дела представляет собой сопоставительное познание нормативно-регулятивного контента иностранного и национального права. Часто сравнение норм происходит с использованием нормативной базы сразу нескольких правовых систем. Как правило, сравниваются правила поведения, сложившиеся в той или иной стране. Казалось бы, нет ничего проще, сравнивать нормы права, которые тем более имеют материальное закрепление в законах, кодексах, циркулярах, прецедентах и т.д. Но нормативное сравнение еще не заканчивается простым сравнением правил. Ошибка, которую допускают в этом случае правоприменители, приводит к механическому воспроизведению норм, возникших и функционирующих в разных системных условиях. Обязательному сравнению изначально должны подлежать не сами правила, а формы их закрепления, и более того, не только формы или источники права, а в широком смысле – вся формальная сторона возникновения и функционирования правовых норм.

Сравнительное познание, прежде всего, касается формы бытия правовой нормы в той или иной правовой системе. Правоприменитель, в том

числе и судья, должен понимать, что основной формой существования англосаксонских правил является прецедент; формальной «оболочкой» религиозного правила поведения считается священный источник (Коран, Тора, Веды и т.д.); традиционной формой романо-германского права признается нормативный правовой акт (закон, директива, циркуляр и т.п.). Для правоприменителей очень важны сравнительно-правовые знания об источниках (формах) иностранного права. К сожалению, традиционные курсы общей теории права больше ориентируют обучающихся на изучение национальных источников права. Важные вопросы действия норм права во времени, в пространстве и по кругу лиц рассматриваются в сугубо национальной плоскости применения правовых норм. Само понимание права как общего социального феномена также больше привязано к исследованию национальных традиций нормативности, системности, гарантированности и формальной определенности правил поведения. В системе юридического образования отсутствуют действительно компаративные учебные дисциплины методологической направленности. В основном речь идет об изучении отраслевых дисциплин сравнительно-правовой направленности – конституционного права зарубежных стран, сравнительного административного права, гражданского и торгового права зарубежных государств. Само изучение сравнительного правоведения, или курса «Правовые системы современности», носит больше информационный характер, а будущие правоприменители получают обзорные знания о существующих правовых системах современности в самом общем виде. Отраслевые юридические науки также лишены сравнительно-правового методологически ориентированного компонента познания иностранного права. Так, наиболее близкая по исследованию иностранного права дисциплина – международное частное право – ограничивается темами, связанными с техническими вопросами применения коллизионных норм и установления содержания иностранного права. Нужно сказать, что данные вопросы достаточно обстоятельно исследуются в науке международного частного права, но под своим углом зрения, лишенным широкого методологического подхода к исследуемой проблеме по оценке иностранного права.

Изучение формальной и содержательной природы иностранного права, как и зарубежной правовой системы в целом, представляет собой важную образовательную и правоприменительную проблему, поскольку без знания истинной природы инородного правового регулятора невозможно принять качественное юрисдикционное решение, влияющее на авторитет национального правоприменения.

Установление нормативной основы принимаемого решения представляет собой важное звено познания как самой формы существования иностранного права, так и способа его появления. Правоприменитель должен различать судебную и парламентскую формы правотворчества, в результате реализации которых появляются абсолютно разные, в том числе и по своему содержанию, нормы права. Судебный способ нормотворчества предполагает

создание нормативной системы, о содержании которой не знает сам национальный правоприменитель до момента вынесения решения. Судебная практика как источник права – уникальное явление современного правоприменения. Судье необходимо относиться к этой форме нормотворчества с большой осторожностью. Имея дел с прецедентными системами, мы должны понимать о невозможности применять соответствующие иностранные нормы в форме прецедентов. Другое дело - кодифицированное законодательство. Положения кодексов, других нормативных правовых актов находиться в поле зрения континентального правоприменителя, а значит и в арсенале национального судьи.

Вся суть вопроса правоприменения при оценке нормативности изучаемого правила заключается в установлении формы юридической обязательности того правила, которое сложилось за рубежом и подлежит обязательному применению, скажем российским судьей. Иными словами, *является ли данное правило нормой права в стране своего происхождения*. Этот вопрос становится основным при принятии решения о применении иностранной правовой нормы. Очень редко в национальном законодательстве других стран мы можем найти законы об источниках права.

В странах романо-германского права аналогичное законодательство отсутствует, а по выражению М.Н. Марченко здесь и вовсе «нет единого определения источников права и единого о них представления» [4, с. 296]. Соответственно, такая же ситуация существует и в странах англосаксонского права, в которых, к тому же, основным источником права признается юридический прецедент. Не составляет исключения и существующая практика единообразных законов в правовой системе США, которые по сути дела содержат не нормативное определение форм права, а технику работы с федеральными модельными актами наподобие типовых кодексов по уголовному праву, уголовному процессу, доказательственному праву США.

Таким образом, понимание системы и содержания источников иностранного права основано на доктринальном, нигде нормативно не определяемом, понимании определенной группы норм, которые национальный правоприменитель должен установить и определить в качестве обязательных для применения в каждом конкретном случае.

Поэтому требования ст. 1095 Гражданского кодекса Республики Беларусь о применении иностранного права в соответствие с доктриной, сложившейся в иностранном государстве, касается, прежде всего, оценки характера источника права и его юридической силы в зарубежной системе права, а затем уже самого содержания иностранных норм.

Список использованных источников

1. Азнагулова, Г.М. Применение норм международных договоров и норм права иностранных государств в российской правовой системе / Г.М. Азнагулова // Юридическая мысль. – 2012. – №1. – С. 6–11.

2. Воронина, З.И. Применение судами Российской Некрасов, И.А. Применение иностранного права судами РФ: общая характеристика и значимость / И.А. Некрасов // Актуальные проблемы российского права. – 2007. – № 1. – С. 710–715.

3. Егоров, А.В. Теория сравнительного правоведения / А.В. Егоров. – М.: Проспект, 2019. – 288 с.

4. Марченко, М.Н. Сравнительное правоведение. Общая часть : учебник для юридических вузов / М.Н. Марченко. – М. : ЗЕРЦАЛО, 2001. – 560 с.

5. Петрова Е.И. Основания применения иностранного права и проблемы квалификации юридических понятий в судебной практике Е.И. Петрова // Социальное и пенсионное право. – 2005. – № 2. – С. 30 – 34.

УДК 341.241.8:347.74

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ДВОЙНОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

Карпейчик А.Д., Кореневкая Е.Д.
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

Развитие экономических отношений в области международного права подразумевает собой создание государством высокоэффективной системы налогообложения международных операций. Одним из негативных факторов является международное двойное налогообложение. Устранение данной проблемы является одной из важнейших задач правового регулирования в международном праве.

Материалами данного исследования являются Налоговый кодекс Республики Беларусь, а также Закон Республики Беларусь "О налогах на доходы и прибыль". Методологическую основу исследования составили такие методы познания, как анализ, синтез, обобщение научных данных по теме исследования.

Двойное налогообложение является проблемой международного характера. Оно определяется как ситуация, когда один и тот же субъект облагается налогами относительно одно и того же объекта в двух и более государствах за один и тот же период времени. Субъекты налогообложения-физические и юридические лица, которые имеют юридическое отношение к нескольким странам. Под объектами в свою очередь понимаются доход, прибыль, расход, имущество или иное обстоятельство, факт наличия которых является одним из оснований возникновения обязанности уплаты налога.

Большинство государств имеют налоговые правила, которые регулируют налоговый режим для своих резидентов, работающих за границей и иностранных лиц, действующих в стране. В разных странах существуют неодинаковые налоговые системы, однако в то же время должно существовать сходство и взаимопонимание между ними.

Если рассматривать правовое регулирование двойного налогообложения на примере Российской Федерации и Республики Беларусь, можно сделать вывод о том, что формой реализации законодательства на международной арене являются международные договоры и соглашения. Российская Федерация подписала со многими государствами соглашения об избежании двойного налогообложения. В настоящее время действует более 70 международных конвенций и договоров. Вместе с этим продолжают действовать соглашения, подписанные с Правительством СССР.

В Российской Федерации модернизация налогообложения ведется с помощью деятельности Международного валютного фонда, поэтому особое внимание внутри страны уделяется не проблеме избежания двойного налогообложения, а перестройке структуры системы налогового управления.Международные соглашения об избежании двойного налогообложения, которые применяются на территории Российской Федерации, входят в систему права данного государства.

В сравнении с Российской Федерацией в Республике Беларусь до 2004 года белорусским налоговым законодательством было закреплено положение о возможности избежания двойного налогообложения в одностороннем порядке. Таким образом, в ст.5 Закона Республики Беларусь от 20 декабря 1991 года «О налогах и сборах, взимаемых в бюджет Республики Беларусь» содержалась система избежания двойного налогообложения в одностороннем порядке. Этот нормативно-правовой акт закреплял принцип единичной уплаты налога, то есть один объект может облагаться налогом одного вида один раз за соответствующий финансовый период [1].

После того, как вступил в силу Налоговый кодекс Республики Беларусь и были внесены изменения в налоговое законодательство ситуация изменилась. Исследование ныне действующего законодательства позволяет сделать вывод о том, что возможность применения односторонних мер по избежанию двойного налогообложения в Беларуси отсутствует. В Общей части Налогового кодекса Республики Беларусь о том, как избежать двойного налогообложения не сказано. Однако в ст.6.1 Закона Республики Беларусь «О налогах на доходы и прибыль» говорится о том, что фактически уплаченые в соответствии с законодательством другого государства суммы налога на прибыль в отношении дохода, полученного из-за рубежа, не зачитываются при уплате налога на прибыль в Республике Беларусь, если не предусмотрено международным договором [2].Из этого следует вывод о том, что до 2004 года применялось несколько путей избежания двойного налогообложения, а именно международные соглашения и односторонние меры в соответствии с законодательством. Но после 2004 года Республика Беларусь исключила возможность применения односторонних мер по избежанию двойного налогообложения.

Одним из общих путей решения проблемы двойного налогообложения Российской Федерации и Республики Беларусь является налоговый зачёт. Его так же использует ряд европейских стран. Зачет происходит в соответствии с утвержденным порядком и в случаях, установленных внутренним налоговым законодательством Российской Федерации. Доходы, полученные

российской организацией от источников за её пределами, учитываются при определении ее налоговой базы в полном объеме с учетом расходов, произведенных как в самом государстве, так и за рубежом. То есть, если доходы, которая получила российская организация за пределами государства в предыдущих налоговых периодах, не были учтены ею при уплате налога на прибыль в России, то уплата не приводит к двойному налогообложению. В Республике Беларусь метод налогового зачёта комбинируется с методом исключения. Этот метод предполагает полную передачу прав на заимствование доходов в страну. Если все доходы национального резидента из источников за рубежом исключаются из налоговой базы, то результатом является отсутствие двойного налогообложения.

Проблема двойного налогообложения является существенным вопросом в международном праве. Для разрешения столь тяжёлой проблемы необходимо находить компромиссы, следствием чего будет являться подписание как можно больше международных налоговых соглашений. Полагаем, что Республике Беларусь для сокращения случаев двойного налогообложения необходимо создать единый нормативно-правовой акт, который закреплял бы понятие, основные положения и методы решения данной проблемы.

Список использованных источников

1 Алексахина Т.С. Проблемы двойного налогообложения // Бел.журн. междунар. права и междунар. Отношений. 2001. № 4 С. 44-48.

2 Налоговый кодекс Республики Беларусь (Общая часть): принят Палатой представителей 15 ноябр. 2002 г.: одобр. Советом Респ. 2 дек. 2002 г. [Электронный ресурс] // Нац. правовой Интернет- портал. Режим доступа: <http://www.pravo.by / webnpa/text.asp?RN=Hk0200166>.Дата доступа: 23.04.2019.

3 О налогах на доходы и прибыль: Закон Респ. Беларусь от 22 дек. 1991 г. № 1330-XII [Электронный ресурс] // Нац. правовой Интернет- портал. Режим доступа: <http:// www.pravo.by/webnpatext.asp?r=NaN&RN=V19101330>.Дата доступа: 23.04.2019.

УДК 347.78:004.738.5

К АКТУАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ ОХРАНЫ АВТОРСКИХ ПРАВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Климов Е.А., Берёзко Д.В.
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

Актуальность темы исследования обусловлена тем фактором, что в последнее время огромное количество исков направляются в международные суды по вопросам защиты авторских прав, подпадающих под правовое регулирование Закона об авторском праве в цифровую эпоху (Digital Millennium

Copyright Act) (далее – DMCA), что повлекло за собой обострение научных и практических интересов к анализу данного закона.

Целью данного исследования является анализ закона DMCA и рассмотрение его практического применения.

Методологическая основа статьи включает в себя специальные методы познания: аналитический, формально-юридический.

Автор делает вывод о необходимости доработки DMCA по изложенным в статье положениям, с учетом прав и законных интересов всех категорий субъектов авторских правоотношений.

Телекоммуникационные сети, всемирная паутина или Интернет стали неотъемлемой частью жизни современного общества. Интернет расширяет пространственные рамки общения, открывает доступ в мировое информационное пространство, состоящее из всего накопленного научного и культурного знания. Вместе с тем Интернет вызвал определенные проблемы в деле охраны авторских и смежных прав, среди которых: легкость копирования любого произведения, исполнения, фонограммы и т.д., сложность установления самого факта нарушения авторских или смежных прав, отсутствие в Интернете национальных границ, что вызывает сложности определения компетентного суда, а также признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных и судебных решений, восстанавливающих нарушенные авторские и смежные права. Для разрешения этих проблем на дипломатической конференции в Женеве 20 декабря 1996 г. были приняты два новых международных договора, предложенных Всемирной организацией интеллектуальной собственности: Договор ВОИС по авторскому праву и Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам, которые также называют «Договоры ВОИС по Интернету». Договоры имеют тождественные преамбулы, где следующим образом сформулированы цели их принятия: желание более эффективно и единообразно совершенствовать и поддерживать охрану прав авторов, исполнителей и производителей фонограмм; необходимость введения новых международных правил и более четкого толкования некоторых уже существующих; признание влияния развития информационных и коммуникационных технологий на создание и использование литературных и художественных произведений, на производство и использование исполнений и фонограмм. [6]

Однако, наряду с международными договорами, которые регулирует вопросы охраны авторского права в сети интернет, существуют и законы государств, которые не оставили данный вопрос без внимания. Одним из таких законов является закон США «Об авторском праве в цифровую эпоху».

Digital Millennium Copyright Act был принят двадцать лет назад в качестве законодательного акта, регламентирующего применение положений международного договора Всемирной организации по охране интеллектуальной собственности (WIPO) на территории Соединенных Штатов. Голливуду этот закон был нужен для того, чтобы остановить вал незаконного тиражирования его продукции, вырастающий до угрожающих масштабов. Благодаря DMCA в США сложилась такая законодательная практика, которая до

сих пор не позволяет потребителям пренебрегать механизмами защиты от копирования [1].

Возникает вполне справедливый вопрос: чем же интересен американский закон об авторском праве для Беларуси? Законодательство Республики Беларусь об авторском праве и смежных правах состоит из положений Конституции Республики Беларусь, Гражданского кодекса, Закона об авторском и смежных правах от 16 мая 1996 г., декретов и указов Президента и иных актов, а не закон США «Об авторском праве в цифровую эпоху». Однако отечественные информационные ресурсы достаточно часто подвергаются санкциям именно на основании DMCA.

Необходимо разобраться – насколько обоснованы претензии компании Google в связи с действием данного закона. Действительно, законы США не могут действовать на территории других суверенных государств, если иное не предусмотрено международными договорами. Однако, фактически закон США «Об авторском праве в цифровую эпоху» может применяться на территории других государств. Это объясняется тем, что компания Google зарегистрирована в США и подчиняется американским законам. Несоблюдение DMCA грозит фирмам, зарегистрированным в США, значительными санкциями. Для того, чтобы обезопасить себя от них, компания Google удаляет из своего поискового механизма сайты, содержащие, по мнению Google или исходя из иных данных компании, сведения, которые нарушают авторское право. Поэтому, можно говорить о том, что закон США «Об авторском праве в цифровую эпоху» действует в иностранных юрисдикциях.

Следует также учитывать, что практически все известные доменные зоны (например, .com, .org, .net, .info) принадлежат компаниям, которые зарегистрированы на территории США, а следовательно, на них автоматически распространяется действие данного закона. Соответственно, если иностранный интернет-ресурс зарегистрирован в такой доменной зоне, то он фактически попадает под действие DMCA, что влечет обязательства по соблюдению его норм.

Немаловажно, что поисковики с одинаковым именем, но с регистрацией в разных доменных зонах, например Яндекс.com и Яндекс.ru, по разному относятся к использованию закона «Об авторском праве в цифровую эпоху»: первый функционирует по нормам DMCA, а второй – по российскому законодательству.

Исходя из вышеизложенного, возникает научный и практический интерес к анализу данного закона.

Неоспоримым преимуществом DMCA является то, что для правообладателей он предусматривает простой и недорогой способ удаления материалов, нарушающих авторские права, в Интернете. Традиционно вам нужно было бы нанять адвоката для защиты своих нарушенных прав и начать судиться с людьми. Это довольно затратный процесс как в плане финансов, так и времени. DMCA предоставляет решение этой проблемы. Владельцу авторских прав достаточно уведомить сайт где находится материал нарушающий его права, а владельцу сайта ничего не

остаётся как убрать материал из публичного доступа, если он не желает быть втянутым в иск об авторском праве. Материал удаляется, что в свою очередь позволяет избежать судебных издержек.

В то же время, закон защищает провайдеров и владельцев сайтов от ответственности за нарушения, совершенные их пользователями, при условии, что провайдер или владелец сайта соблюдают требования, изложенные в пункте 512 DMCA. В том случае, если правообладатель подает претензию о нарушении авторских прав в соответствии с DMCA, известную как «уведомление об удалении», владелец сайта обязан «безотлагательно» удалить контент из публичного доступа. Удалив материал, владелец сайта не несёт какой-либо ответственности и правообладатель не может подать на него в суд за нарушение авторских прав [5].

Но помимо тех положений, которые демонстрируют положительные качества Digital Millennium Copyright Act, существуют и положения, которые вызывают неоднозначные вопросы.

Негативные аспекты DMCA стали очевидны вскоре после того, как Билл Клинтон подписал закон в 1998 году. Злоупотребление авторским правом является огромным негативным аспектом DMCA. Оно действует как форма цензуры и, без сомнения, является значительной проблемой этого закона. Отдельные лица или крупные компании могут использовать положения DMCA, касающиеся удаления материала, как молоток против любого, кто публикует их контент, даже если для этого есть правовая основа.

В разделе 512 (c) (3) Закона о защите авторских прав в цифровую эпоху (DMCA) говорится, что сторона, подающая жалобу о нарушении авторских прав, не должна отправлять необоснованные уведомления о нарушении авторских прав. Раздел 512 (f) гласит, что любое лицо, которое сознательно искажает информацию о том, что материал нарушает авторские права, будет нести ответственность за ущерб, «включая издержки и гонорары адвокатов, понесенные предполагаемым нарушителем, любым владельцем авторских прав или уполномоченным владельцем авторских прав, или поставщиком услуг, который пострадал в результате такого искажения». Казалось бы, что эти санкции должны остановить правообладателей от злоупотребления своими правам, но как показывает практика это не так [2].

Одним из ярких примеров такого рода злоупотребления является широко освещенный инцидент компании GoPro и сайта DigitalRev. Компания GoPro отправила уведомление DMCA к DigitalRev обосновав это тем, что последние включили в свой обзор слова «GoPro» и «Hero», сравнивающих камеру GoPro Hero 3 с Sony HDR-AS15. В письме говорилось, что у них было «добросовестное убеждение», что DigitalRev нарушил их права на товарный знак, используя название компании в своем обзоре [3].

В этом уведомлении есть пару серьёзных ошибок. Во-первых, использование названия продукта для проверки этого продукта не нарушает закон об авторском праве и в соответствии с DMCA полностью подпадает под исключение добросовестного использования для комментариев и критики. Во-вторых, DMCA регулирует положения об авторском праве, а не о товарных знаках.

Ещё одно положение вызывающее вопросы, на котором я хотел бы остановиться отдельно, это пункт 512 (m) DMCA, согласно которому поставщики онлайн-услуг не обязаны активно отслеживать нарушения и, следовательно, могут просто упускать из виду вопиющие злоупотребления авторским правом, вследствие чего такие гиганты как Google, имеют возможность получения огромных доходов от рекламы, которая прикрепляется к такому роду контента.

В деле Viacom International Inc. против YouTube Inc., Окружной суд США для Южного Округ Нью-Йорк постановил, что в соответствии с пунктом 512 (m) DMCA, YouTube не несет ответственности за 79 000 незаконно загруженных клипов Viacom. Несмотря на то, что YouTube мог легко найти материалы, нарушающие авторские права, судья постановил, что «знание о распространении нарушающей деятельности и ее приветствие само по себе не отменяет правило безопасной гавани». Однако, одобряя поведение поставщиков онлайн-услуг, которые знают о наличии материала нарушающего авторские права и при этом бездействуют, DMCA несправедливо защищает украденный пользователями контент, а не права действительных владельцев контента [4].

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что в настоящее время Digital Millennium Copyright Act испытывает потребность в реформировании, направленном на соответствие правовых норм общественным отношения. Данное обстоятельство обуславливает необходимость решения вышеописанных проблем с обязательном учетом прав и законных интересов всех категорий субъектов авторских правоотношений.

Списоки спользованных источников

1. 10 YEARS LATER, MISUNDERSTOOD DMCA IS THE LAW THAT SAVED THE WEB. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wired.com/2008/10/ten-years-later/ – Дата доступа: 20.04.2019.

2. Digital Millennium Copyright Act. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.congress.gov/bill/105th-congress/house-bill/2281/text/enr – Дата доступа: 20.04.2019.

3. GoPro doesn't like their Hero 3 compared to Sony's AS15? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://store.digitalrev.com/article/gopro-doesn-t-like-their/ODUyNjU2ODc_A – Дата доступа: 23.04.2019.

4. YouTube Stays Safe under DMCA "Safe Harbor" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cdas.com/youtube-stays-safe-under-dmca-safe-harbor-2/ – Дата доступа: 23.04.2019.

5. Закон о защите авторских прав в цифровую эпоху: как не попасть под санкции от Google?. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://arto.agency/dmca/ –Дата доступа: 20.04.2019.

6. Международное частное право Барышев, В. А. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lib.vsu.by/xmlui/handle/123456789/2051 – Дата доступа: 20.04.2019.

УДК 347.65/.68:341.9

К ВОПРОСУ О НАСЛЕДОВАНИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Ковалец Е.В., Шимкович М.Н.
Академия управления при Президенте Республики Беларусь

В течение жизни каждый из нас приобретает материальные или же нематериальные блага, имущество, будь оно движимым или недвижимым. Пока мы живы, мы и имеем право распоряжаться принадлежащей нам собственностью, любым не противоречащим законодательству способом: продавать, дарить, менять и т.д. Государство, согласно Конституции Республики Беларусь, гарантирует право собственности каждому [4, ст. 44]. Широкое разнообразие материальных благ, приобретенных в течение жизни, делает нас небезразличными к их дельнейшей судьбе, в том числе и после нашей смерти, и как следствие, большинство из нас оставляет завещание, тем самым разрешая вопрос о дальнейшей судьбе имущества. Конституция гласит – неприкосновенность собственности, право ее наследования охраняются законом [4, ст. 44].

Когда наследодатель и наследник являются гражданами либо подданными одного государства, вопросов о праве, регулирующем наследственные правоотношения, как правило, не возникает. Обусловленные мобильностью условия жизни в современном мире способствуют частой перемене места жительства и места пребывания. В результате этого мы имеем возможность приобретать собственность либо вступать в брак за границей.

В данной ситуации правоотношения осложняются наличием иностранного элемента. Дополнительно могут возникать коллизионные вопросы в сфере наследственного права, если закрепление указанных правовыхотношений в законодательстве государств различается.

Законодательство Республики Беларусь в сфере наследственных правоотношений не устанавливает ограничений в получении белорусскими гражданами наследства из-за границы.

Наследственные права наших граждан за рубежом защищаются консулами, порядок защиты определяется консульскими конвенциями. В случае, если наследство открылось за рубежом, – граждане Республики Беларусь имеют право на получение наследственного имущества. Данное право возникает на основании законодательства иностранного государства – наследование происходит по праву того государства, которое применяется к наследственному статуту.

Схожая ситуация возникает и тогда, когда к наследованию в Республике Беларусь призываются иностранные граждане. Для них так же отсутствуют какие-либо ограничения гражданской правоспособности в области наследования. Иностранные граждане могут осуществлять свои права в получении наследства, распоряжаться своим имуществом, находящимся на территории Республики Беларусь, на случай смерти. Внутреннее законодательство Республики Беларусь не содержит запрета или ограничения на то, чтобы завещать любым лицом принадлежащее ему на праве собственности

движимое или недвижимое имущество другому лицу, независимо от того, гражданином или подданным какого государства эти лица являются.

Однако законодательство Республики Беларусь единственным способом распоряжения своим имуществом на случай смерти предусматривает лишь составление завещания, причем совершение завещания двумя или более лицами в Республике Беларусь не допускается в силу статьи 1040 Гражданского кодекса Республики Беларусь [1], тогда как законодательство ряда стран Западной Европы предусматривает и другие способы. Так, например, Гражданский кодекс Германии 1896 года предусматривает такие способы распоряжения имуществом на случай смерти, как оставление завещания, которое может быть составлено лицом лично или совместное завещание, которое может быть составлено супругами, а также наследственный договор [8]. Наследственный договор рассматривается в качестве распоряжения на случай смерти, участниками которого являются два и более лица и которым один из супругов либо любое третье лицо определяется в качестве наследника [6]. Наследственный договор включает распоряжения на случай смерти, такие как завещательный отказ, завещательное возложение, назначение наследников. Наследственный договор вступает в силу с момента его заключения, в отличие от завещания или совместного завещания, для вступления в силу которых требуется юридический факт – смерть наследодателей/наследодателя [7].

Следует отметить, что такие институты, как институт совместного завещания или наследственный договор, не новы и для стран постсоветского пространства. Так, статья 1243 Гражданского кодекса Украины содержит положения о завещании супругов. Согласно части первой данной статьи, супруги имеют право составить общее завещание относительно имущества, принадлежащего им на праве общей совместной собственности [3]. В случае составления общего завещания доля в праве общей совместной собственности после смерти одного из супругов переходит ко второму из супругов, который его пережил. В случае смерти последнего право на наследование имеют лица, определенные супругами в завещании [3, ч. 2 ст. 1243].

В Гражданском кодексе Украины также содержится Глава 90, которая включает в себя положения о наследственном договоре. Согласно статьи 1302, по наследственному договору одна сторона (приобретатель) обязуется выполнять распоряжения другой стороны (отчуждателя) и в случае его смерти приобретает право собственности на имущество отчуждателя [3].

Место совместного завещания в юридической доктрине предопределяется доверительным характером взаимоотношений супругов, ведением совместного быта, приобретением совместного имущества, совершением сделок, для некоторых из которых может требоваться согласие другого супруга, поэтому сделать предположение о том, что супруги желали бы оставить единые завещательные распоряжения, которые выражались бы в форме совместного завещания, было бы вполне уместным.

Одним из плюсов совместного завещания является то, что супруги могут распорядиться общим имуществом таким образом, чтобы не разделять его на доли и не вызывать затруднений в процедуре наследования, после смерти одного из них.

Что же касается наследственного договора, то к плюсам стоит отнести защиту интересов наследника и наследодателя: для наследодателя – имущество остается его собственностью до смерти. Наследственным договором может быть предусмотрен ряд обязанностей для наследника, в отличие от обычного завещания. Для тех, кто в наследственном договоре усматривает сходство с договором ренты, следует учесть, что при заключении договора ренты право собственности на имущество получателя ренты переходит к плательщику сразу после заключения договора. Наследник, в свою очередь, имеет право потребовать возмещения убытков, если наследодатель решит расторгнуть договор. Представляется, что одним из ключевых преимуществ наследственного договора является то, что наследнику не нужно ждать шестимесячный срок для вступления в наследство, как это происходит при наследовании по завещанию или по закону. Такое преимущество, как для граждан, так и для наследников-иностранцев, позволяет упростить процедуру принятия наследства.

Еще одним важным проблемным вопросом международного частного права выступает преодоление коллизий путем избрания компетентного правопорядка в разрешении по существу трансграничных наследственных споров. В качестве примера можно привести события 16 марта 2014 года, когда в Автономной Республике Крым и городе Севастополе состоялся референдум, на котором был поднят вопрос о воссоединении Крыма с Российской Федерацией. Данное событие имело огромное значение для международного публичного права. Итогом референдума стало принятие Федерального конституционного закона от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» (далее – Федеральный закон № 6-ФКЗ) [5], который, согласно статьи 24, вступил в силу со дня подписания Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов.

Согласно пункта 1 статья 23 Федерального закона № 6-ФКЗ, законодательные и иные нормативные правовые акты Российской Федерации действуют на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя со дня принятия в Российскую Федерацию Республики Крым и образования в составе Российской Федерации новых субъектов [5]. Данная мера помогла преодолеть территориальные коллизии права. Однако действовавший ранее Гражданский кодекс Украины, а именно книга 6 (Наследственное право), предусматривал возможность заключения совместного завещания супругами. Поскольку ранее на территории полуострова Крым действовало законодательство Украины, при открытии наследства возникали существенные трудности, так как наследственное правоотношение подпадало под юрисдикцию ранее действовавшего законодательства, появлялась временная (темпоральная) коллизия.

Совершенное ранее завещание по законодательству Украины, будучи юридическим фактом, являлось основанием для возникновения последующего права наследования, урегулированного украинским правопорядком – с

одной стороны. Тогда как с другой стороны – с момента ратификации Договора, заключенного между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в состав Российской Федерации Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов 21 марта 2014 года, уже возникшие правоотношения подпадали под действие российского правопорядка [7].

Ввиду того, что законодательство Российской Федерации содержало прямой запрет на совершение завещаний двумя или более лицами [2, п. 4, ст. 1118], практически супругам-завещателям реализовать свои права по распоряжению имуществом не представлялось возможным. Сложившаяся ситуация существенно ограничила наследственные права наследников по совместному завещанию супругов. В целях урегулирования данной ситуации и для определения компетентного правопорядка к наследственным правоотношениям, возникшим до 18 марта 2014 г. и после, был принят Федеральный закон от 26 июля 2017 года № 201-ФЗ «О внесении изменений в федеральный закон «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации». И согласно указанному федеральному закону, завещания (совместные завещания супругов), совершенные по законодательству Украины на территориях Республики Крым и Севастополя, сохраняют свою силу вне зависимости от момента открытия наследства.

Позже в законодательстве Российской Федерации была предпринята попытка законопроектом № 801269-6 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования наследственного права)» реформировать правовое регулирование наследственных правоотношений. Данным законопроектом предусматривалось существенное расширение воли наследодателей, путем введения таких институтов, как совместное завещание, завещательный договор, завещательный фонд.

Негативная оценка данного законопроекта в части установления института совместного завещания привела к доработке положений проекта закона. Как следствие проект федерального закона был принят 29 июля 2017 г. под № 259-ФЗ и вступил в силу с 1 сентября 2018 г. в существенно урезанной редакции, не предусматривающей совместное завещание супругов [7].

На сегодняшний день в Российской Федерации принят Федеральный закон «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» от 19.07.2018 № 217-ФЗ, который вступит в силу 01.06.2019. Данным законом вводится возможность совершения совместных завещаний и заключения наследственных договоров.

Представляется возможным внедрить такие конструкции, как совместное завещание супругов и наследственный договор, в гражданское право Республики Беларусь. Как уже упоминалось выше, внедрение совместного завещания позволило бы супругам не дробить весь объем наследственной массы на части, и защитить интересы как наследников, так и наследодателей.

Внедрение же завещательного договора в гражданское законодательство Республики Беларусь позволило бы с одной стороны получить более гибкий инструмент передачи собственности по наследству, с другой – существенно упростить процедуру для принятия наследства иностранными субъектами, как было сказано выше. Тем не менее, для более правильного и четкого урегулирования данных вопросов следует изучить опыт Российской Федерации.

Списоки спользованных источников

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 07 декабря 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 209.
2. Гражданский кодекс Российской федерации [Электронный ресурс] : 18 декабря 2006 г., № 230-ФЗ : принят Гос. Думой 24 ноя. 2006 г. : одобр. Советом Федерации 8 дек. 2006 г. : в ред. Федер. закона от 23.0.2018 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2019.
3. Гражданский кодекс Украины [Электронный ресурс] : 16 января 2003 г., № 435-IV : принят Верх. Радой Украины 16 янв. 2003 г. : в ред. от 28.02.2019 г. // Лига : Закон Юрист. –Киев, 2019.
4. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 62 с.
5. О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя [Электронный ресурс] : Федер. конституц. закон, 21 мар. 2014 г., № 6-ФКЗ : в ред. Федер. конституц. закона от 25.03.2014 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2019.
6. Путинцева, Е.П. Распоряжения на случай смерти по законодательству Российской Федерации и Федеративной Республики Германия [Электронный ресурс] / Е.П. Путинцева // Электрон. текстовые данные. – М. : Статут, 2016. – 160 с. – Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=29348499. – Дата доступа: 14.04.2019.
7. Чшмаритян, П.С. Совместное завещание супругов в международном частном праве Российской Федерации [Электронный ресурс] / П.С. Чшмаритян // Общество: политика, экономика, право. – 2018. – Режим доступа: https://doi.org/10.24158/pep.2018.3.14. – Дата доступа: 14.04.2019.
8. Bürgerliches Gesetzbuch (Elektronische ressource) : Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz, 2019. – Zugriffsmodus: http://www.gesetze-im-internet.de/bgb/index.html. – Zugangsdatum: 17.04.2019.

УДК 346.62:339.72

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ РАСЧЕТОВ

Колесниченко А.И., Трацевская Л.Ф.
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

В современных условиях усилилась открытость национальных экономик, что привело к активизации внешнеэкономической деятельности субъектов хозяйствования, возрастанию объемов международных расчетов и повышению их роли в формировании финансового результата хозяйственной деятельности предприятий и фирм. В связи с этим изучение нормативно-правовых условий осуществления международных расчетных отношений представляется весьма актуальным.

Как показало исследование, правовые основы регулирования международных расчетов, несомненно, отличаются от правовых основ регулирования расчетов внутригосударственных. Правовой аспект международных расчетных отношений является очень важным, так как закладывает фундамент, базу, на основе которой страны будут осуществлять необходимые им внешнеторговые операции. Международные расчеты являются особым предметом правового регулирования, так как неоднозначной является сама их природа. При осуществлении международных расчетов первоочередным является порядок, в котором они должны производиться. С одной стороны, этот порядок регулируется внутренним законодательством стран, где непосредственно находятся участники расчётных отношений, а также условиями, содержащимися во внешнеэкономических контрактах, заключаемых сторонами. С другой стороны, мировое сообщество имеет ряд договоров, выработанные правила, обычаи, согласно которым осуществляются расчёты во внешнеэкономическом обороте. Регулирование международных расчетов на международно-правовом уровне производится с помощью документов, которые определяют общие правила их выполнения (например, Женевская конвенция о Единообразном законе о переводном и простом векселе 1930 г., Конвенция ООН о международных простых и переводных векселях 1988 г).

Особую роль в правовом регулировании международных расчетных отношений играет Международная торговая палата (МТП), созданная в 1920 г., которая проводит неофициальную кодификацию торговых обычаев и обыкновений с целью всестороннего и наиболее надежного обеспечения международной торговли. Итогами большой работы МТП по установлению и систематизации обычаев являются сборники унифицированных правил и обычаев, которые применяются во внешнеэкономической торговле всеми странами мира: Унифицированные правила и обычаи по инкассо, Унифицированные правила и обычаи для документарных аккредитивов, Унифицированные правила и обычаи для договорных гарантий и другие.

Несмотря на всю важность данных правовых норм, они все-таки носят, в основном, рекомендательный характер, так как являются продуктом раз-

работок и унификаций, не имеющих юридической силы. Положения унифицированных правил и обычаев используются с согласия участников международных расчетов конкретной сделки. В то же время данные правила нельзя недооценивать, так как они играют просто незаменимую роль во внешнеэкономической жизни мирового сообщества, позволяя эффективнее осуществлять ту или иную операцию, опираясь на результаты работы авторитетной международной организации. Сложность юридической составляющей международных расчётов, по нашему мнению, заключается в том, что в их осуществлении принимают участие различные посредники, использующие разнообразные инструменты и правовые нормы. В международных платежах, зачастую, задействовано несколько географических зон, суверенных государств и юрисдикций, а также и несколько валют.

Обозначив роль МТП в регулировании международных расчётных операций, следует отметить, что именно ей были приняты специальные документы, акты унификации, которые являются базисными, несмотря на стремительно изменяющиеся международные процессы. Так, в 1933 г. были приняты Унифицированные правила и обычаи для документарных аккредитивов на Венском конгрессе, а спустя почти 25 лет, в 1956 г., МТП одобрила Унифицированные правила по инкассо. Однако, несмотря на то, что документы были приняты больше, чем полвека назад, МТП постоянно производит их пересмотр, учитывая динамику современных реалий. Подтверждением этому факту служит то, что ныне применяемые Унифицированные обычаи и правила действуют в редакции 2007 г, причем до этого поправки и изменения вносились данный международный правовой акт пять раз.

Однако, несмотря на наличие обознченных документов, важно не забывать о том, что регулируются международные расчеты как международными правилами и обычаями, так и внутригосударственным законодательством, что является очень важным моментом. Мы не можем с уверенностью утверждать, что каждое государство в своем законодательстве имеет нормы, связанные с осуществлением международных расчетов. Более того, мы можем предположить, что имеющиеся нормы в большинстве своем либо полностью базируются на правилах и обычаях, либо частично или косвенно санкционируют действие Унифицированных обычаев.

Мы можем рассмотреть то, как урегулированы международные расчеты на примере конкретной страны. Возьмем, например, Российскую Федерацию, где прямое регулирование международных расчетов в Гражданском кодексе отсутствует. Однако его ст. 5 закрепляет использование обычая, под которым понимается сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской или иной деятельности, не предусмотренное законодательством правило поведения, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе. Помимо этого, в Комментарии к ст. 5 отмечается, что обычаи делового оборота непосредственно относятся к данным правилам поведения.

Упомянув неофициальность правовых публикаций МТП, следует отметить и неоднозначность подходов по их применению в законодательстве отдельных стран. Так, в английском праве они не имеют силы нормы права либо статуса обычая, в отличие от рассмотренной нами выше нормы российского права. В английском законодательстве они применяются лишь в том случае, если стороны включили их в свой договор. Такая же система наблюдается и во Франции. Несмотря на то, что в самих документах присутствуют положения, которые определяют понятие и сферу действия данных документов, вопрос все равно остается открытым.

В то же время некоторая ясность была введена уточнениями, которые обозначены в последней редакции Унифицированных правил и обычаев для документарных аккредитивов. Так, в ст. 1 указывается, что Унифицированные правила и обычаи по документарному аккредитиву являются правилами, которые применяются к любому документарному аккредитиву, если текст аккредитива четко свидетельствует о применении этих правил. Они являются обязательными для всех сторон, если иное прямо не выражено или исключено аккредитивом. Данное положение статьи позволяет сделать вывод о том, что указанные унифицированные правила и обычаи будут являться, с одной стороны, конкретным документом, разработанным МТП, но с другой стороны, они выступают обычаями делового оборота, которые не требуют обязательной ссылки на них в тексте аккредитива. В то же время важно, чтобы текст аккредитива соответствовал данным правилам, и участники международных торговых сделок никоим образом не исключали их применение к вытекающим из аккредитива отношениям. Из данного обстоятельства следует, что унифицированные правила и обычаи могут применяться как в статусе обычая, так и распространять своё действие лишь в случае придания им статуса договорных норм.

В отношении аккредитива еще в начале XX века предпринимались попытки по унификации обычаев и правил, хотя происходило это на уровне национальных банковских ассоциаций (например, Правила Нью-Йоркской банковской конференции по документарным аккредитивам 1920 г.). Далее, через 9 лет, а именно в 1929 г., МТП приняла Единообразные правила в отношении документарных аккредитивов на Амстердамском конгрессе, и лишь в 1933 г. на Венском конгрессе обычаи и правила получили своё нынешнее название – Унифицированные правила и обычаи для документарного аккредитива. Как уже отмечалось, в настоящее время данные правила и обычаи действуют в редакции 2007 г.

Говоря о значимости унифицированных правил, необходимо уточнить, почему же они так важны в международных расчетных операциях. По нашему мнению, во-первых, они определяют виды аккредитивов, способ и порядок их исполнения и передачи. Во-вторых, ими определяются обязательства и ответственность банков. В-третьих, в унифицированных правилах содержатся толкования всех необходимых терминов и требования, которым обязательно должны отвечать документы, представленные по аккреди-

тиву. Помимо этого, Унифицированные правила и обычаи помогают разрешить другие вопросы, возникающие при практическом осуществлении аккредитивных расчётов [1, с. 60].

Проведенное исследование позволило выявить две, по нашему мнению, основные тенденции, наблюдаемые в сфере правового регулирования международных расчетных отношений:

- унифицированные обычаи и правила являются обычаями;
- унифицированные обычаи и правила являются «мягким правом» и непосредственно применяются лишь при включении их в нормативный правовой акт.

Вторая тенденция требует пояснения. Суть ее заключается в том, что унифицированные обычаи и правила носят характер норм «мягкого права», то есть права не обязательного для применения, а становится они правом «твёрдым», то есть тем, применение которого обязательно, лишь при включении их в конкретный внешнеэкономический договор государств.

Важным в вопросе правого регулирования международных расчётов при наличии двух подобных тенденций является то, что в законодательстве некоторых стран всё же присутствуют нормы национального права, которые сами регулируют международные расчёты. В то же время при первой позиции мы можем ссылаться на обычный характер данных норм, так как в ряде стран СНГ унифицированные правила и обычаи прямо признаются в качестве источника как международного, так национального регулирования расчётов по аккредитиву и инкассо. Например, ст. 266 Банковского кодекса Республики Беларусь прямо говорит о том, что международные правила и обычаи могут применяться к внутренним аккредитивам в случае ссылки на них в тексте аккредитива.

Важно отметить, что в процессе международных расчетов и их регулирования особое место занимают специальные платежно-кредитные соглашения. Это связано с тем, что на современном этапе развития мирового сообщества все большую роль стали играть инвестиционные и иные современные формы экономического сотрудничества, значительно увеличились масштабы капиталовложений, потребовались огромные средства для решения возникающих задач. Без активного участия валютно-финансовых инструментов практически стало немыслимо рациональное, экономически эффективное осуществление хозяйственного сотрудничества стран. Валютно-финансовые отношения стали чаще регулироваться многосторонними договорами. В качестве примера можно указать на серию соглашений между странами Западной Европы о порядке взаимных расчетов в евровалюте (например, Маастрихтский договор 1992 г., Соглашение о создании Платежного союза государств - участников СНГ 1994 г).

Что же касается Республики Беларусь, где основными формами международных расчётов являются документарный аккредитив, инкассо и банковский перевод, их правовая регламентация производится следующим обра-

зом. Аккредитивная форма расчетов регламентируется Банковским кодексом Республики Беларусь и Постановлением Национального банка Республики Беларусь от 29 марта 2001 г. № 67 «Инструкция о порядке совершения банковских документарных операций». Расчеты по инкассо регулируются Постановлением Национального банка Республики Беларусь № 67 от 29.03.2001 г. «Инструкция о порядке совершения банковских документарных операций». Расчеты посредством банковского перевода – Постановлением Национального банка Республики Беларусь № 66 от 29.03.2001 г. «Инструкция о банковском переводе» [2, с. 491].

Таким образом, правовое регулирование международных расчётов является важнейшим аспектом внешнеэкономической деятельности государств. От него зависит порядок осуществления международных расчетных отношений и его специфические особенности. Важную роль играет и то, на какие нормативные правовые акты ссылаются государства, осуществляя международные расчёты. Общими для всех участников внешнеторговых сделок являются Унифицированные правила и обычаи Международной торговой палаты, так как в них закреплены все основные моменты, базовые понятия, сфера действия и порядок осуществления международных расчётов в той или иной форме.

Список использованных источников

1. Алибуттаева, Д.М. Унифицированные правила и обычаи для документарных аккредитивов как источник права / Д.М. Алибуттаева // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2005. – №2. – С. 58-63.

2. Трацевская, Л.Ф. Международные расчеты в системе мирового торгового оборота и их правовое регулирование / Л.Ф. Трацевская // Актуальные проблемы профессионального образования в Республике Беларусь и за рубежом: материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 15 декабря 2017 г.: В 2-х ч. / Витебский филиал Междунар. ун-та «МИТСО»; редкол.: А.Л. Дединкин (гл. ред.) [и др.]. – Витебск, 2017. – Ч. 1. – С. 490-492.

УДК 341.9

СТАБИЛИЗАЦИОННАЯ ОГОВОРКА КАК ИЗЪЯТИЕ ИЗ ПРИНЦИПА НАЦИОНАЛЬНОГО РЕЖИМА ИНОСТРАННОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Колос Г.И., Цегельник О.В.
Белорусский государственный университет

По общему правилу, иностранное юридическое лицо пользуется теми же правами, что и национальное. Действует общий принцип национального режима иностранного юридического лица. В Республике Беларусь данный принцип закреплен в статье 1113 Гражданского кодекса Республики Беларусь [1]. Однако, в ряде случаев появляется необходимость установить определенные

изъятия из этого принципа. Существуют два вида изъятий: ограничительные и стимулирующие. Стабилизационная оговорка относиться к изъятиям стимулирующего характера поскольку не ограничивает иностранное юридическое лицо в правосубъектности, а напротив наделяет иностранного предпринимателя правами неизвестными национальным организациям.

Под стабилизационной оговоркой понимают гарантию от неблагоприятного изменения законодательства. Эта правовая конструкция распространена в инвестиционных правоотношениях, когда при реализации проекта необходимо предупредить негативные изменения законодательства. Необходимость подобной оговорки обусловлена тем, что абсолютное большинство инвестиционных договоров между инвесторами и государством подчиняются внутреннему праву страны-реципиента. В связи с этим государство может вносить изменения в законодательство, в том числе для того, чтобы пересматривать или отменять договоры с иностранными инвесторами. А поскольку не существует универсальный международных договоров, которые бы могли защитить инвестора в данной ситуации, представляется только один способ защиты инвестора через самоограничение государства применять новые нормы, ущемляющие права инвестора.

Формулировка «изменения законодательства» весьма широка, и требует разъяснения вопрос о том, на какие нормы распространяется стабилизационная оговорка. Как правило, исследователи выделяют нормы, затрагивающих правовое положение инвестиций, то есть нормы публично-правового характера. К таким вопросам относятся: налоговый режим (ставки налогов, налоговая база для их исчисления); запрет дискриминации; обменный курс валют; доступность иностранной валюты; свободный перевод валюты за границу [4].

Сразу отметим, что в отношении стабилизационной оговорки в литературе достаточно часто можно встретить использование термина «дедушкина оговорка» (grandfather clause). Однако использование данного термина нельзя считать корректным. Дедушкиной оговоркой называли конституционную оговорку, действовавшую в семи южных штатах США с 1885 по 1910 гг. и лишавшую афроамериканцев права избирательного голоса. Она предусматривала, что на лиц, которые обладали правом избирательного голоса до 1866 г. (то есть белых американцев), или их прямых потомков не распространялись требования образовательного, имущественного или налогового ценза. Таким образом увеличивалось число белых избирателей, в шутку называемых дедушками [15].

Исторически первой разновидностью стабилизационных оговорок стала оговорка о замораживании законодательства(freezing clause). Считается, что данная оговорка сформировалась в 1950-х гг. как практика концессионных контрактов американских компаний с рядом стран Латинской Америки после серии проведенных там национализаций. Оговорки о замораживании законодательства предусматривают, что условия инвестиционного

договора имеют верховенство над любыми актами законодательства, которые принимаются после заключения договора; государство берет на себя обязательство не изменять национальное законодательство.

Следующим этапом в развитии стабилизационных оговорок было заключение двусторонних международных договоров о защите иностранных инвестиций с включением в их тексты так называемых зонтичных оговорок или оговорок-зонтиков (umbrella clause), в соответствии с которыми нарушение двустороннего международного соглашения о защите инвестиций автоматически становится нарушением инвестиционного договора, заключенного между инвестором и государством-реципиентом. Считалось, что в отличие от самоограничения государства в законодательстве или договоре, нормы международного права могут лучше защитить инвестора от неблагоприятного изменения законодательства.

На смену оговорке о замораживании и оговорок-зонтиков пришли оговорки об экономическом равновесии(equilibrium clause). В отличие от оговорки о замораживании они не запрещают государству изменять нормы законодательства. Однако в случае изменений в законодательстве, затрагивающих реализацию инвестиционного проекта, страна-реципиент обязана принять меры по восстановлению первоначального экономического положения инвестора, в том числе компенсировав расходы инвестора [14].

Первым упоминанием о стабилизационной оговорке на территории Республики Беларусь следует признать норму статьи 9 Основ законодательства СССР об иностранных инвестициях от 5 июля 1991 г. [9], которая определяла, что в случае ухудшения условий инвестирования к иностранным инвестициям в течение десяти лет будет применяться законодательство, которое действовало на момент осуществления инвестиций. Вместе с тем данная статья содержала и ряд принципиальных изъятий. Она не распространялась на изменения законодательства, касающиеся обеспечения обороны, национальной безопасности и общественного порядка, налогообложения, кредитов и финансов, охраны окружающей среды, нравственности и здоровья населения, а также антимонопольного законодательства.

В суверенном белорусском государстве стабилизационная оговорка впервые появилась вместе Законом Республики Беларусь от 14.11.1991 г. №1242-XII «Об иностранных инвестициях на территории Республики Беларусь» [6], и была впоследствии была перенесена в Инвестиционный кодекс Республики Беларусь [2], однако Законом Республики Беларусь от 18.07.2006 № 159-З «О внесении изменений в Инвестиционный кодекс Республики Беларусь» [7] она была отменена. Вскоре с изданием Декрета Президента Республики Беларусь «О стимулировании производства и реализации товаров (работ, услуг)» [11] от 28 января 2008 г. № 1 она была возвращена, но распространялась только на те юридические лица, которые осуществляли свою деятельность в сельской местности и малых городах. Декретом Президента Республики Беларусь от 7 мая 2012 г. № 6 «О стимулировании предпринимательской деятельности на территории средних, малых городских поселений, сельской

местности» [10] указанный выше декрет был отменен, а новая стабилизационная оговорка так и не появилась.

В настоящий момент подобная оговорка не встречается в белорусском законодательстве; ни в Законе Республики Беларусь 12 июля 2013 г. N 53-З «Об инвестициях» [5], ни в Законе Республики Беларусь «О концессиях» от 12 июля 2013 г. N 63-З [8] она не используется.

Вместе с тем указанная гарантия предусматривается международными соглашениями Содружества Независимых Государств (далее – СНГ). Так, Соглашением о сотрудничестве в области инвестиционной деятельности (заключено в г. Ашхабаде 24 дек. 1993 г.) [13] и Конвенции о защите прав инвестора (заключена в г. Москва 28 марта 1997 г.) [3], в которых участвует и Республика Беларусь, содержится правило о том, что при изменении касающегося инвестиций законодательства условия деятельности ранее созданных предприятий ухудшаются, то в течение последующих пяти лет применяются нормы, действовавшие на момент регистрации этих предприятий.

Экономический Суд СНГ разъяснил, что данная норма является императивной нормой прямого действия и должна применяться государствами в лице компетентных органов при установлении факта неблагоприятного изменения законодательства государства места инвестирования и распространяется на изменения законодательства независимо от его формы собственности и отраслевой принадлежности. Вместе с тем, данная гарантия не распространяется на такие сферы, как оборона, национальная безопасность, охрана общественного порядка, природной среды, нравственности и здоровья населения, налогообложение [12].

Таким образом, несмотря на отсутствие в белорусском законодательстве стабилизационной оговорки, с учетом норм двух названных международных соглашений иностранные инвесторы из стран СНГ могут рассчитывать на применение моратория на ухудшение законодательства в течение 5 лет с момента регистрации организаций. Однако география иностранных инвестиций в Республику Беларусь далеко не ограничивается странами СНГ.

В связи с этим полагаем, что необходимость нормативного закрепления стабилизационной оговорки в Республике Беларусь существует. Право Республики Беларусь на протяжении всего периода существования суверенного государства не отличалось стабильностью подходов в том числе в отношении вопросов, прямо влияющих на правовой режим иностранных инвестиций. Подобная гарантия должна быть включена в список гарантий иностранных инвесторов, поскольку в белорусской правовой действительности такая норма не будет мертвой, а значит необходимость в ней, безусловно, есть.

С другой стороны, проблема отсутствия стабилизационной оговорки в законодательстве может быть решена путем включения указанной оговорки в текст каждого инвестиционного договора, заключаемого с Республикой Беларусь. Однако для этой цели необходимо, чтобы норма, обязывающая представителей Республики Беларусь вносить данное условие, была прямо закреплена в законодательстве. А поскольку в вопросе привлечения иностранных инвестиций должен быть единообразный подход, правила

должны быть предсказуемы и в отношении условий самой стабилизационной оговорки. Поэтому так или иначе вопросы сферы действия оговорки и возможных изъятий из нее требуют законодательного закрепления.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
2. Инвестиционный кодекс Республики Беларусь Кодекс Республики Беларусь от 22.06.2001 N 37-З [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
3. Конвенция о защите прав инвестора: заключена в г. Москва 28 марта 1997 г. // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
4. *Лихуто*, А.Ю. Стабилизационаая оговорка: на пути к бананс интересов сторон // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
5. Об инвестициях: Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2013 г. № 53-З // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
6. Об иностранных инвестициях на территории Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 14 ноября 1991 г. №1242-XII // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2019.
7. О внесении изменений в Инвестиционный кодекс Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 18 июля 2006 г., № 159-З // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
8. О концессиях: Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2013 г. № 63-З // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
9. Основы законодательства СССР об иностранных инвестициях в СССР от 5 июля 1991 г. № 2303-1// Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2019.
10. О стимулировании предпринимательской деятельности на территории средних, малых городских поселений, сельской местности: Декрет Президента Респ. Беларусь, 7 мая 2012 г. № 6 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
11. О стимулировании производства и реализации товаров (работ, услуг): Декрет Президента Респ. Беларусь, 28 января 2008 г., № 1 // Эталон –

Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

12. О толковании части второй статьи 10 Соглашения о сотрудничестве в области инвестиционной деятельности от 24 декабря 1993 года: Консультативное заключение Экономического Суда Содружества Независимых Государств, 22 марта 2010 г., № 01-1/5-09 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019

13. Соглашение о сотрудничестве в области инвестиционной деятельности: заключено в г. Ашхабаде 24 дек. 1993 г. // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

14. *Фархутдинов,* И.З. Международное инвестиционное право – теория и практика применения (науч.-практ. издание) – Волтерс Клувер, 2005 г.

15. *Grandfatherclause. // ConciseEncyclopediaBritannica*[Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.britannica.com/topic/grandfather-clause – *Дата доступа: 13.04.2019.*

УДК 347.775

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ СЕКРЕТОВ ПРОИЗВОДСТВА (НОУ-ХАУ) И КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Мороз Н.В., Мороз О.Л.
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

Проблема охраны секретов производства и коммерческой тайны актуальна не только для Республики Беларусь. В зарубежных правовых системах существует разнообразие терминов, которые используются при регулировании правоотношений в сфере коммерческой тайны, среди которых производственная тайна, промышленная тайна, торговый секрет, секрет фирмы, ноу-хау и т.д.

Данное разнообразие в первую очередь можно объяснить тем, что в большинстве западных стран отсутствуют нормативные акты, которые бы устанавливали процедуру защиты информации, а нормы о коммерческой тайне включены в различные акты или же существуют в виде судебных прецедентов.

В законодательстве Германии употребляется термин «ноу-хау», который может иметь и техническое, и коммерческое содержание. К технической сфере ноу-хау относят чертежи, результаты опытов, статистические расчеты, формулы, рецептуры и т.д., к коммерческой – данные об организации производства, данные о финансировании, методы рекламы и т.д.

В итальянском законодательстве в области защиты коммерческой тайны существует понятие «долг верности», который соблюдает работник в

трудовых отношениях, а также после увольнения. В данное понятие включается и запрет на разглашение секретов производства и коммерческой тайны нанимателя, в том числе бывшего нанимателя. Данные нормы закреплены в Гражданском кодексе Италии.

В Японии вопросы защиты коммерческой тайны решаются посредством принятия локальных нормативных актов на уровне конкретного предприятия, которые получили название «Кодекс поведения служащих».

Подобная норма в отношении конфиденциальной коммерчески значимой информации действует и в Великобритании, где заключаются договоры между работодателем и наемным работником в рамках трудовых правоотношений и применяются соглашения о конфиденциальности между контрагентами в рамках же гражданско-правовых отношений [3, с. 100–101]. В китайском законодательстве секреты производства коммерческая тайна определена как техническая и управленческая информация, которая должным образом охраняется владельцем данной информации, и в отношении которой заключено соглашение между нанимателем и работником о неразглашении. Более того, в Китае возможно создание коммерческих служб безопасности, деятельность которых направлена в том числе и на охрану коммерческой тайны [1, с. 48] .

В Соединенных Штатах Америки защита секретов производства и коммерческой тайны регулируется в основном законодательными актами, принятыми на уровне конкретного штата. Однако в США с 1979 года действует Единообразный закон о деловых секретах 1979 года, нормы которого могут использоваться в актах штатов. Коммерческая тайна в данном законе трактуется как информация, которая обладает самостоятельной экономической ценностью, не доступна для других лиц, которые могли бы извлечь экономическую выгоду из пользования ею без разрешения, и в отношении которой приняты специальные меры по защите ее конфиденциальности.

В Республике Казахстан посвященные коммерческой тайне вопросы в основном закреплены в двух законодательных актах: Предпринимательском кодексе Республики Казахстан, утвержденным Законом Республики Казахстан от 29 октября 2015 года № 375-V (вступил в силу 01.01.2016) и в Гражданском кодексе Республики Казахстан, утвержденным Законом Республики Казахстан от 1 июля 1999 года № 409. Отдельный нормативный правовой акт, регулирующий коммерческую тайну, в Республике Казахстан отсутствует.

Однако в некоторых странах защита секретов производства и коммерческой тайны регулируется отдельными законодательными актами. Например, в Молдове в 1994 году вступил в силу Закон Республики Молдова от 06.07.1994 № 171-XII «О коммерческой тайне». 19 декабря 2000 г. Закон № 53-II «О коммерческой тайне» был принят в Туркменистане. Отдельный законодательный акт в сфере регулирования и защиты коммерческой тайны с 2001 года действует также и в Азербайджане – Закон Азербайджанской Республики от 04.12.2001 № 224-II «О коммерческой тайне».

В 2004 году, в России был принят Федеральный закон Российской Федерации от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне», который предоставляет охрану коммерчески значимой информации, в отношении которой установлен режим коммерческой тайны.

В Республике Беларусь с 11 июля 2013 г. действует Закон Республики Беларусь от 5 января 2013 г. № 16-З «О коммерческой тайне», который в том числе регулирует отношения, связанные с охраной такого объекта интеллектуальной собственности как секреты производства (ноу-хау) [2].

На международном уровне режим правовой охраны коммерчески ценной информации (куда относится и ноу-хау) частично регулируется разделом 7 Соглашения по торговым аспектам права интеллектуальной собственности 1994 г. в рамках Всемирной торговой организации (далее – Соглашение TRIPS). Однако определения «ноу-хау» Соглашение TRIPS не содержит.

В терминологии, принятой в Соглашении TRIPS к объектам интеллектуальной собственности относится понятие «закрытая информация», которая должна обладать следующими признаками: не должна являться общеизвестной или легко доступной; должна иметь коммерческую ценность в силу ее неизвестности третьим лицам; обладатель информации принял необходимые меры к охране ее конфиденциальности (ст. 39 Соглашения TRIPS) [4, с. 180] .

Данные положения Соглашения TRIPS частично совпадают с критериями коммерческой тайны, приведенными в статье 140 Гражданского кодекса Республики Беларусь и статье 5 Закона о Республики Беларусь «О коммерческой тайне». Однако к числу объектов интеллектуальной собственности в Республике Беларусь относится лишь разновидность коммерческой тайны – секреты производства (ноу-хау), что также усложняет понимание определения и содержания понятия «закрытая информация» в Соглашении TRIPS.

Однако Соглашение TRIPS не содержит ни определения «секреты производства», ни определения «ноу-хау». В терминологии, принятой в Соглашении TRIPS к объектам интеллектуальной собственности относится понятие «закрытая информация», которая должна обладать следующими признаками: не должна являться общеизвестной или легко доступной; должна иметь коммерческую ценность в силу ее неизвестности третьим лицам; обладатель информации принял необходимые меры к охране ее конфиденциальности (ст. 39 Соглашения TRIPS) [4, с. 183].

Данные положения частично совпадают с критериями коммерческой тайны, приведенными в ст. 140 Гражданского кодекса Республики Беларусь и ст. 5 Закона Республики Беларусь «О коммерческой тайне». Однако к числу объектов интеллектуальной собственности относится лишь разновидность коммерческой тайны – секреты производства (ноу-хау), что также усложняет понимание определения и содержания понятия «закрытая информация» в Соглашении TRIPS.

Таким образом, существующая по настоящее время проблема терминологического расхождения формулировки понятий секреты производства (ноу-хау) в законодательных актах стран вызывает определенные проблемы в применении данного института на международном уровне.

Список использованных источников

1. Беляев, М.В. Субъекты права на коммерческую тайну: проблемы правового статуса / М.В. Беляев // Информационное право. – 2005. – № 3. – С. 47–51.

2. О коммерческой тайне: Закон Республики Беларусь от 05.01.2013 № 16-З (в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 № 132-З) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2019.

3. Рачковский, В.В. Зарубежное законодательство о коммерческой тайне / В.В. Рачковский // Правоведение. – 1999. – № 3. – С. 100-104.

4. Соглашение ТРИПС (Торговые аспекты прав интеллектуальной собственности) // Авторское право и смежные права. Законы, конвенции, договоры и соглашения: сб. материалов / под ред. С.А. Сударикова. – Минск, 1998. – С. 160–187.

УДК 341.1/8:378.1

ОСОБЕННОСТИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Павлыш Э.В.
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

Глобализация приводит к обострению конкуренции на международном рынке образовательных услуг. Исследователи отмечают, что спрос на высшее образование в мире ежегодно растет на 6% со значительным опережением услуг транснационального образования. Если в 2003 г. образование за рубежом во всех его формах получали чуть более 2,0 млн студентов, то в 2025 таких ожидается 7,2–7,3 млн. Существенная часть из них будет учиться по международным образовательным программам [4].

Международный рынок образования достиг существенных масштабов. По оценкам ВТО, его емкость составляет около 60 млрд долл. Основные конкурирующие центры – это США, которые занимают примерно треть рынка, еще 30% занимает Европа, 10–15% – доля Новой Зеландии и Австралии. Экспорт образовательных услуг осуществляют 129 стран, то есть примерно 70% стран мира. Доля Российской Федерации на мировом рынке образовательных услуг составляет 0,5%, доля Республики Беларусь ещё меньше. Следует особо подчеркнуть, что меняется структура образовательных учреждений: на место ремесленных и промышленных учебных заведений приходит так называемый «образовательный супермаркет». Студент

приходит в университет, как в магазин, и выбирает набор образовательных услуг, который считает целесообразным.

Особенностью рынка образования является то, что предложение образовательной услуги формирует сам потребитель. Наиболее ярко эта особенность проявляется на рынке услуг высшего образования. Потребитель теперь не ждёт, когда производитель или посредник расскажет ему об имеющихся образовательных услугах, он сам, используя современные технологии, инициирует контакт, запрашивает нужную информацию, сравнивает ее и принимает решение. Такие отношения между участниками рынка услуг высшего образования описывают модель рынка, ориентированного на потребителя.

В. Головко, С. Гримблат и др. [2, с.8-9] выделяют следующие основные тенденции и критерии современного высшего образования на международном и региональном уровнях:

Во-первых, система высшего образования динамично развивается, характеризуется диверсификацией структуры и форм организации учебно-воспитательного процесса, информатизацией, трансформацией конъюнктуры.

Во-вторых, благоприятная среда высшего образования побуждает к взаимному обмену знаниями, трансферу инновационных научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок и отражает социально-политические и морально-этические тенденции на национальном, региональном и международном уровне.

В-третьих, получение высшего образования необратимо приобретает массовый характер без материальных, возрастных, физических, религиозных, национальных ограничений и характеризуется доступностью, интернациональностью для способных, а не избранных с возможностью обучения в течение всей жизни.

Таким образом, международный рынок услуг высшего образования характеризуется теми же тенденциями, что и рынок потребительских товаров. С развитием процессов глобализации образовательные услуги пересекли национальные границы, развиваются транснациональные и международные образовательные программы. Отражением процесса интеграции является сотрудничество учреждений и национальных систем образования в разработке единых стандартов качества и единиц измерения учебной нагрузки.

Меняется и роль образования в современном мире: оно превращается в непрерывный процесс, поскольку в течение всей жизни человек сталкивается с проблемой старения знаний, необходимостью их обновления, пополнения и освоения новых профессиональных сфер. Изменение ситуации на рынке ознаменовалась переходом инициативы и власти в руки потребителя, современные информационные технологии существенно расширили возможности выбора образовательных программ.

Эти изменения, характерные для самого процесса образования, происходят на фоне более широких изменений, охватывающих экономику отдельных стран, регионов и мира в целом. Студенты получают высшее образова-

ние в зарубежных странах, а применяют полученные знания, работая в международных компаниях по всему миру. Европейский Союз разработал специальные стипендии и программы, стимулирующие студентов учиться за пределами своей страны. В ведущих ВУЗах Великобритании, США, Канады до 80% студентов - иностранцы.

Современные информационные технологии, бурное развитие дистанционного обучения сделали национальные границы абсолютно прозрачными для образовательных услуг. Сформировался единый мировой образовательный рынок, где ВУЗы самых разных стран предлагают свои продукты и услуги всем студентам сразу, не ограничивая себя национальными границами. Работодатели во многих странах Европы все больше внимания обращают на выпускников ВУЗов, имеющих опыт учебы, жизни и работы за рубежом, поскольку это показывает адаптивные способности кандидатов, широту кругозора, навыки кросс-культурного общения.

Цели интернационализации образования разнообразны:

- диверсификация и рост финансовых поступлений через привлечение иностранных студентов на платное обучение;

– расширение учебных планов и обучение своих студентов в зарубежных ВУЗах-партнерах;

– расширение региональной сети вузов для эффективного совместного использования ресурсов;

– повышение качества образования и исследований за счет процессов международного обмена знаниями.

Настал тот момент исторического развития мировой системы высшего образования, когда национальная обособленность вузов все больше вступает в конфликт с последствиями и перспективами интернационализации и глобализации. Этот фундаментальный конфликт проявляется в различных вопросах и проблемах: признании университетских дипломов и специализаций, развитии международных форм оценки качества, вопросах международной аккредитации.

Поддерживая процессы транснационализации высшего образования, правительства стран-экспортеров образовательных услуг решают прежде всего те задачи, которые важны для их стран и национальных экономик. Так, страны ОЭСР занимаются преимущественно экономическими проблемами и внедряют в отношении международной деятельности в сфере высшего образования такие стратегии [3, с. 8–14]:

«Стратегия привлечения квалифицированной рабочей силы» (skilled migration approach). Направлена на подготовку необходимых специалистов из числа иностранных студентов с последующим приглашением лучших из них на работу. Основным инструментом данного подхода является система академических стипендий, дополненная активной программой продвижения системы высшего образования страны за границей в сочетании с введением соответствующего визового и иммиграционного законодательства. Такие программы реализуются через специальные агентства или сети

агентств и организаций. Наиболее последовательно стратегию реализуют Австрия, Финляндия, Франция, Венгрия, Германия, Великобритания (для студентов из стран ЕС), Ирландия, Нидерланды, Мальта, Норвегия, Швейцария, Канада, США (для студентов, обучающихся по окончании ВУЗа).

«Стратегия получения дохода» (revenue-generating approach). Исходит из того, что иностранные студенты должны создавать дополнительный доход образовательным учреждениям и стране в целом. Поэтому образовательные услуги должны предлагаться исключительно на платной основе, без предоставления государственных субсидий. Правительства при этом обеспечивают высокую репутацию своей системы высшего образования, а также высокую степень защиты иностранным студентам. К числу стран, которые реализуют такой подход, относятся: Австралия, Великобритания (для студентов из стран, не являющихся членами ЕС), Новая Зеландия и США (для студентов, получающих высшее образование). Например, США - лидер по доходам от обучения иностранцев, ежегодно выделяет 6 млрд. долл. (субсидии, гранты, стипендии) для обучения иностранных студентов в своих колледжах и университетах (этой помощью пользуются 28% иностранных студентов), получая как совокупный доход (включая расходы иностранцев на проживание в США) сумму втрое большую – 18 млрд. долл. То есть, каждый из 623,8 тыс. Иностранцев, обучавшихся в 2007/08 академическом году в США по программам третичного уровня, принес американской экономике в среднем 24 тыс. долл. [1].

«Стратегия расширения возможностей» (capacity building approach). Поощряет получение высшего образования студентами за рубежом или в вузе - поставщике транснациональных образовательных услуг. Важными инструментами такого подхода являются: поддержание программ зарубежной мобильности государственных служащих, профессорско-преподавательского состава, ученых и студентов; обеспечение иностранным ВУЗам, программам и преподавателям благоприятных условий для коммерческой образовательной деятельности в «своей» стране. Уделяется внимание и созданию партнерств с местными поставщиками образовательных услуг для обеспечения трансфера знаний между зарубежными и местными образовательными институтами. Сторонниками такой стратегии являются: страны Юго-Восточной и Центральной Азии (Малайзия, Гонконг, Китай, Сингапур, Индонезия, Вьетнам, Таиланд и др.), Мексика и некоторые страны Восточной Европы.

Университеты, как микроэкономические субъекты, за счет международного сотрудничества решают проблемы расширения рынков сбыта своих услуг и, как следствие, повышение доходов и финансовой устойчивости в целом. Национальные государства за счет международного сотрудничества в сфере высшего образования с одной стороны привлекают дополнительные ресурсы в экономику, а с другой - укрепляют свой человеческий потенциал за счет лучших представителей других государств. На рис. 1 схематично представлено влияние международного сотрудничества в сфере высшего образования на социально-экономическое развитие стран участников.

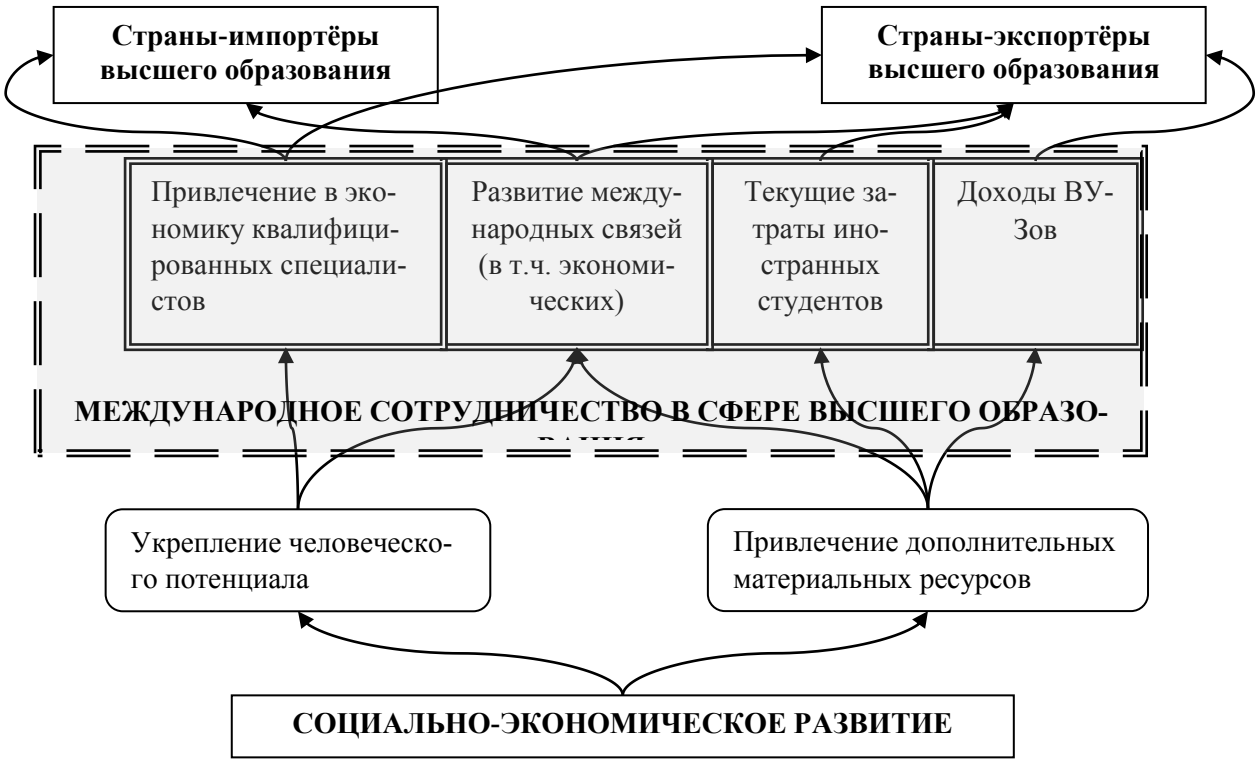


Рис. 1. Влияние международного сотрудничества в сфере высшего образования на социально-экономическое развитие стран участников

Таким образом, в рамках исследования выявлены сущностные характеристики процесса интернационализации образования, установлены приоритетные формы и средства интернационализации образовательного пространства, которые приобретают новый смысл в контексте непрерывного образования, выяснены их специфические особенности. Определено, что экономическим смыслом международного сотрудничества в области высшего образования для университетов, как микроэкономических субъектов, является расширение рынков сбыта своих услуг и, как следствие, повышение доходов, а для национальных государств, с одной стороны, привлечение дополнительных ресурсов в экономику, а с другой - развитие внешнеэкономических связей через налаживание торговых, инвестиционных и других деловых отношений между представителями данной страны и соискателями высшего образования. С этих позиций, актуальным представляется формулирование соответствующих методик, с помощью которых можно исследовать влияние международного сотрудничества в области высшего образования в первую очередь на макроэкономическом уровне. Выбор конкретного научного инструментария исследования этих явлений является перспективным направлением дальнейшего исследования.

Список использованных источников

1. Арефьев А. Экспорт российского образования: основные показатели / А. Арефьев // Высшее образование в России. – 2010. – №1. – С. 125–141
2. Діалектика вищої освіти: трансформація від декларації до реалізації: Навч. посібник / Головко В.О., Гримблат С.О., Барановський Д.І., Кузьмін Б.М., Приходько Ю.О., Хохлов А.М., Пасічник В.А., Капієцький В.Ф. – Харків: Еспада, 2009. – 304 с.
3. Ларионова, М.В. Интернационализация высшего образования в странах ОЭСР / М.В. Ларионова, Е.М. Горбунова и др. – Москва: ВШЭ, 2005. – 150 с.
4. Лукичев Г. Новая реальность нового века / Г. Лукичев // Высшее образование сегодня. – 2004. – № 4. – [Электронный ресурс] Режим доступа:www.russianeric.ru/publications/6.html (Дата обращения – 22.04.2019)

УДК 347.18:341

РЕГИСТРАЦИЯ АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ ГРАЖДАН РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ВНЕ ПРЕДЕЛОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

ПресняковаТ.В., Шашкова И.М.
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

Согласно ст. 1107 Гражданского кодекса Республики Беларусь регистрация актов гражданского состояния граждан Республики Беларусь, проживающих вне пределов Республики Беларусь, осуществляется в консульских учреждениях, а также в дипломатических представительствах Республики Беларусь в случае выполнения ими консульских функций. При этом применяются акты законодательства Республики Беларусь.

Это же положение закреплено в ст. 238 «Регистрация актов гражданского состояния граждан Республики Беларусь, проживающих за пределами Республики Беларусь» Кодекса Республики Беларусь о браке и семье.

Представляется, что иностранный элемент в указанных гражданско-правовых отношениях обусловлен тем, что действие – регистрации акта гражданского состояния совершается на территории иностранного государства. Тем не менее, принимая во внимание правовой статус консульских учреждений и дипломатических представительств Республики Беларусь на территории иных стран, представляется, что наиболее применимым в таких отношениях, безусловно, является право Республики Беларусь.

Статья 1108 Гражданского кодекса Республики Беларусь содержит норму признание документов, выданных органами иностранного государства в удостоверение актов гражданского состояния. Согласно данной статье документы, выданные компетентными органами иностранных государств в удостоверение актов гражданского состояния, совершённых вне пределов Республики Беларусь по актам законодательства соответствующих государств в отношении граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства, признаются действительными в Республике Беларусь

при наличии легализации в соответствии с законодательством, если иное не установлено международными договорами Республики Беларусь.

Представляется, что норма данной статьи достаточно косвенным образом относится к числу коллизионных норм, ибо здесь речь идёт не столько о праве, подлежащем применению, сколько о требованиях законодательства Республики Беларусь, которым должны соответствовать документы, выданные в удостоверение актов гражданского состояния компетентными органами иных стран, в целях их признания на территории Беларуси.

К примеру, в соответствии со ст. 13 «Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» (заключена в г. Минске22 января 1993 г.), документы, которые на территории одной из договаривающихся сторон изготовлены или засвидетельствованы учреждением или специально на то уполномоченным лицом в пределах их компетенции, по установленной форме и скреплены гербовой печатью, принимаются на территориях других договаривающихся сторон без какого-либо специального удостоверения. Документы, которые на территории одной из договаривающихся сторон рассматриваются как официальные документы, пользуются на территориях других договаривающихся сторон доказательной силой официальных документов.

К документам, исходящим от государств, с которыми Республикой Беларусь подписаны двусторонние соглашения о правовой помощи (Республика Польша, Латвийская Республика, Литовская Республика, Китайская Народная Республика и др.), применяются правила, аналогичные установленным для государств – членов СНГ.

В случае исполнения документов на государственных языках договаривающихся сторон к ним прилагаются заверенные переводы на русский язык. Документы должны быть переведены на русский (белорусский) язык, и их перевод должен быть нотариально удостоверен.

Рассматривая усыновление на территории Республики Беларусь постоянно проживающими за пределами Республики Беларусь гражданами Республики Беларусь, иностранными гражданами или лицами без гражданства ребёнка, являющегося гражданином Республики Беларусь, а также усыновление на территории Республики Беларусь гражданами Республики Беларусь, иностранными гражданами или лицами без гражданства ребёнка, являющегося иностранным гражданином или лицом без гражданства и проживающего на территории Республики Беларусь, производятся в соответствии с гл. 13 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье с соблюдением порядка передачи детей на усыновление, установленного Правительством Республики Беларусь, при условии получения в каждом отдельном случае письменного разрешения на усыновление Министра образования Республики Беларусь, а для усыновителей, постоянно проживающих за пределами Республики Беларусь, – также письменного разрешения компетентного органа государства, на территории которого они постоянно проживают.

При усыновлении на территории Республики Беларусь гражданами Республики Беларусь, иностранными гражданами или лицами без гражданства ребёнка, являющегося иностранным гражданином, проживающего на территории Республики Беларусь, необходимо также получение письменного разрешения компетентного органа государства, гражданином которого является ребёнок, и, если это требуется в соответствии с законодательством иностранного государства, – согласия ребёнка на усыновление.

Порядок согласования процедуры международного усыновления между Министерством образования Республики Беларусь и компетентными государственными органами иностранных государств, а также порядок взаимодействия Национального центра усыновления со специально уполномоченными иностранными государствами организациями по усыновлению детей на территории Республики Беларусь определяются Правительством Республики Беларусь.

Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, могут быть переданы на усыновление гражданам Республики Беларусь, постоянно проживающим за пределами Республики Беларусь, иностранным гражданам или лицам без гражданства, не являющимся родственниками детей, по истечении одного года со дня постановки этих детей на централизованный учёт в соответствии с частью шестой ст. 117 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (за исключением усыновления супругами, один из которых является гражданином Республики Беларусь, постоянно проживающим на территории Республики Беларусь).

Усыновление гражданами Республики Беларусь, постоянно проживающими за пределами Республики Беларусь, иностранными гражданами или лицами без гражданства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, являющихся гражданами Республики Беларусь, допускается при наличии заключения Национального центра усыновления об отсутствии кандидатов в усыновители – граждан Республики Беларусь, постоянно проживающих на территории Республики Беларусь, или родственников детей независимо от гражданства и места жительства этих родственников, изъявивших намерение усыновить данного ребёнка.

Усыновление ребёнка, являющегося гражданином Республики Беларусь, проживающего за пределами Республики Беларусь, произведённое компетентным органом иностранного государства, гражданином которого является усыновитель – иностранный гражданин или на территории которого постоянно проживает усыновитель – лицо без гражданства, признаётся действительным в Республике Беларусь при условии получения письменного разрешения на усыновление Министра образования Республики Беларусь в порядке, определяемом Правительством Республики Беларусь (ст. 233 Кодекса Республики Беларусь обраке и семье).

Рассмотрение дел об усыновлении ребёнка производится судом в порядке особого производства по правилам, предусмотренным гражданским процессуальным законодательством Республики Беларусь.

Усыновление считается установленным со дня вступления в законную силу решения суда об усыновлении.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7.12.1998 г. № 218-З, в (ред. 30.12.2015)// Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

2. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 3 июня 1999 года № 278-З // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

УДК 343.37:343.9

НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ

Сафонов А.И.
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

Целью нашей работы является комплексное исследование противодействия легализации преступных доходов на национальном уровне в Республике Беларусь.

Тема исследования является актуальной в свете развития экономики нашего государства и активизации различных элементов в «теневом» секторе.

Латентность легализации преступных доходов, коррупция, низкий профессиональный уровень отдельных сотрудников и некоторые другие факторы обусловливают низкую эффективность правоприменительной практики в нашем государстве.

В целом, легализация преступных доходов в большей степени является преступлением наднационального характера, и для противодействия ей принят ряд международно-правовых актов.

Республике Беларусь требуется изучение международного опыта, касающегося регламентации уголовной ответственности за легализацию («отмывание») преступных доходов; анализ ряда составов преступлений, специфичных для данной сферы отношений, как с точки зрения их конструктивных особенностей, так и содержания; установление причин низкой эффективности уголовно-правовых мер, направленных на борьбу с легализацией («отмыванием») преступных доходов и внесение предложений по совершенствованию соответствующих мер; формулирование рекомендаций по изменению и дополнению норм действующего уголовного законодательства, предусматривающих ответственность за легализацию («отмывание») преступных доходов.

Методами исследования являются общенаучные методы познания (анализ, синтез, системно-структурный и др.), частнонаучные (конкретно-социологический, логико-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой.

Белорусским специалистам в области уголовного права следует использовать современные достижения науки в области философии, социологии, теории права, уголовного права, психологии, криминологии, уголовного процесса, криминалистики, для выработки комплекса мер противодействия легализации преступных доходов.

Научную новизну исследования причин и условий легализации мы видим в изучении и анализе специфики общественной опасности легализации («отмывания») доходов, полученных преступным путем; разработкой системы специальных мер предупреждения преступления, предусмотренного ст. 235 УК Республики Беларусь.

Особенность вреда рассматриваемого деяния складывается не только из непосредственного материального ущерба государству в целом, но и негативных аспектов, вскрываемых только в результате комплексных теоретических исследований.

В Республике Беларусь, меры, направленные на борьбу с легализацией («отмыванием») материальных ценностей, приобретенных преступным путем следует сгруппировать по нескольким основаниям: меры, направленные на формирование правосознания населения, крайне нетерпимого к легализации преступных доходов; меры, связанные с полной конфискацией преступно нажитого имущества и денежных средств; организационно-правовые меры, позволяющие усложнить реализацию умысла субъектов преступлений на («отмывание»).

Правоприменителю следует провести комплексный анализ факторов, детерминирующих анализируемые виды преступлений; дать уголовно-правовую характеристику и разработать систему специальных мер предупреждения легализации («отмывания») материальных ценностей, приобретенных преступным путем; при разработке новых программ реформирования экономической, политической и социальной сфер общества; совершенствовании законодательства, в первую очередь, уголовного (а также специализированного), и иной нормативно-правовой базы; при подготовке руководящих разъяснений высших судебных органов; разработке государственных программ.

А лицам, занимающимся исследованием проблемы борьбы с легализацией преступных доходов необходимо провести анализ статистических сведений, материалов отчетности органов внутренних дел Республики Беларусь, органов финансовых расследований, публикаций в периодической печати и специальной научной литературы по исследуемой теме, использовать данные ряда криминологических и социологических исследований, затрагивающих отдельные проблемы борьбы с легализацией («отмыванием») преступных доходов, а на основании этого вырабатывать научно обоснованные практические меры борьбы, которые необходимо внедрять в практику лишь после тщательного анализа и соответствующих консультаций и согласований с компетентными специалистами-практиками.

Считаем, что в создании эффективных мер борьбы с легализацией преступных доходов необходим, кроме юридического и экономический подход.

Вместе с тем дискуссия о приоритетности юридического или экономического подхода к решению задач борьбы с «отмыванием» преступных доходов является предметом отдельного исследования.

Однако, без изучения экономического аспекта данной проблемы решить ее в комплексе очень тяжело.

УДК 338.439:341:349.42

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ МЕХАНИЗМА ИМПЛЕМЕНТАЦИИ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Стаценко В.Г.
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

В современной правовой доктрине аксиоматичным является положение о том, что международное и национальное право, являясь самостоятельными правовыми системами, тесно взаимосвязаны между собой и находятся в постоянном взаимовлиянии, причем как в содержательном, так и в процессуальном плане.

Усиление взаимозависимости государств, определяемое объективными процессами глобализации и интернационализации, на протяжении десятилетий, с неизбежностью расширяло круг объектов международно-правового регулирования, переводя в них то, что ранее определялось исключительно национальной юрисдикцией (сферу прав человека, к примеру).

В современных условиях нормотворчества, с учетом императивности принципа международного права pacta sunt servanda, значение норм международного права для развития и совершенствования национального законодательства очевидно.

Ключевой проблемой во взаимодействии международно-правовой и национальных правовых систем является реализация и применение норм международных договоров, признаваемых государством обязательными для себя. Сущность этой проблемы определяется очевидным фактом, образно определенным еще в 19 веке Г. Трипелем: «…для того, чтобы международное право смогло выполнить свою задачу, оно постоянно должно обращаться за помощью к внутреннему праву. Без него оно во многих отношениях является совсем бессильным. Оно подобно маршалу, дающему приказы только генералам и могущему достичь своих целей только в том случае, если последние согласно его указаниям дают новые приказы своим подчиненным»[6, с. 10].

Опосредованность воздействия международного права на национальное не подвергается сомнению в теории и, кроме того, закреплено юридически. Так, Заключительный Акт СБСЕ 1975 года устанавливает: «При осуществлении своих суверенных прав, включая право устанавливать законы и

административные правила», государства «будут сообразовываться со своими юридическими обязательствами по международному праву» [5]. При этом речь идет не просто о взаимосвязи и взаимовлиянии международной и национальной систем права, а о **приоритетности** норм международного права, гарантируемой Венской конвенцией о праве международных договоров 1969 г., статья 27 которой определяет: «государство не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения договора» [2].

Таким образом, реализация предписаний международных договоров предполагает необходимость создания на национальном уровне (в дополнении к международно-договорному) специального механизма их имплементации в различных ее формах (соблюдение, исполнение, использование, применение).

Как уже неоднократно отмечалось белорусскими исследователями [3;8;9], механизм имплементации международных договорных обязательств Республики Беларусь, как система нормативных средств и мер правоприменительной деятельности государственно-властных институтов, обеспечивающих реализацию норм международного права, нуждается в развитии и совершенствовании.

Прежде всего, требует уточнения и конкретизации смысловое значение части 1 статьи 8-й Конституции Республики Беларусь - «Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства» [4].

Под общепризнанными принципами международного права понимаются основополагающие правовые начала императивного характера, определенные уставными актами международных организаций (прежде всего ООН), обязательные для соблюдения субъектами международно-правовых отношений. В доктрине международного права выделяют т.н. основные принципы международного права, относя к ним закрепленные в ст.2 Устава ООН принципы суверенного равенства государств – членов ООН, добросовестного выполнения международных обязательств, разрешения международных споров мирными средствами, неприменения силы или угрозы силой в международных отношениях, а также принципы, нашедшие отражение в Декларации о принципах международного права 1970 года, в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года и в Парижской хартии для новой Европы 1990 года – принцип территориальной целостности и нерушимости границ, уважения прав человека, невмешательства во внутренние дела государств.

Формулировка части 1 статьи 8 Конституции Республики Беларусь, таким образом, не позволяет говорить об определенности правового регулирования в целом, а также об определении соотношения норм международного права и права национального.

Более конкретное содержание, с точки зрения определения соотношения норм международного и национального права, имеет ст.36 Закона Республики Беларусь «О международных договорах Республики Беларусь» 2008

года, определяющая, что «Нормы права, содержащиеся в международных договорах Республики Беларусь, подлежат непосредственному применению, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для применения таких норм требуется принятие (издание) нормативного правового акта, и имеют силу того нормативного правового акта, которым выражено согласие Республики Беларусь на обязательность для нее соответствующего международного договора» [7, ст.36]. Аналогичное положение закреплено в Гражданском кодексе Республики Беларусь в отношении норм гражданского права (ст.6).

Следует заметить, однако, что формулировка статей указанных правовых актов, хотя и конкретизирует содержание 8 статьи Конституции Республики Беларусь, тем не менее, не закрепляет приоритет признанных государством норм международного права над национальными, что приводит к проблемам в правоприменении.

Более определенно приоритет норм международных договоров отражен в Гражданском процессуальном кодексе Республики Беларусь, статья 543 которого определяет: «Если международным договором Республики Беларусь установлены иные правила, чем те, которые содержатся в законодательстве о гражданском судопроизводстве Республики Беларусь, применяются правила международного договора Республики Беларусь (ст. 543). Примат норм международных договоров Республики Беларусь, в том случае, если они устанавливают иные правила, определяется Трудовым кодексом Республики Беларусь (ст.8), Хозяйственным процессуальным кодексом Республики Беларусь (ст. 25, 241), Уголовно-исполнительным кодексом Республики Беларусь (ст. 3), а также рядом законов Республики Беларусь (Закон Республики Беларусь «О правах ребенка» от 19.11.1993 № 2570-XII (ст.38), Закон Республики Беларусь «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства от 4 января 2010 г. № 105-З (ст.3), «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защиты», с оговоркой о том, что «если законодательными актами Республики Беларусь закреплены положения, предусматривающие больший объем предоставляемых правовых, экономических и социальных гарантий защиты прав и законных интересов иностранцев, ходатайствующих о защите, а также иностранцев, которым предоставлены статус беженца, дополнительная защита, убежище или временная защита в Республике Беларусь, чем предусмотренный международными договорами Республики Беларусь, то применяются положения… законодательных актов Республики Беларусь»(ст.1)и др.

С сожалением следует отметить, что принятом в 2018 году новом Законе «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», законодатель исключил положения, определяющие соотношение норм международных договоров и норм национального права и механизм имплементации, закрепленные в утратившем силу одноименном Законе 1999 года.

Практическая реализация принципа приоритета норм международного договора может быть обеспечена только с помощью отрегулированного механизма имплементации международных норм, прежде всего в судопроизводстве. Именно этот аспект правового регулирования сегодня наиболее проблематичен.

В соответствие с ч.1 статьи 112 Конституции Республики Беларусь «Суды осуществляют правосудие на основе Конституции и принятых в соответствии с ней иных нормативных актов» [4]. Отсюда следует, что органы правосудия могут выносить решения только на основании национального законодательства. В доктрине, высказывалось, правда, мнение том, что, суд, выявив несоответствие национального правового акта нормам ратифицированного международного договора при рассмотрении конкретного дела, должен принять решение в соответствии с международным договором и поставить, в установленном порядке, вопрос о признании нормативного акта неконституционным. При этом, как полагает Г.А.Василевич, реализация на практике этого правила не требует специального законодательного закрепления, поскольку к этому судей обязывает содержание статей 8, 112, 116, 137, 142 Конституции, а также других актов законодательства [1, с.66].

Последнее утверждение вызывает сомнения. Анализ судебной практики свидетельствует о том, что суды Республики Беларусь (за исключением Конституционного Суда) практически не выносят решений со ссылками на нормы как Конституции, так и международных договоров.

Для разрешения этой проблемы, по нашему мнению, следует внести изменение в Кодекс о судоустройстве и статусе судей, сформулировав ч.2 статьи 7 следующим образом: «Если при рассмотрении конкретного дела суд общей юрисдикции придет к выводу о несоответствии нормативного правового акта Конституции Республики Беларусь и ратифицированным международным договорам Республики Беларусь, он принимает решение в соответствии с Конституцией Республики Беларусь и международным договором и ставит перед Верховным Судом Республики Беларусь вопрос о внесении им предложения в Конституционный Суд Республики Беларусь о признании данного нормативного правового акта неконституционным».

Использование международных договоров в качестве источника права требует также разработки и принятия соответствующего Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Василевич, Г.А. Конституция Республики Беларусь: Научно-практический комментарий / Г.А. Василевич. – Минск: Право и экономика, 2000. – 484 с.

2. Венская конвенция о праве международных договоров, 23 мая 1969 г. // Действующее международное право: в 2 т. / сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. Т. 1. – М.: Юрайт, 2007. – С. 216–247.

3. Зыбайло, А.И. Некоторые теоретические и практические аспекты имплементации норм международного права в Республике Беларусь / А.И. Зыбайло // Актуальные проблемы международного публичного и международного частного права: сб. науч. тр. Вып. 1. - Минск: БГУ, 2009. - С. 74–82.

4. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на Республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск: Амалфея, 2008.

5. Международное публичное право. Сб. док. – Т. 1. – М.: БЕК, 1996. – С. 8 –12

6. Мюллерсон, Р.А. Соотношение международного и национального права. / Р.А. Мюллерсон – М.: Международное право, 1982. – 136 с.

7. О международных договорах Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь, 23 июля 2008 г. № 421-З (с изм.и доп.) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология ПРОФ [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2019.

8. Павлова, Л. В. Особенности законотворчества Республики Беларусь в области заключения международных договоров / Л.В. Павлова // Актуальные проблемы международного публичного и международного частного права: сб. науч. тр. Вып. 1. – Минск: БГУ, 2009. – С. 102–111.

9. Стаценко, В.Г. Беларусь в МОТ: история и современные проблемы взаимодействия: монография / В.Г. Стаценко. – Витебск: Из-во УО «ВГУ имени П.М. Машерова», 2007. – С.209–213

СЕКЦИЯ 4
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 343.57:351.761 (476.5)

ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИЧИН И УСЛОВИЙ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Гуминский М.Н.
Управление внутренних дел Витебского облисполкома

Наркопреступность в сети Интернет обусловлена различными детерминантами, которые находятся в тесной связи с детерминантами наркопреступности и преступности в целом.

Определяющими среди детерминант преступности являются социальные противоречия, которые обнаруживают себя посредством явлений, возникающих в различных сферах общественной жизни – экономике, политике, социальной и духовной сферах[1].

Существование преступности по-разному объясняется различными исследователями. Так, Н.Ф. Кузнецова выделяет детерминанты и условия преступности. При этом большинство криминогенных детерминант носит объективно-субъективный характер с преобладанием объективного либо субъективного, а условия подразделяются на: условия, «отрицательно сказывающиеся на формировании личности правонарушителя», и условия, «способствующие реализации преступного замысла»[2]. Ряд авторов подразделяет детерминанты преступности на причины, которые порождают преступность как свое закономерное следствие; условия, которые либо формируют причину, либо способствуют ее проявлению; и факторы, которые определенным образом влияют на состояние преступности [3]. Л.И. Романова при рассмотрении наркопреступности выделяет ее причины и условия, рассматривая их как систему негативных для соответствующей общественно-экономической формации и данного государства социальных явлений, детерминирующих преступность как следствие [4].

Следует согласиться с Л.М. Прозументовым, что правильнее вести речь о детерминантах преступности, под которыми следует понимать собственно причины, условия действия этих причин и факторы, влияющие на преступность [5].

Для более емкой криминологической характеристики наркопреступности в сети Интернет и оптимального выделения объектов предупредительного воздействия на нее, детерминанты следует рассматривать на трех уровнях, а именно - общесоциальном, специально-криминологическом и индивидуальном.

Общесоциальные детерминанты наркопреступности в сети Интернет связаны с социальными процессами, происходящими в обществе в целом (прежде всего макроэкономическими процессами) и отражающимися на образе жизни целых макрогрупп (возрастных, национальных, профессиональных и т.д.). А.В. Шеслер, В.Б. Вехов, А.С. Овчинский отмечают, что деформации, возникшие в образе жизни этих групп, способны оказывать криминогенное воздействие на личность в следующих направлениях:

- являться источником конфликтов;
- вызывать отклонения от одобряемых обществом ценностей;
- ослаблять позитивный социальный контроль;
- затруднять реализацию законных возможностей личности.

Специфика этих процессов применительно к наркопреступности в сети Интернет имеет много общего с групповой преступностью в целом, и как верно отмечает А.В. Шеслер состоит, во-первых, в том, что они порождают социальную базу этой преступности, то есть группы людей, оказавшихся из-за социально-экономического кризиса невостребованными в позитивных сферах жизнедеятельности общества и вынужденных приобщаться к криминальной деятельности уже существующих преступных групп или объединяться в такие группы для адаптации к усложнившимся условиям через девиантное поведение. Это могут быть бывшие спортсмены, военнослужащие или сотрудники спецподразделений правоохранительных органов, программисты, квалифицированные фармацевты и т.д. Эту категорию лиц, оказавшихся в сложных социальных условиях и вынужденных к ним приспосабливаться, именуют маргиналами[6].

Во-вторых, социальные процессы порождают многочисленные пространственно-временные образования – «серые зоны» – с деформированной организацией социальной власти и деформированной нормативной системой, в которых находится социум (точнее теневой социум – асоциум), живущий вне сферы современного государства и права, либо под слабым их влиянием. Девиантное и преступное поведение лиц, включенных в "серые зоны", становится социальной нормой. «Серыми зонами», в которых концентрируются лица с преступным и социально-отклоняющимся поведением, могут быть отдельные территории (парки, кладбища, стадионы и т.д.), целые территориальные образования (например, окраины крупных городов) или даже страны (например, Колумбия, где значительная часть населения занимается выращиванием и производством наркотических средств). В "серых зонах" возникают необходимые условия для воспроизводства и формирования социально-негативных связей между людьми, которые организационно выражаются в создающихся преступных группах.

Современный социум рассматривает «серые зоны» как обочину человеческой цивилизации, на которую сваливаются все болезни и издержки развития (социальные, экономические, политические и т.д.), где они локализуются территориально. В этих зонах эксплуатируется дешевая рабочая сила, через неэквивалентный обмен изымаются экологические ресурсы, создается широкомасштабный рынок сбыта некачественных товаров, оружия,

наркотических средств и психотропных веществ, легализируются преступные доходы, образуются места захоронения промышленных отходов, испытываются новые виды вооружения и социальные доктрины переустройства общества, создаются анклавы террористов и других опасных преступников, разрешаются военные и другие крупные социальные конфликты, переносимые туда с территорий индустриально развитых государств.

Кроме названных к числу причин и условий наркопреступности в сети Интернет следует отнести повсеместное распространение, общедоступность открытый и независимый характер самой глобальной сети Интернет. Если в конце XX века сеть Интернет была доступна не всем, то сейчас ситуация резко изменилась. Практически в любой точке мира можно получить доступ к ресурсам сети Интернет, как с персонального компьютера, так и с мобильных устройств, где среди массы различной информации определенное положение занимают ресурсы о наркотических средствах.

Распространение информации в сети Интернет ничем не ограничено. Причем такая информация может быть размещена в любой точке мира независимо от границ между государствами. Также не существует и действенных мер противодействия такому распространению. Наряду с этим владельцы ресурсов, размещая информацию о наркотических средствах, например, о способах их приобретения on-line, сопровождают ее различными метками, ключевыми словами, регистрируют ссылки на нее на различных серверах, тем самым облегчая ее поиск и нахождение со стороны потенциальных покупателей, или иных заинтересованных лиц.

Число пользователей сети Интернет постоянно растет благодаря всеобщей компьютеризации, переводу всевозможных услуг и деятельности различных организаций в виртуальное пространство. Особо активно развивается молодежный и подростковый сегмент этой аудитории.

Список использованных источников

1. Криминология: учеб. пособие / Под ред. В.Н. Бурлакова и Н.М. Кропачева. – СПб: Питер, 2016, 275 с.

2. Кузнецова, Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации / Н.Ф. Кузнецова. – М., 1984. – 103 с.

3. Прозументов, Л.М. Проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних / Л.М. Прозументов. – Томск, 1999. – 196 с.

4. Романова, Л.И. Наркопреступность: криминологическая и уголовно-правовая характеристика / Л.И. Романова – Владивосток: УО «Дальневосточный университет», 2009, 201 с.

5. Ольховик, Н.В. Рецидивная преступность осужденных и ее предупреждение / Н.В. Ольховик. – Томск, 2009, 152 с.

6. Шеслер, А.В. Криминологические аспекты групповой преступности / А.В. Шеслер. – Красноярск, 1999, 135 с.

УДК 338.439:341:349.42

СООТНОШЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПОЛОЖЕНИЙ ВСЕМИРНОЙ ТОРГОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ О СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Елисеев В.С.
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

Составной частью национальной безопасности Российской Федерации выступает «продовольственная безопасность», которая согласно п. 2 Доктрины продовольственной безопасности «является одним из главных направлений обеспечения национальной безопасности страны в среднесрочной перспективе, фактором сохранения ее государственности и суверенитета, важнейшей составляющей демографической политики, необходимым условием реализации стратегического национального приоритета - повышение качества жизни российских граждан путем гарантирования высоких стандартов жизнеобеспечения» [1].

Основными формирующими звеньями продовольственной безопасности выступают сельскохозяйственные товаропроизводители, нормальное функционирование которых зависит от потребителей, т.е. непосредственно зависит от экономико-правового режима рынка сельскохозяйственной продукции. Если обеспечить необходимое количество продуктов питания, а с учетом того, что с/х имеет погодные риски, – требуется определенное превышение минимального количества, то для удержания сельскохозяйственного производства необходима гарантированная реализация данной продукции, производимая российскими аграриями.

Однако «продовольственная безопасность» входит в прямое противоречие с Соглашением по субсидиям и компенсационным мерам [2] и Соглашением по сельскому хозяйству [3] в рамках ВТО. В частности, последнее обязывает страны классифицировать внутренние меры поддержки сельского хозяйства в соответствии с одной из четырех «корзин», в зависимости от степени их влияния на объём производства и реализации аграрной продукции [4].

Что касается Соглашений о субсидиях и компенсационных мерах, то оно фактически запрещает устанавливать ограничительные меры потоку сельскохозяйственной продукции из-за рубежа.

В свою очередь Соглашение по сельскому хозяйству внутренняю поддержку сельского хозяйства делится на т.н. «корзины», которые представляют собой перечисление определенных экономических методов, прежде всего государственной поддержки субъектов сельского хозяйства:

– «зеленая корзина», то есть такие государственные меры, которые фактически не влияют на аграрное производство и торговлю либо оказывают минимальное влияние. Общим требованием к субсидиям, включенным в «зеленую корзину», является то, что они не должны искажать торговлю или вызывать минимальные искажения. Данные меры не должны включать ценовую поддержку или финансироваться за счет установления более высоких цен для потребителей и включают в себя следующие меры: во-первых, общие услуги, включая исследовательскую деятельность, борьбу

с сельскохозяйственными вредителями и болезнями, обучение, консультирование, инспекцию, маркетинг и продвижение товаров на рынок, инфраструктурное обслуживание; во-вторых, внутренняя продовольственная помощь; в-третьих, государственные закупки для продовольственного резерва при условии закупки у товаропроизводителей по рыночным ценам; в-четвертых, прямая поддержка товаропроизводителей, включая несвязанные выплаты для поддержки доходов, страхования доходов и программ спасательных мер, помощь при бедствиях, пенсионные программы для производителей, инвестиционную помощь, экологические программы, и региональные программы содействия;

– «голубая корзина» – прямая поддержка, предусматривающая ограничения производства со стороны товаропроизводителей (принятая преимущественно в интересах США) – меры «голубой корзины» представляют собой прямые выплаты в рамках программ ограничения производства и не ограничены уровнем расхода. Такие меры не подлежат сокращению, если они удовлетворяют трем требованиям: выплаты основаны на фиксированной площади и размере урожая; выплаты производятся на основе 85% или менее от базового уровня производства; выплаты в области животноводства производятся, исходя из фиксированной численности поголовья;

– «корзина развития» – это некоторые субсидии для привлечения и использования инвестиций, а также субсидии на вводимые ресурсы и другие меры поддержки, – предназначена для развивающихся стран, которые получают особый и дифференцированный режим для мер внутренней поддержки. В соответствии со ст. 6.2 Соглашения данная «корзина» позволяет исключать из расчета текущего общего показателя поддержки некоторые меры развития, при условии, что они направлены на развитие сельского хозяйства и сельской местности и являются составной частью программ развития. К таким мерам относятся: во-первых, инвестиционные субсидии, обычно доступные для сельского хозяйства в развивающихся странах, во-вторых, сельскохозяйственные субсидии на капитальные вложения для производителей с низкими доходами или обладающих скудными ресурсами в развивающихся странах.

– «желтая корзина» (также называемая «янтарной корзиной») – субсидии, оказывающие существенное воздействие на производство и торговлю: меры «желтой корзины» включают в себя все меры внутренней поддержки, которые не относятся к трем остальным корзинам.

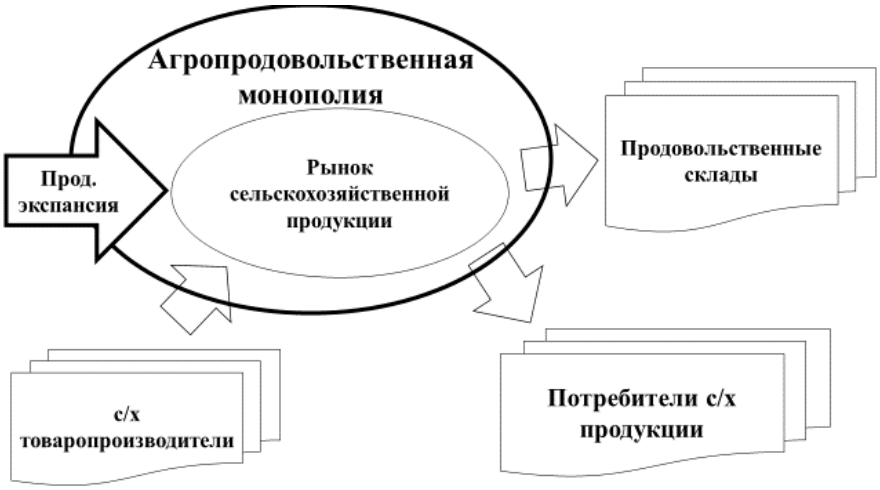
Последний вид государственной поддержки обычно оказывает значительное воздействие на объем производства, на уровень поддержки отдельных продуктов или сельскохозяйственного сектора в целом и, в свою очередь, подразделяется на «продуктово-специфическую поддержку», рассчитываемую индивидуализировано по каждому сельскохозяйственному товару, и «продуктово-неспецифическую поддержку» – рассчитываемую в рамках общей поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей.

В науке также выделяют «красную корзину», т.е. те методы государственной поддержки и государственного регулирования сельского хозяйства, которые ни при каких обстоятельствах не могут использоваться участниками

Соглашения по сельскому хозяйству – указанные методы относятся к методом директивного (планового) развития сельскохозяйственной экономики.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что в настоящее время анализировать динамику развития сельского хозяйства в рамках ВТО не приходится в виду введения Россией в 2014 году и последующего расширения продовольственного эмбарго, которое стало ответом на санкционную политику Запада и США в отношении России. Эмбарго шло и идет по пути расширения и охвата количества стран и списка санкционных товаров: во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 г. № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» [5] Постановлением Правительства Российской Федерации от 7 августа 2014 г. № 778 «О мерах по реализации указов Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 г. № 560, от 24 июня 2015 г. № 320 и от 29 июня 2016 г. № 305» [6] в ответ на введенные в отношении России санкции был наложен запрет на ввоз в Российскую Федерацию определенного перечня сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, включающих мясо крупного рогатого скота, свинину, мясо и пищевые субпродукты домашней птицы, рыбу, молоко и молочную продукцию, ряд овощей, фруктов и орехов, страной происхождения которых являются США, страны Европейского Союза, Канада, Австралия и Норвегия, сроком на один год.

В настоящее время следует остановиться на двух потенциальных угрозах российскому сельскому хозяйству, которые разрушают связь между сельскохозяйственными товаропроизводителями и потребителями сельскохозяйственной продукции: во-первых, агропродовольственная монополия, во-вторых, продуктовая экспансия.



Агропродовольственная монополия выступает основной угрозой российского сельского хозяйства, она возникла в силу избранной в 90-е годы в России модели приватизации сельского хозяйства, поскольку перерабатывающие мощности во времена СССР строились из расчетов производственных

возможностей субъектов сельского хозяйства в каждом районе, что для плановой экономики проблем не вызывало, равно как это обстоятельство не вызывает проблем в соседней Республике Беларусь, где крупные перерабатывающие центры принадлежат государству. Но с момента перехода в частные руки, как это имеет место в Российской Федерации, перерабатывающие организации стали локальными монополистами, а в дальнейшем на их основе были созданы агропродовольственные корпорации, которые полностью захватили агропродовольственные рынки, в частности московские, устанавливая цены, угнетающие сельскохозяйственное производство и нарушая естественный закон спроса и предложения.

Справедливости ради, необходимо сказать, что при отсутствии внешних потоков продовольствия, агропродовольственные корпорации не были бы заинтересованы в уничтожении российских сельскохозяйственных товаропроизводителей, поскольку именно за счет них они существуют, это обстоятельство в настоящее время влияет на подъем сельскохозяйственного производства в России.

Но картина меняется в худшую сторону под влиянием продовольственной экспансии сельскохозяйственной продукции из-за рубежа, на которые, как на более дешевое зарубежное сырье, перестраиваются агропродовольственные корпорации, тем самым, уничтожая российского сельскохозяйственного товаропроизводителя.

С этих позиций ограничения на ввоз западной сельскохозяйственной продукции является временным фактором подъема российского сельского хозяйства и обеспечения продовольственной безопасности, поскольку, во-первых, данные потоки постепенно меняются на продовольствие, поступаемое из стран БРИКС, во-вторых, со временем, указанные меры будут отменены и снова потоки продовольствия хлынут из стран Западной Европы, в-третьих, указанные меры полностью противоречат правилам ВТО, членом которой является Россия, что чревато судебными спорами и огромными потерями для российского государства. При этом, как показала история приватизационных процессов в России (2001-2005 гг.), для того, чтобы уничтожить развитое сельское хозяйство, достаточно всего 3-4 года экспансий продовольствия и российский сельскохозяйственный товаропроизводитель не выдержит конкуренции по объективным экономическим причинам.

Проблема усугубляется «подконтрольностью значительной части крупнейших производителей сельхозпродукции и продовольствия иностранным юридическим лицам. Так, в 5 из 10 крупнейших производителей сельхозпродукции в число собственников прямо или через ряд юридических лиц входят компании, зарегистрированные за рубежом (пакеты акций от 36 до 99%). В 5 крупнейших производителей сахара (общий объем производства – более 60% от производства в стране) контрольными пакетами владеют компании, зарегистрированные за рубежом» [7].

Как результат «кооперации» агропродовольственной монополии и внешней продовольственной экспансии сложилось три схемы деятельности агропродовольственных рынков в российских магазинах:

Во-первых, в московских супермаркетах сложилась система проходных плат за доступ к прилавкам: для продажи помидор, выращиваемых в России – 300 тысяч евро, колбасы – от 200 до 300 тысяч долларов, фрукты – 300 тысяч евро и т.п., – и это при том, что магазины не гарантируют реализацию продукции, а только допускают на свои прилавки отечественных аграриев. Очевидно, что такие цены недоступны российским сельскохозяйственным товаропроизводителям, в результате чего их продукция полностью вытеснена зарубежными потоками продовольствия.

Во-вторых, демпинг со стороны иностранных производителей сельскохозяйственной продукции, закупается исключительно импортная продукция и продается в первое время на грани себестоимости российского производства, что приводит к разорению российского товаропроизводителя, а впоследствии расчищается поле для бесконкурентной торговли.

В-третьих, иностранные владельцы крупных сетевых магазинов, отстаивающие антироссийские «национальные» интересы, в частности турецкие, закупают соответствующую продукцию.

Очевидно, что подобные «рыночные саморегуляторы» не способствуют подъему сельскохозяйственного производства и нуждаются в императивном вмешательстве с целью: во-первых, прямого доступа субъектов сельского хозяйства к розничным и оптовым рынкам, во-вторых, исключения (минимизации) количества посредников.

В Российской Федерации пытались создать прямой доступ на «сельскохозяйственные рынки» (в узком понимании данного термина), – но отсутствие необходимой кооперации привело к тому, что они вследствие естественных процессов развития монополизма из рыночной среды стали недоступны для сельскохозяйственных товаропроизводителей, прежде всего мелкого и среднего уровня. Они дают результат только в случаях прямой опеки со стороны государственных или муниципальных органов, что бывает не часто. Необходима система соответствующей опеки, закрепленной законодательно и прозрачной для государства и самих субъектов сельского хозяйства.

В этом смысле полезен опыт фирменных магазинов (фирменных секций, торговых домов и иных механизмов представительства субъектов сельского хозяйства) в Республике Беларусь [8], которые играют все большую роль в продвижении белорусской продукции на рынке: товаропроводящая сеть, включающая сейчас несколько десятков прямых поставщиков [9].

Но если пустить фирменные магазины (при их внедрении в аграрную действительность России) в свободное рыночное плавание, то ценности с них будет не больше, чем с сельскохозяйственных рынков, поскольку главное звено эффективности именно в императивности схемы реализации продукции, позволяющей избежать препятствий агропродовольственных монополий при выходе сельскохозяйственного товаропроизводителя на рынок и спекулятивных накруток.

Список использованных источников

1. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 30 января 2010 г. № 120 // СЗ РФ 2010. № 5. Ст. 502.

2. Соглашение по субсидиям и компенсационным мерам (ВТО, Уругвайский раунд многосторонних торговых переговоров, 15 апреля 1994 г.) // СЗРФ. 2012. № 37 (приложение, ч. VI). С. 2733-2775.

3. Соглашение по сельскому хозяйству (ВТО, Уругвайский раунд многосторонних торговых переговоров, 15 апреля 1994 г.) // СЗРФ. 2012. № 37 (приложение, ч. VI). С. 2539-2565.

4. Смирнов С.А. Всемирная торговая организация: документы и комментарии (многосторонние торговые соглашения) / Под ред. С.А. Смирнова М., 2001.

5. Указ Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 г. № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» // СЗРФ. 2014. № 32. Ст. 4470.

6. Постановление Правительства Российской Федерации от 7 августа 2014 г. № 778 «О мерах по реализации указов Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 г. № 560, от 24 июня 2015 г. № 320 и от 29 июня 2016 г. № 305» // СЗРФ. 2014. № 32. Ст. 4543.

7.Шагайда Н.И., Узун В.Я. Продовольственная безопасность в России: мониторинг, тенденции и угрозы //http://www.ranepa.ru/about-the-academy/consulting-services/scientific-reports.html (дата обращения: 30.10.2014 г.).

8.Положение о фирменном магазине предприятия (объединения): утв. Приказом Минторга Республики Беларусь 27.10.1998 №138 // Нац. Реестр правовых актов Республики Беларусь. 199. №19. 8/1419.

9. Белорусские аграрии увеличивают поставки животноводческой продукции на российский рынок // http://www.meat.su/?news/industry/details/941 (дата обращения: 30.10.2014 г.).

УДК 347.77:004.738.5

ДА ПЫТАННЯ АБ ТЭРЫТАРЫЯЛЬНЫХ АБМЕЖАВАННЯХ ПРЫ ЛІЦЭНЗІЙНЫМ ВЫКАРЫСТАННІ АБ'ЕКТА ПРАМЫСЛОВАЙ УЛАСНАСЦІ Ў СЕТЦЫ ІНТЭРНЭТ

Казлоўская В.В.
Віцебскі дзяржаўны ўнівесітэт імя П.М. Машэрава

У ліцэнзійных дагаворах аб прадастаўленні права выкарыстання аб'екта прамысловай уласнасці ў сетцы Інтэрнэт (далей – Інтэрнэт, Сетка), мэтазгодна ўзгадніць значныя для бакоў ўмовы. На нашу думку, адным з такіх з'яўляецца ўмова аб тэрыторыі, на якой дапускаецца выкарыстанне аб'екта прамысловай уласнасці. Згодна з заканадаўствам яно не адносіцца да

катэгорыі істотных умоў, але яго адсутнасць або недакладнае вызначэнне ў тэксце дагавора могуць справакаваць ўзнікненне спрэчкі паміж бакамі.

Значная ўвага ў юрыдычнай літаратуры надаецца даследаванню пытання аб тэрыторыі, на якой дапускаецца выкарыстанне аб'екта прамысловай уласнасці [3], [2, с. 116], [4, с. 128]. Гэту ўмову называюць таксама «тэрытарыяльнымі абмежаваннямі» выкарыстання аб'екта прамысловай уласнасці [1, с. 164]. Ліцэнзійная дамова можа прадугледжваць, што права на выкарыстанне аб'екта прадастаўляецца (дзейнічае) на тэрыторыі асобнай краіны, групы краін (рэгіёну) або часткі дзяржавы [1, с. 164]. Тэрытарыяльныя межы дзеяння правамоцтваў ліцэнзіята могуць супадаць з тэрыторыяй дзеяння патэнта або пасведчання на аб'ект прамысловай уласнасці альбо быць больш вузкай за гэту тэрыторыю.

Заканадаўства аб аб'ектах прамысловай уласнасці, у адрозненне ад Закона Рэспублікі Беларусь ад 17 мая 2011 г. «Аб аўтарскім праве і сумежных правах» (далей – Закон аб аўтарскім праве) (арт. 45) [6], не ўтрымлівае агаворкі на выпадак адсутнасці ў ліцэнзійнай дамове ўмовы аб тэрыторыі, на якой дапускаецца выкарыстанне аб'екта прамысловай уласнасці. Магчыма, гэта тлумачыцца тым, што згодна з прынцыпу тэрытарыяльнасці інтэлектуальнай уласнасці прававая ахова, якая прадстаўляецца аб'ектам прамысловай уласнасці ў канкрэтным дзяржаве, абмяжоўваецца межамі гэтай дзяржавы [5, с. 698]. Дакладней будзе сказаць – межамі дзеяння патэнта або пасведчання, выдадзенага ў дачыненні да аб'екта прамысловай уласнасці, якімі могуць ахоплівацца тэрыторыі адной або некалькіх краін (напрыклад, еўразійскі або еўрапейскі патэнты).

Мяркуем, што калі ў ліцэнзійным дагаворы адсутнічае умова пра тэрыторыю, на якой дапускаецца выкарыстанне аб'екта прамысловай уласнасці, то магчымыя два варыянты вызначэння гэтай тэрыторыі. Першы варыянт –прымяненне аналогіі закона. Згодна з пунктам 3 артыкула 45 Закона аб аўтарскім праве «пры адсутнасці ў аўтарскім дагаворы ўмовы аб тэрыторыі, на якой дапускаецца выкарыстанне твора, дзеянне дагавора абмяжоўваецца тэрыторыяй Рэспублікі Беларусь» [6]. Другі варыянт – абмежаванне тэрыторыі, на якой дапускаецца выкарыстанне аб'екта прамысловай уласнасці, тэрыторыяй дзеяння выключных правоў, якія вынікаюць з патэнта або пасведчання, выдадзеных на аб'ект прамысловай уласнасці.

Асаблівую складанасць можа выклікаць фармуляванне ўмовы аб тэрыторыі ў ліцэнзійных дагаворах аб прадастаўленні права выкарыстання аб'екта прамысловай уласнасці ў Інтэрнэце. Як было сказана, дзеянне выключнага права на аб'ект прамысловай уласнасці абмежавана тэрыторыяй краін, дзе дзейнічае ахоўны дакумент. Але у Інтэрнэту няма межаў, падобных тым, якія ёсць у дзяржавы. У сувязі з гэтым дакладнае вызначэнне ў дамове тэрытарыяльных рамак выкарыстання аб'екта прамысловай уласнасці можа апынуцца няпростай задачай.

Разгледзім у якасці прыкладу таварны знак як аб'ект прамысловай уласнасці, які найбольш выкарыстоўваецца ў Сетцы. Якім чынам у

ліцэнзійнай дамове можа быць агаворана ўмова аб тэрыторыі выкарыстання ў Інтэрнэце гэтага сродка індывідуалізацыі?

Калі абазначэнне зарэгістравана ў якасці таварнага знака толькі ў Рэспубліцы Беларусь, прававой аховай ён будзе карыстацца толькі на тэрыторыі Рэспублікі Беларусь. Значыць, і ў ліцэнзійнай дамове выкарыстанне таварнага знака неабходна будзе абмежаваць тэрыторыяй Рэспублікі Беларусь. Відавочна, што ў такім выпадку ліцэнзіяту будзе прадастаўлена магчымасць выкарыстоўваць таварны знак на сайтах, якія ўваходзяць у нацыянальны сегмент сеткі Інтэрнэт.

Згодна з заўвагай да падпункта 1.2 пункта 1 Указа Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь ад 1 лютага 2010 г. № 60 «Аб мерах па ўдасканаленні выкарыстання нацыянальнага сегмента сеткі Інтэрнэт» (далей – Указ № 60)) «пад нацыянальным сегментам сеткі Інтэрнэт разумеецца сукупнасць інфармацыйных сетак, сістэм і рэсурсаў, якія маюць падключэнне да сеткі Інтэрнэт, размешчаных на тэрыторыі Рэспублікі Беларусь і (або) выкарыстоўваюць іерархічныя імёны нацыянальнага сегмента сеткі Інтэрнэт» [7]. Даменнымі імёнамі нацыянальнага сегмента сеткі Інтэрнэт у цяперашні час з'яўляюцца імёны даменных зон «.by» і «.бел» (гл. заўвагу да пункту 2 Загаду Аператыўна-аналітычнага цэнтра пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь ад 18 чэрвеня 2010 г. № 47 «Аб некаторых пытаннях рэгістрацыі даменных імёнаў у прасторы іерархічных імёнаў нацыянальнага сегмента сеткі Інтэрнэт» (далей – Загад)) [8].

У сувязі з гэтым узнікае пытанне: Што рабіць ўладальніку выключнага права, калі высветліцца, што ліцэнзіят выкарыстоўвае таварны знак не ў нацыянальным сегменце сеткі, а, да прыкладу, у рускамоўных даменных зонах «.ru» ці «.su»? Калі выключнае права на аб'ект прамысловай уласнасці не ахоўваецца ў краіне, якой належыць адпаведная даменная зона, абараніць яго ў гэтай дзяржаве будзе немагчыма.

Адзначым усё ж, што ў беларускім заканадаўстве ёсць патрабаванне, якое дазваляе ў пэўным сэнсе «прывязаць» суб'ектаў, якія ажыццяўляюць у Рэспубліцы Беларусь камерцыйную дзейнасць з дапамогай Інтэрнэту, да нацыянальнай даменнай зоны. Так, пунктам 2 Указа № 60 прадугледжана, што « з 1 ліпеня 2010 г. дзейнасць па рэалізацыі тавараў, выкананню работ, аказанні паслуг на тэрыторыі Рэспублікі Беларусь з выкарыстаннем інфармацыйных сетак, сістэм і рэсурсаў, якія маюць падключэнне да сеткі Інтэрнэт, павінна ажыццяўляцца юрыдычнымі асобамі, іх філіяламі і прадстаўніцтвамі, створанымі ў адпаведнасці з заканадаўствам Рэспублікі Беларусь, з месцазнаходжаннем у Рэспубліцы Беларусь, а таксама індывідуальнымі прадпрымальнікамі, зарэгістраванымі ў Рэспубліцы Беларусь [...], з выкарыстаннем інфармацыйных сетак, сістэм і рэсурсаў нацыянальнага сегмента сеткі Інтэрнэт, размешчаных на тэрыторыі Рэспублікі Беларусь і зарэгістраваных ва ўстаноўленым парадку» [7].

Іншымі словамі, камерцыйнае выкарыстанне аб'ектаў прамысловай уласнасці рэзідэнтамі Рэспублікі Беларусь у сферы рэалізацыі тавараў, выканання работ, аказання паслуг павінна ажыццяўляцца ў нацыянальным

сегменце сеткі Інтэрнэт. Парушэнне гэтай нормы цягне прыцягненне да юрыдычнай адказнасці, прадугледжанай заканадаўчымі актамі. Акрамя таго, пры выяўленні органамі, пералічанымі ў частцы 1 пункта 11 Указа № 60, вышэйпаказанага патрабавання, гэтыя органы выносяць ва ўстаноўленым парадку юрыдычным асобам і індывідуальным прадпрымальнікам, якія дапусцілі такія парушэнні, прадпісанні аб ліквідацыі выяўленых парушэнняў з указаннем тэрміну, на працягу якога яны павінны быць ліквідаваны [7].

Пры выяўленні грубых або паўторных парушэнняў на працягу шасці месяцаў пасля вынясення прадпісання аб ліквідацыі выяўленых парушэнняў аказанне інтэрнэт-паслуг юрыдычнай асобе або індывідуальнаму прадпрымальніку, які дапусціў такія парушэнні, можа быць прыпынена пастаўшчыком інтэрнэт-паслуг, якія аказваюць яму такія паслугі, па патрабаванні органаў, указаных у частцы першай гэтага пункта [7].

Падводзячы вынік, адзначым, што ў ліцэнзійных дагаворах, у рамках якіх прадастаўляецца права выкарыстання аб'екта прамысловай уласнасці ў Інтэрнэце, ўмова аб тэрыторыі выкарыстання неабходна прадугледжваць як мінімум па двух прычынах: *па-першае*, таму што гэта ўмова выразна акрэслівае межы правамоцтвы ліцэнзіята; а *па-другое,* прадугледжаная ў ліцэнзійнай дамове ўмова аб тэрыторыі правамернага выкарыстання аб'екта прамысловай уласнасці ў сетцы Інтэрнэт падмацоўваецца дзеяннем нормаў Указа № 60, разгледжаных вышэй. Гэта служыць дадатковай гарантыяй выканання бакамі умоў дамовы і інтарэсаў ліцэнзіята.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Городов, О.А. Интеллектуальная собственность: правовые аспекты коммерческого использования: дисс. докт. юрид. наук: 12.00.04 / О.А. Городов. – С.-Пб., 1999. – 364 с.
2. Егоров, В. В. Лицензии и лицензионные соглашения применительно к промышленной собственности в международной торговле по праву России, США, Великобритании и Германии: дис. … канд. юрид. наук 12.00.03 / В. В. Егоров. – М., 2003. – 214 с.
3. Еременко, В. И., Евдокимова, В. И. Некоторые формы распоряжения исключительнымправом на объекты промышленной собственности в части четвертой ГК РФ /В. И. Еременко, В. И. Евдокимова // Library.ru. Информационно-справочный портал [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: library.ru›Виртуальная справка›docs/n46817/PO1.doc. – Дата доступа: 16.04.2019.
4. Калиничева, Е. П. Лицензионный договор как основание возникновения обязательства: дис. канд. юрид. наук 12.00.03 / Е.П. Калиничева. – Ростов-на-Дону, 2011. – 193 с.
5. Комментарий к Гражданскому кодексу Республики Беларусь с приложением актов законодательства и судебной практики (постатейный): В 3 кн. Кн.3. / Отв. ред. и руководитель авт. коллектива В.Ф. Чигир. – Амалфея, 2006. – 720 с.

6. Об авторском праве и смежных правах: Закон Респ. Беларусь, 17 мая 2011 г., № 262-З // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

7. О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет: Указ Президента Респ. Беларусь, 1 февр. 2010 г., № 60; с изм. и доп.: Указ президента Респ. Беларусь, 23 янв. 2014 г., № 46 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 29.01.2014, 1/14787.

8. О некоторых вопросах регистрации доменных имен в пространстве иерархических имен национального сегмента сети Интернет: Приказ Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, 18 июня 2010 г. № 47; с изм. и доп.: Приказ Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, 28 ноября 2016 г. № 85// Национальный реестр правовых актов Респ. Беларусь, 29.11.2016, № 7/3662.

УДК 347.676.1

О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ ИСПОЛНИТЕЛЯ ЗАВЕЩАНИЯ, ДУШЕПРИКАЗЧИКА

Николичев Д.Н.
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее-ГК) регулирует социально-экономическое поведение уполномоченного (управомоченного) лица способного принимать юридически значимые решения в пользу лиц заинтересованных в сохранении и приумножении наследства (ст. 1053, 1068 ГК), представляя возможность исполнителю завещания, душеприказчику, доверительному управляющему самостоятельность в принятии юридически значимых решений относительно прав и обязанностей наследодателя.

В этом контексте важное значение приобретает ответ на вопрос о том, насколько предусмотренные национальным законодательством правила позволяют обеспечить интерес наследников др. лиц, отвечая недалеким перспективам. Уже сегодня в собственности граждан помимо простых объектов недвижимости и ценных объектов движимого имущества находятся доли, акции в хозяйственных обществах, не говоря уже о созданных ими организациях. Так, по данным Министерства юстиции Республики Беларусь, за семь месяцев 2018 г. в нашей стране было зарегистрировано 27482 субъекта хозяйствования и 20727 индивидуальных предпринимателей, растет число физических лиц, осуществляющих накопление капитала в иных формах – ремесленной и другой деятельности. Созданное имущество, приобретенные имущественные права и обязанности, – это потенциальные объекты наследства, требующие профессионального управления не только при жизни, но и после смерти их носителей. При этом специализация в вопросах осуществления прав и исполнения обязанностей уже

на современном этапе позволяет поручить их реализацию специально обученным лицам (профессиональным участникам рынка ценных бумаг, управляющим, антикризисным управляющим, медиаторам и др.).

В связи с этим становятся актуальными вопросы не только охраны указанных объектов, но и управления ими после смерти собственника. По этому вопросу в условиях новой реальности сохраняет свое значение высказанная В. И. Серебровским мысль о том, что исполнение завещания является не простым делом и требует затраты времени и труда, а также известных навыков и уменья.

В Беларуси, России и других государствах постсоветского пространства специальные распоряжения граждан на случай смерти в практике встречаются нечасто. Так согласно данным Белорусской нотариальной палаты за 2015-2018 годы количество заключенных договоров доверительного управления наследственным имуществом составило 111, а удостоверенных нотариусами завещаний, в которых был назначен исполнитель завещания (душеприказчик) 16 распоряжений. Это на наш взгляд связано с тем, что накопление капитала происходит, а время смены поколений еще не наступило. Существует и еще одна, не мене существенная причина, обеспечить интерес собственника, который сам предоставил уполномоченному либо управомоченному лицу свободу усмотрения в своих делах. В одном случае, когда свобода усмотрения как принцип реализуется собственником, в другом уполномоченным (управомоченным) лицом без должного юридического обеспечения.

Цель законодателя – не только урегулировать уже существующие общественные отношения, но и обратить внимание на те явления, которые неизбежно должны наступить в общественном развитии, таким образом предусмотрев соответствующий существу отношений правовой режим.

Следует отметить, тот факт, что институт душеприказничества встречается практически во всех современных законодательствах, но лишь некоторые из них позволяют достаточно четко определить правовой режим, в котором действует исполнитель завещания, душеприказчик. Такая определенность предусмотрена нормами Германского гражданского уложения (далее-ГГУ), а также Гражданским кодексом Российской Федерации (далее ГК РФ) (с учетом изменений и дополнений, вступивших в силу 1 сентября 2018 г.). Так согласно ст. 2218 ГГУ к отношениям с участием душеприказчика применяются правила о договоре поручения, а в п. 4 ст. 1135 ГК РФ закреплено, что исполнитель завещания приравнивается к статусу доверительного управляющего. Такой подход в определении правового статуса исполнителя завещания, душеприказчика сориентировал правоприменителя на определенность режима деятельности лица в чужом интересе, что позволяет конкретизировать его права и обязанности, а следовательно повысить степень обеспечения интереса лиц в пользу которых исполняется завещание.

При оценке норм наследственного права некоторых кодексов европейских государств и государств постсоветского пространства, на предмет сво-

боды усмотрения при исполнении поручения исполнителем завещания, душеприказчиком, обращают на себя внимание содержание формулировок определяющих его действия. В одном случае он «должен», в другом «обязан» совершить определенные в законе действия. На основании долженствования в деятельности исполнителя завещания построены нормы наследственного законодательства Республики Беларусь (п. 2 ст. 1053 ГК), Республики Казахстан (п. 2 ст. 1059 ГК), Российской Федерации (п. 2 ст. 1135 ГК), Республики Таджикистан (п. 3 ст. 1164 ГК), Республики Польша (п. 1 ст. 988 ГК), Французской Республики (ст. 1031 ГК). Исполнение поручения душеприказчиком в форме обязанности предусмотрено ГК РФ (п. 2.1 ст. 1135), гражданскими кодексами Республики Украина (п. 1 ст. 1290); Республики Молдова (ст. 1480); Республики Туркменистан (ст. 1232). Наиболее содержательно в этом аспекте ГГУ (ст. 2203, 2204, 2215, 2216).

Вместе с тем, в научной литературе справедливо отмечается, что в гражданском законодательстве сложно четко определить круг обязанностей управляющего, их можно представить как совершение в отношении переданного в управление имущества любых фактических и юридических действий.

Следует признать, что возможности исполнителя завещания, душеприказчика на момент открытия наследства определяются исходя из указанных завещателем в поручении действий, а при отсутствии их конкретизации, его возможности в области исполнения завещания восполняются законодательством. При этом закрепленные в законодательстве права и обязанности исполнителя завещания, душеприказчика в виде полномочий (правомочий) усиливают лишь меры превентивного характера, так как классического обязательственного правоотношения не возникает.

Принимаемые исполнителем завещания, душеприказчиком решения относительно исполнения завещания, в отличие от традиционных форм деятельности лица в чужом интересе, реализуются в отсутствие собственника, способного давать указания о ходе исполнения поручения, что характерно, например, для режима договора поручения (ст. 861 ГК); или существующая необходимость лица, которому выдано поручение, согласовывать свои действия с теми лицами, в интересе которых он действует, что предусмотрено для договора комиссии (ст. 885 ГК). При этом последствие проявления самостоятельности исполнителя завещания в делах наследства могут привести к утрате имущества, права на него, возникновению обременительных обязательств и т.п.

Следует согласиться с утверждением, что поручение основано на завещании, но возникает в силу законодательства и в этом смысле представляет собой заложенные в законодательстве возможности исполнителя завещания, душеприказчика, целевое назначение которых определяется поручением. Высказанная в литературе позиция о том, что завещательное распоряжение содержит наряду с поручением указание на полномочие, «не вписывается» в реальную схему исполнения, поскольку на момент вступления в силу

поручения полномочие невозможно предоставить, так как лица, обладающего полномочием, уже нет в живых. Акт наследников нельзя рассматривать также как одно из условий возникновения полномочий, ввиду того, что такие лица на момент открытия наследства не обладают каким-либо правом на наследство, а также они могут быть не единственными, кто имеет положительный или отрицательный интерес к наследству.

Единственный способ повлиять на ход исполнения (как исключение) – это тот крайний случай, когда законодательство допускает отстранение исполнителя завещания по заявлению наследников на основании решения суда (ч. 2 п. 1 ст. 1053 ГК), уволить душеприказчика (ст. 2227 ГГУ)по требованию наследников, в том числе наследственного фонда (п. 2 ст. 1134 ГК РФ*).* Аналогичный порядок предусмотрен и гражданскими кодексами: Украины (ст. 1287), Казахстана (ст. 1059), Польши (ст. 990), Молдовы (ст. 1484) и др.

Проводя анализ законодательства Республики Беларусь и других государств на предмет конкретизации свободы усмотрения при исполнении поручения душеприказчиком, можно выделить два подхода в регулировании данного вопроса.

В первом случае через закрепленные в законодательстве права и обязанности исполнителя завещания, душеприказчика происходит конкретизация его возможностей, тем самым создается определенность в назначении полномочий. Такой подход связан с указанием на определенные действия, которые вправе или обязан совершать исполнитель завещания, душеприказчик. Наиболее содержательно это представлено в ГГУ. Изменениями, внесенными в ГК РФ, произведена конкретизирован ряд полномочий исполнителя завещания, душеприказчика в отдельных областях исполнения завещания. В частности, п. 2 ст. 1135 дополнен п. 2.1, который содержит условие о праве завещателя предусмотреть в завещании действия которые исполнитель завещания обязан совершать и от совершения которых он обязан воздержаться. Так, завещатель вправе обязать исполнителя завещания голосовать на собраниях корпоративных юридических лиц или коллегиальных органов управления таких юридических лиц определенным в завещании образом.

Косвенно некоторые распорядительные акты исполнителя завещания по вопросам управления наследством обеспечены ГК Республики Польша (ст. 988).

Другой подход, заключается в том, что законодательством не конкретизируются права и обязанности исполнителя завещания, душеприказчика, а определяются лишь общие направления его деятельности. Такой подход закреплен законодательством Республики Беларусь: в целях исполнения воли наследодателя исполнитель завещания вправе от своего имени вести дела, связанные с управлением наследством и исполнением завещания, в том числе в суде, других государственных органах (п. 3 ст. 1053 ГК). Схожий режим предусмотрен гражданскими кодексами Украины (ст. 1290 ГК), Казахстана (ст. 1090 ГК), Молдовы (ст. 1480 ГК), Таджикистана (ст. 1164 ГК), Туркменистана (ст. 1232 ГК).

Резюмируя изложенное, можно сделать следующие заключения. Основанные на завещании и возникшие в силу закона полномочия осуществляются исполнителем завещания, душеприказчиком на условиях свободы усмотрения посредством следующих способов и форм их реализации. Во-

первых, это право исполнителя завещания, душеприказчика на совершение собственных действий и, во-вторых, право требовать от третьих (обязанных) лиц совершения определенных действий. Первое реализуется путем принятия самостоятельно или через нотариуса меры по охране наследства и управлению им в интересах наследников. Второе может быть связано с требованием от наследников по завещанию исполнения завещательного отказа или завещательного возложения, от должников наследодателя – выполнения ими своих обязательств.

Рассмотренные подходы имеют общий недостаток, который проявляется в недостаточной нормативной обеспеченности прав лиц заинтересованных в сохранении и приумножении наследства в период деятельности исполнителя завещания. Закрепленная законодательством для исполнителя завещания, душеприказчика свобода усмотрения относительно сделок с наследственным имуществом, не обеспечена определенностью правового режима, закрепляющего возможности деятельности лиц в чужом интересе. Независимо от того, будет ли это режим юридического лица, доверительного управления, поручения, непоследовательность законодателя проявляется в следующем. С одной стороны, свобода усмотрения в деятельности такого лица допускается, а формулы такой свободы не предусмотрено. С другой стороны, отсутствие в законодательстве названной формулы не позволяет признать внешне правомерное но совершенное в ущерб интересам собственника поведение лица недействительным по причине отсутствия целостного механизма, состоящего из нормы, которая указывает на факт действия лица в режиме свободы усмотрения и нормы охранительной направленности.

Такое заключение основывается на следующих фактах:

– правовое положение исполнителя завещания, душеприказчика в объеме и содержании прав и обязанностей аналогично статусу лица, действующего в чужом интересе, обладающего возможностью принимать решения своей волей и по своему усмотрению;

– слабая нормативная обеспеченность прав и защищенности интереса лиц, в пользу которых принимает решения исполнитель завещания, душеприказчик.

УДК 349.233

ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА МАТЕРИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РАБОТНИКА

Процык В.Н.
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

Ответственность играет важную роль в регулировании поведения участников общественных отношений. Она применяется из-за нарушений установленных правил поведения и заключается в наступлении для нарушителей неблагоприятных последствий.

Научно-теоретической основой являются нормативные правовые нормы, труды авторов, рассматривающих вопросы, которые касаются изучения элементов состава дисциплинарного проступка. При написании статьи был использован метод сравнительно-правового анализа. К специальным методам следует отнести формально-юридический метод, методы правового моделирования.

В Трудовом кодексе Республики Беларусь посвящена целая глава материальной ответственности работников. Но на законодательном уровне не закреплено понятие материальной ответственности.

Различные ученые высказывают свои точки зрения, по поводу определения материальной ответственности.

Так к примеру, А.В. Колосовский считает, что: «Материальная ответственность сторон трудового договора – обязанность субъектов трудового правоотношения соблюдать и исполнять возложенные на них обязанности, а в случае виновного нарушения данных обязанностей одной стороной трудового правоотношения, причинившего имущественный ущерб другой стороне, обязанность виновной стороны возместить ущерб другой стороне в пределах и порядке, установленных законом» [3].

По мнению М.О. Буяновой: «Материальная ответственность – вид юридической ответственности сторон трудового договора за ущерб, причинённый другой стороне виновными противоправными действиями (или бездействием)» [2]. Более широкое понятие материальной ответственности отобразили К.Н. Гусова, Ю.Н. Полетаева: «Материальная ответственность – это санкция, предусмотренная действующим трудовым законодательством, применяемая к одной из сторон трудового правоотношения с целью возмещения имущественного ущерба за счёт средств правонарушителя» [4].

В статье 400 Трудового кодекса закреплены условия наступления материальной ответственности. Прослеживается принцип презумпции виновности. Материальная ответственность как вид юридической ответственности возникает лишь при наличии ряда обязательных условий юридической ответственности. К таким условиям являются:

1) наличие ущерба, причиненного нанимателю при исполнении трудовых обязанностей;

2) противоправность повеления (действие или бездействия) работника

3) прямая причинная связь между противоправным действием и возникшим у нанимателя ущербом;

4) вина работника в причинении ущерба [1].

Наличие ущерба одно из главных условия наступления материальной ответственности. Так помимо наличия имущественного ущерба у одной из сторон трудового договора, в действиях, повлекших повреждение имущества, должна быть противоправность действия, или же наоборот бездействием, субъектов правоотношений, которые в свою очередь, принесло вред имуществу работника или же работодателя. Так как ущерб может произойти

и по не зависящим от воли сторон событий, такие как землетрясение, и иные действия которые ни одна из сторон не могла предотвратить [2].

Еще одним обязательным условием наступления материальной ответственности, является наличие причинной связи между деянием и последствием, то есть как доказательство того, что вред наступил именно от действий конкретной стороны трудового договора, а не само по себе.

Следующим обязательным условием является наличие вины, то есть совершенное по своей поле действие или бездействие, для нарушения установленных правил. Вина в свою очередь может быть в двух формах: умысел и неосторожность. Вина в форме умысла предполагает сознательное волевое решение субъекта трудовых отношений на нарушение установленных правил поведения. Вина в форме неосторожности предполагает, когда лицо не предвидит последствий своего противоправного действия или бездействия, хотя должно было предвидеть, но легкомысленно надеется их предотвратить.

В связи с этим рассмотрев различные подходы к определению данного понятия, можно прийти к некому выводу. В самом общем виде материальная ответственность сторон трудового договора – это обязанность одной стороны трудового договора возместить ущерб, причинённый имуществу другой стороны трудового договора, наступивший в результате неисполнения, или ненадлежащего исполнения стороной обязанностей, возложенных на нее другой стороной возложенных на нее трудовых обязанностей. Для наступления материальной ответственности в трудовом праве необходимо наличие трудовых отношений. Обязанность доказать наличие и размер ущерба лежит на стороне которой причинён ущерб.

Список использованных источников

1. Трудовой кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 26 июля 1999 г., № 296-З: принят Палатой представителей 8 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г.: текст Кодекса по состоянию на 25.07.2018 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

2. Трудовое право: учебник / В.Н. Артемова [и др.]; под общ. ред. В.И. Семенкова. – Минск: Амалфея, 2006 – 559 с.

3. Комментарий к Трудовому кодексу Республики Беларусь: для профессионалов: в 40 вып. / гл. ред. В.И. Кривой. – Могилев: Могилевская областная укрупненная типография, 2007

4. Полетаев, Ю.Н. Материальная ответственность сторон трудового договора / Ю.Н. Полетаев. – М.: Городец-издат, 2003 – 135 с.

УДК [334.72:342.7:304.4](476)

СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: МИРОВОЙ ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Салахова Ю.Ш., Позняк Н.С.
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

Одним из главных направлений деятельности Республики Беларусь является обеспечение реализации гарантированных социальных прав гражданам. В данном контексте, социальная направленность – основное условие формирования политики государства, в том числе экономической, что подтверждается 1 ст. Конституции Республики Беларусь [1]. Подтверждение такой направленности в первую очередь подтверждается объемами тех финансовых ресурсов, которые направляются государством на социальную политику и социально-значимые сферы, такие как здравоохранение, образование и т.д. Экономика страны непосредственно влияет на развитие социальных векторов государства. В условиях замедления темпов экономического роста наблюдается снижение ресурсов на проведение активных социальных преобразований. Поэтому возникает необходимость поиска альтернативного подхода к обеспечению государственной социальной политики.

Исследованию концепции развития социального предпринимательства посвящено большое количество научных трудах как отечественных, так и зарубежных авторов. В работе проведено исследование содержания категории «социальное предпринимательство» и выявлены правовые основы его функционирования. В процессе исследования были использованы общенаучные методы: анализ и синтез, метод моделирования и др.

Цель исследования: с научных позиций провести анализ содержания категории «социальное предпринимательство» и установить его место и роль в системе социально-экономической политики.

Проведя анализ теоретических и практических основ реализации концепции социальной направленности государственной политики, приводимых отечественными авторами, можно заметить указания на то, что решение социальных проблем лежит в правовом поле исключительно государственных органов. Однако, в зарубежных развитых страны к решению социальных проблем привлекается общество путем формирования институтов социального предпринимательства, являющегося одним из инновационных способов социально-экономической деятельности [2,3]. В данной категории мы можем проследить симбиоз социальной направленности и предпринимательского новаторства, позволяющий как достигать высоких финансовых результатов самим предпринимателям, так и устойчиво ускорять темпы социально-экономического развития.

В основе социального предпринимательства лежит активная деятельность малого и среднего бизнеса, которая направлена на решение социальных проблем общества.

В законодательстве Республики Беларусь нет официального закрепления термина «социальное предпринимательство», хотя первая практика его работы уже существует. В основном это некоммерческая и благотворительная деятельность общественных организаций с привлечением государственных средств и грантов. Примеры таких организаций уже существуют в отдельных регионах Республики Беларусь.

Оценка мирового опыта развития социального предпринимательства позволяет разделить страны, реализующие данную концепцию, на два блока:

- страны, которые причисляют социальное предпринимательство к частному сектору, то есть преследуют две цели: извлечение прибыли и достижение социального эффекта;
- страны, которые причисляют социальное предпринимательство к «третьему сектору», как к подтипу некоммерческой организации.

Соединенные Штаты Америки являются подходящим примером первой категории стран. Социальное предпринимательство (socialenterprise) в США имеет ряд специфических отличий от европейского и азиатского подходов. Американские социальные предприниматели в первую очередь организуют свой бизнес в социально-значимых сферах с применением механизмов благотворительности [4]. Так компания TomsShoes (TOMS) реализовывала бизнес модель «Концепция один к одному» (oneforone): с каждой приобретенной в их магазине парой обуви, TOMS жертвует пару обуви нуждающемуся ребенку из Африки. Стоит заметить, что в США нет закрепленного законодательно «социального предпринимательства», однако некоторые Штаты Америки разработали системы признания отдельных коммерческих организаций таковыми, разделив их на два блока [4]:

- низко-доходнаякомпания (low-profit limited liability company – L3C);
- социальнаякорпорация (benefit corporation - BC).

Статус социального предприятия подтверждается сертификатом. Каждый штат устанавливает свои требования для присвоения соответствующего статуса. Только та организация, которая получила статус L3C или BC, и который в свою очередь был признан на федеральном уровне, сможет претендовать на налоговые льготы.

Главное различие L3C и BC заключается в целевой направленности их деятельности. В низко-доходныхкомпаниях деятельность направлена на извлечение прибыли, однако только посредством реализации социально полезных целей. А в социальной корпорации деятельность в первую очередь должна быть направлена на решение социальных проблем, что, в свою очередь, ограничивает корпорации к максимизации прибыли.

Государственная поддержка социальных предприятий осуществляется в виде [4]:

- стимулирование социальных инноваций;
- создание благоприятных условий для развития социальных инициатив;
- признание и поощрение успешных социальных инициатив;

- помощь в распространении и развитии успешных социальных инициатив;
- распространение информации об эффективности социального предпринимательства

Особенно важным является предоставление государством грантового финансирования проектов социального предпринимательства на ранних стадиях развития.

Также поддержка социального предпринимательства осуществляется и негосударственными структурами, такими как Альянс Социальных предприятий (SocialEnterpiseAlliance), фонд Ashoka и другие организации.

Помимо коммерческих организаций в сфере социального предпринимательства выделяют также некоммерческие организации и гибридные (сочетают в себе характеристики коммерческих и некоммерческих организаций).

Великобритания относится к странам, которые причисляют организационно-правовые формы социального предпринимательства к подтипу некоммерческих организаций. Так, по законодательным актам Министерства торговли и промышленности Великобритании социальное предпринимательство понимается как социально-ориентированная предпринимательская деятельность бизнес с обязательной пометкой о том, что прибыль от такой деятельности «принципиально реинвестируется в дальнейшее развитие этого бизнеса или местного сообщества, и не используется для максимизации доходов совладельцев или собственника предприятия» [5].

В Великобритании существует специальная организационно-правовая форма для социального предпринимательства: компания интересов сообщества (communityinterestcompany - CIC). Однако для создания такого вида деятельности учредители могут выбрать любую другую организационно-правовую форму. В то же время, социальные предприниматели в Великобритании имеют ряд льгот:

- упрощенным порядком регистрации;
- гибкий подход к формированию структуры организации;
- возможностью блокировки активов;
- реинвестирование 2/3 прибыли в решение социальных проблем.

Необходимо так же заметить, что все же за ними ведется жесткий контроль со стороны государства за соответствием уставных целей компании интересам общества [6].

Для распространения практики внедрения концепции социального предпринимательства были приняты четыре стратегии-программы, которые включают в себя:

- нормативно-правовое регулирование такой деятельности;
- систему бизнес-поддержки;
- систему обучения и популяризации социального предпринимательства;
- создание инвестиционного фонда для поддержки такого вида деятельности;

- содействие выбору социально ответственных поставщиков при осуществлении государственных закупок;
- увеличение возможностей финансирования из различных источников финансовых ресурсов;
- содействие улучшению профессиональной подготовки и др.

На сегодняшний день нет четкого различия между социальным и иным предпринимательством во многих странах, что затрудняет процесс внедрения такой концепции. Другими словами, категория социального предпринимательства находится на стыках:

- коммерческой и некоммерческой деятельности;
- экономического и социального вида деятельности;
- ценностного и рационального подходов.

Социальное предпринимательство при его внедрении в социально-экономическую систему государства может в перспективе привести к: привлечению использования альтернативных человеческих или материальных ресурсов: трудоустройство инвалидов, бывших заключенных, люмпенов или вторичное использование отходов производства и так далее.

Что касается развития социального предпринимательства в Республике Беларусь, то оно находится на стадии становления: открыты организации с инновационными идеями, проводятся публичные столы и дискуссии.

Для дальнейшего полноценного развития социального предпринимательства в Республике Беларусь необходимо:

- сформировать нормативно-правовую базу функционирования социального предпринимательства;
- разработать стратегию развития и поддержки социального предпринимательства;
- создать реестр социальных предприятий;
- проводить мониторинг социально-ориентированной деятельности;
- разработать механизмы льготирования и субсидирования социального предпринимательства;
- оказывать юридическую и бухгалтерскую поддержку.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 62 с.

2. Жохова, В.В. Социальное предпринимательство: концепция, сущность и значение / В.В. Жохова // Современная конкуренция. – 2015. – №4. – С. 77–99.

3. Salakhova, Y. The sustainability analysis of the investment and innovation environment of belarus for the development of venture entrepreneurship / Y. Salakhova // European and National Dimension in Research : Materials of VIII Junior Researchers' Conference, Novopolotsk, April 27-28, 2016 : in 3 p. – Novopolotsk : PSU, 2016. – Part 2. – P. 167–170.

4. Вайнер, В.Л. Опыт развития социального предпринимательства в США / В.Л. Вайнер, М. Гульбекян [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.slideshare.net/Vovainer/ss-36115255. – Дата доступа: 21.04.2019.

5. Волкова, М.С. Понятие социального предпринимательства и его критерии / М.С. Волкова // Социально-экономические явления и процессы. – 2015. – №9. – С. 39–48.

6. Гришина, Я.С. Британская компания общественных интересов (community interest company) как оптимальная модель социального предприятия / Я.С. Гришина // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция. – 2015. - №3. – С. 187–191.

УДК 339.727.22(476)

ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА В РЕСПУБЛИКУ БЕЛАРУСЬ

Янкевич Е.М., Ильин Е.А.
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

Республика Беларусь – одно из перспективных государств, куда имеет смысл вкладывать средства для получения экономического и социального эффекта. На сегодняшний момент, привлечение иностранного капитала в нашу страну – это возможность укрепить внутреннюю и внешнюю экономику Белоруссии. Наше государство сегодня – это выгодная платформа для открытия новых предприятий, создающая благоприятные условия эффективного ведения бизнеса и получения доходов.

Все отрасли экономики Республики Беларусь открыты для инвестиций, в том числе, иностранного капитала. Одним из преимуществ для зарубежных инвесторов является стратегическое географическое положение Белоруссии. Наша страна – так называемый “коридор” между Западом и Востоком. Беларусь – транзитная страна, множество товаров различного назначения каждый день транспортируются через наши территории в другие государства, с которыми проводится эффективная внешняя торговля.

Государство ответственно относится к капиталу иностранных инвесторов, защищает их права на территории нашей страны. Специалисты в области экономики и права разработали прогрессивное экономическое законодательство Республики Беларусь, также принят Инвестиционный кодекс – единственный среди стран-участниц СНГ, который регулирует всю инвестиционную деятельность в стране. Руководство Республики Беларусь стремится создать наиболее благоприятные условия ведения бизнеса, тем самым, повышая конкурентоспособность экономики нашего государства на международной арене.

Огромные усилия каждый год прикладываются для повышения инвестиционной привлекательности страны. Следует отметить увеличение размера инвестиций в основной капитал (сфера производства и сфера услуг) в

2018 г. по отношению к 2017г. на 3218 млн. руб. в текущих ценах или на +15,3%[1, с.43]. Положительным является факт увеличения на 2 процентных пункта размера инвестиций за счет собственных источников финансирования организаций. Руководство страны проводит обширные реформы, направленные на укрепление престижа белорусских организаций на международной экономической арене. Совершенствуется налоговое законодательство, ограничивается вмешательство органов государственного управления в сферу бизнеса. Политика и бизнес – это две стороны одной медали, в то же время, данные понятия необходимо разграничивать.

Инвесторами позитивно оцениваются проведенные реформы в области получения кредитов, налогообложении, а также в сфере внешней торговли. Наша страна обладает высококвалифицированными кадрами в различных направлениях деятельности, что говорит о развитой системе образования в государстве. Научно-технический потенциал позволяет более плодотворно реализовать капитал иностранных инвесторов для получения выгоды для Белоруссии и лиц, деньги которых, были привлечены в нашу экономику. Стабильная социально-политическая ситуация говорит о целостности страны, отсутствии региональных и национальных конфликтов – это всё твёрдые гарантии сохранения и преувеличения вложенного капитала иностранного инвестора.

Государство гарантирует инвестору право на защиту прав и законных интересов, независимо каким социальным статусом обладает человек, инвестирующий свой капитал. Также, гарантируется возмещение убытков и вреда, причинённого инвестору в результате действий каких-либо органов государственного управления[2]. Беларусь является страной-участницей многосторонних международных договоров, из этого следует, что государство уважают и проявляют доверие к его руководству.

Отмечаются перспективы инвестирования в Парк высоких технологий Республики Беларусь. Программирование – одно из стремительно развивающихся отраслей в сфере информации и связи. По статистике, приведённой интернет-ресурсом Belstat.gov.by, поступления иностранных инвестиций на финансирование развития сферы информации и связи составляют 573,1 миллионов долларов США[1,с.66]. На территории нашей страны работают специалисты из различных ведущих мировых IT-компаний.

Большая часть привлечённых средств зарубежных инвесторов за 2018 год, по данным Belstat.gov.by, пришлось на оптовую и розничную торговлю, а также на ремонт автотранспорта – 4 248, 8 миллиона долларов США. Из этого следует, что выбранное иностранными инвесторами направление экономики является перспективным и доказало свою продуктивность, ведь вкладчики не просто так финансируют выбранную сферу, а, следовательно, проводят анализ и прогнозируют примерную выгоду и прибыль. В таблице 1 показана структура инвестирования по видам экономической деятельности в Республике Беларусь.

Таблица 1. Динамика и структура инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности за 2017–2018 гг. (в процентах к итогу)

Показатели	2017 г.	2018 г.	Измен. п.п.	
Инвестиции в основной капитал:	100	100	-	
из них: Сельское, лесное и рыбное хозяйство	11,6	11,1	-0,5	
Промышленность	39,2	38,4	-0,8	
Строительство	1,1	1,3	+0,2	
Оптовая и розничная торговля, ремонт автомобилей	3,2	3,6	+0,4	
Услуги по временному проживанию и питанию	1,4	0,7	-0,7	
Профессиональная, научная и технич. деятельность	0,9	1,0	+0,1	
Образование	1,2	1,5	+0,3	
Здравоохранение и социальные услуги	3,2	2,3	-0,9	
Творчество, спорт, развлечение и отдых	1,4	2,0	+0,6	

Источник: составлено автором по данным Национального статистического комитета[1].

Из данных таблицы видны резервы вложения инвестиций в промышленность Республики Беларусь, которая играет важную роль в экономике страны. Больше всего по удельному весу направлено инвестиций в творчество, спорт и развлечения и в оптовую и розничную торговлю, наблюдается спад инвестирования в такие виды экономической деятельности как здравоохранение и социальные услуги и промышленность. Для Белоруссии перспективно инвестирование в тяжелую промышленность. Наши предприятия по сборке грузовых машин показывают отличные результаты. С каждым годом увеличивается качество производимых машин, а также их количество. Также, грузовые машины, тракторы, автобусы, грузовики экспортируются на международный рынок, в различные страны мира.

Также, хочется отметить, что сильный бренд, на сегодняшний момент, выступает не просто ценным активом. Конкурентная торговая марка является и источником привлечения в бюджет крупных инвестиций. Помимо прочего, известный бренд формирует имидж государства на международной арене.

Среди перспективных брендов Беларуси выступают производители машиностроительных гигантов, инновационные IT-компании с мировым именем, различные химические предприятия, а также популярные марки обуви и одежды, натуральной косметики, парфюмерии и ювелирных украшений.

Инвестирование туризма Республики Беларусь также является перспективным направлением, которое может принести вкладчикам огромные прибыли. Так по данным таблицы 1 в 2018 г. инвестиции в творчество, спорт, развлечения и отдых увеличились на 0,6 п.п. Беларусь – это культурно-исторический центр со своей спецификой и особенностями проживавших на данной территории народов. Десятки тысяч туристов каждый год посещают Мирский и Несвижский замки, известные по всему миру. Также, популярны санаторно-курортное лечение и отдых, охота в белорусских лесах – всё это может помочь стабилизировать социально-экономическую ситуацию в стране и принести колоссальные доходы зарубежным инвесторам, если поддерживать данное бизнес-направление.

Следует отметить, что образование в Республике Беларусь также может принести инвестору прибыль (рост инвестиций 0,3 п.п. в 2018 г. по отношению к 2017 г.). Многие иностранные граждане приезжают в Беларусь и получают достаточно высокий уровень знаний, умений и навыков. Строительство общежитий, поликлиник и тому подобных заведений недалеко от учреждений образования различных типов может принести ощутимую выгоду инвесторам.

Таким образом, Республика Беларусь – это одно из государств, куда можно вложить иностранный капитал с колоссальной прибылью для вкладчиков и самой страны. Руководство Белоруссии в любое время открыто для перспективных предложений со стороны физических и юридических лиц зарубежных стран.

Список использованных источников

1. Беларусь в цифрах. Статистический сборник. [Электронный ресурс]. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ Дата доступа: 20.04.2019 г.

2. Экономика Беларуси. [Электронный ресурс]. Посольство Республики Беларусь в федеративной республике Бразилия. Режим доступа: http://brazil.mfa.gov.by/ru/economy/investicii/ Дата доступа: 22.04.2019 г.

УДК 339.924

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕХАНИЗМА ТОРМОЖЕНИЯ РЕИНТЕГРАЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО

Янчук В.А.
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

Необходимость экономической, политической, социальной и духовной реинтеграции Беларуси и России имеет исторические корни. Проявляется это в том, что наши страны были глубоко интегрированы экономически и

политически еще в СССР. С советских времен, к примеру, машиностроительный комплекс Беларуси интегрирован с аналогичным комплексом России на 85%, сельскохозяйственный – на 65, строительный – на 80. В настоящее время около 8 тыс. белорусских и российских предприятий с занятостью более 6 млн. человек, связаны между собой поставками продукции. Всего же в рамках Союзного государства работают более 20 тыс. предприятий в Беларуси и в России.

Высшей формой интеграции двух стран является создание полноценного Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации. В процессе формирования Союзного государства, на наш взгляд, можно выделить три основных этапа.

Первый этап – это этап ускоренной ***реинтеграции*** двух государств. При этом скажем, что самую активную роль в формировании Союзного государства играл и играет в настоящее время Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко. Именно по его инициативе 14 мая 1995 г. в Республике Беларусь состоялся референдум, на который, в частности, был вынесен следующий вопрос об интеграции нашего государства с Российской Федерацией: «Поддерживаете ли Вы действия Президента Республики Беларусь, направленные на экономическую интеграцию с Российской Федерацией?». В результате выяснилось, что 82,4% от участвовавших в голосовании ответили на него – «Да».

8 декабря 1999 г. Президент России Б.Н. Ельцин и Президент Беларуси А.Г. Лукашенко подписали исторический документ «Договор о создании Союзного государства» [2].В январе 2000 года он был ратифицирован парламентами двух государств и вошел **в правовое пространство**. Заметим здесь, что Президент Республики Беларусь А. Лукашенко предлагал более радикальный вариант Договора о создании Союзного государства, который предусматривал введение поста единого президента и создание парламента на основе всеобщих выборов, формирование общего союзного правительства. Однако российское руководство посчитало такое предложение слишком радикальным и оно не было принято. Такое решение, как показало время, негативно сказалось на реинтеграции двух государств.

В соответствии с основными положениями Договора о создании Союзного государства была разработана и принята подробная и конкретная Программа действий Республики Беларусь и Российской Федерации по реализации положений Договора о создании Союзного государства [5]. Главная задача Программы была — определение содержания, этапов и сроков работы по передаче Союзному государству зафиксированных в Договоре предметов ведения, способов законодательного закрепления такой передачи, включая возможное внесение изменений в конституции двух государств, а также организационные рамки этой деятельности в Союзном государстве, создание необходимых союзных или координирующих органов.

Второй этап в развитии интеграции двух государств, на наш взгляд, охватывает период времен с 2002-го по 2013 годы. Для него характерно *искусственное торможение интеграции.* Проявилось это, в частности, в том,

что до сих не в полной мере выполняются важнейшие положения Договора о создании Союзного государства и Программы действий по реализации положений Договора о создании союзного государства. Статья 60 Договора, например, говорит о том, что «законы и декреты предназначены для общего применения, являются обязательными во всех частях и после их официального опубликования подлежат прямому применению на территории каждого государства-участника». Речь здесь идет о первенства права Союзного государства в рамках его компетенции. Далее, статья 62 Договора предусматривает:

1. После вступления в силу настоящего Договора по предложению Высшего Государственного Совета Парламент Союзного государства рассмотрит проект Конституционного акта, определяющего на основе настоящего Договора государственное устройство Союзного и его правовую систему.

2. После одобрения Парламентом Союзного государства проект Конституционного Акта передается президентам государств-участников, а затем в соответствии с их законодательством выносится на референдумы в государствах-участниках.

3. После одобрения Конституционного Акта на референдумах государства-участники вносят необходимые дополнения и изменения в свои конституции» [2].

Чрезвычайно важным для хозяйствующих субъектов всех уровней является и положение статьи 8 о том, что «в Союзном государстве принимаются необходимые законодательные и иные меры по обеспечению равных прав, обязанностей и гарантий субъектам хозяйствования любых организационно-правовых форм, а также гражданам, обладающим статусом предпринимателя, в соответствии с законодательством государств-участников». С тех прошло почти 20 лет, а содержание процитированных статей Договора так и не приобрело материальную основу.

Третий этап начался с 2014 года, когда США и Европейский Союз (ЕС) ввели дискриминационные санкции против России, и продолжается по настоящее время. Это, на наш взгляд, этап *упускаемых возможностей.* В 2015 г., например, белорусско-российский товарооборот сократился почти на 40%. Такая тенденция наблюдалась и в 2016 году. Создание единого рынка электроэнергии российским руководством отодвинуто до 2019 г., а рынок углеводородов, в котором в первую очередь заинтересована Беларусь, прогнозируется сформировать лишь в 2025 году.

Торможение интеграции двух государств, в первую очередь, на наш взгляд, объясняется существенными различиями в национальных экономических моделях двух стран. Какой был выбор у руководства двух стран в начале 90-х годов прошедшего столетия?

Социально-экономическая активность общества, прежде всего, определяется степенью социальной ориентации экономики. По этому признаку на современном этапе развития мирового сообщества, на наш взгляд, можно

выделить три базовые модели национальной экономики: либеральную капиталистическую, социализированную капиталистическую (социальное рыночное хозяйство) и социалистически ориентированную.

Системообразующими социальными индикаторами, составляющими социально-экономическую матрицу базовых национальных моделей, являются: господствующая собственность на основные ресурсы общества; доминирующий социально-экономический субъект; характер отношений между экономическими субъектами; социальная и экономическая роль государства.

Эта точка зрения по поводу классификации национальных экономических систем по признаку социальной ориентации была уже представлена нами в республиканской печати и не встретила серьезных возражений [10] и [11]. В связи с этим укажем на то, что многие обществоведы из постсоветских республик, на наш взгляд, не вполне четко представляют себе, в каком соотношении находятся такие категории, как «социальный» и «социалистический». На это, в частности, справедливо указывает видный белорусский юрист профессор Г. А. Василевич [1, с. 98]. В Конституциях, например, Республики Беларусь, Российской Федерации и ФРГ в качестве сущностной характеристики государства используется категория «социальное государство». Однако при этом ее содержание либо в достаточной мере не раскрывается, либо конкретизируется противоречиво. И с этой точки зрения вряд ли можно согласится с мнением Г. А. Василевича о том, что социальное государство принципиально отличается от социалистического [1, с. 98]. Любое государство по своей природе является социальным явлением, независимо от того нравится нам оно или нет. Сама государственность возникает на определенном уровне развития социальных отношений и выражает либо национальный интерес, либо интересы какого-либо класса. Понятие же «социальный» в свой объем включает, на наш взгляд, и понятие «социалистический» в качестве подчиненного.

В России политическое руководство выбрало и практически сформировало либеральную капиталистическую модель, где господствующим экономическим субъектом является крупный бизнес и его интересы, главным образом, и выражает Президент, Правительство и Государственная дума. Именно этим, в частности, можно объяснить возникающие время от времени запреты на перемещение на рынки России различной белорусской продовольственной и другой продукции (сахара, мясной и молочной продукции и т.д.).

В Республике же Беларусь сформирована социалистически ориентированной экономика с элементами либеральной капиталистической. Отсюда проистекают и различия в экономической и социальной политике двух стран.

Во-первых, модели экономики двух стран отличаются по роли государства в социально-экономическом развитии. В Беларуси впервые была восстановлена система государственного управления развитием национальной экономики, широко применяется программно-целевой метод. В настоящее время реализуется уже пятая программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы. В России же государство занимается главным образом решением социальных проблем и ограниченным

программированием некоторых экономических процессов. При этом допускается практически полная свобода экономического поведения для Центрального банка. В Беларуси же деятельность Национального банка вписывается в экономическую и социальную политику, проводимую Президентом и Правительством страны.

Во-вторых, в Беларуси предпринимается попытка сформировать современную смешанную экономику, в которой естественно бы сочетались рыночный и нерыночный сектора. В России же нерыночный сектор сводится к минимуму.

В-третьих, белорусская модель предполагает проведение сильной социальной политики. В Беларуси степень социальной ориентации экономики выше, нежели в России. По индексу человеческого развития (ИЧР), например, как было отмечено в докладе ООН в 2015 г., Беларусь среди 188 стран, как и Россия, заняла 50 место, хотя ВВП на душу населения в России значительно больше.

Вместе с тем либерально-капиталистическими в России и в Беларуси являются ставки подоходного налога размером в 13%. В развитых странах с социализированной капиталистической ориентацией экономики они является прогрессивными. Пропорциональный подоходный налог не соответствует принципам социальной справедливости и солидарности, которые предполагают перераспределение дохода от богатых к бедным. Этот налог также не является автоматическим регулятором циклического развития национальной экономики. Социально справедливой была бы, к примеру, пятиступенчатая прогрессивная ставка подоходного налога: 0%, 10%, 15%, 20% и 30%. Ставка в 0% предназначена для тех лиц, доход которых не достигает даже прожиточного минимума. Недостаточно обоснованной, на наш взгляд, является точка зрения о, якобы, «целесообразности отделения средств социального страхования от государственного бюджета» [3, с. 252 и 253]. Как показал опыт России, это не совсем так.

Заслуживает пристального внимания и точка зрения автора бестселлера «Капитал в XXI веке» Томаса Пикетти: «Правильное решение заключается во внедрении ежегодного прогрессивного налога на капитал. Это позволит избежать бесконечной спирали неравенства» [4, с.586]

В современных условиях также не просматриваются желание и воля российского руководства к формированию полноценного Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации. Нередки случаи, когда нарушаются уже заключенные договоренности, затрагивающие коренные интересы двух стран. Так, например, несколько лет тому назад Россия вступила во Всемирную торговую организацию (ВТО), не согласовав свою позицию с руководством Беларуси, хотя ранее предполагалось, что Россия, Беларусь и Казахстан будут вступать в ВТО в одно и то же время, синхронно.

Проведенное нами исследование позволяет сделать некоторые выводы и предложить соответствующие рекомендации.

Во-первых, в процессе политической и экономической интеграции Республики Беларусь и Российской Федерации в Союзное государство выделяются три этапа: ускоренной реинтеграции (1996–2001 годы), торможения (2002–2013 годы) и упускаемых возможностей (с 2014 года по настоящее время).

Во-вторых, главной причиной торможения интеграции являются существенные различия в национальных моделях экономики. В России была сформирована национальная модель либерально-капиталистического типа, а в Беларуси — социалистически ориентированная модель с элементами либеральной капиталистической модели. Поэтому необходимым условием эффективной интеграции двух стран в Союзное государство является конвергенция моделей национальных экономик с усилением их социальной ориентации.

В-третьих, создание полноценного Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации предполагает проведение референдума по принятию Конституции Союзного государства, формирование наднациональных органов управления.

Список использованных источников

1. Василевич, Г.А. Конституционные основы Республики Беларусь : учебник / Г.А. Василевич. – Минск : Вышэйшая школа, 2016. – 399 с.
2. Договор о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г. / К единому государству: о создании российско-белорусского государства / под ред. Г.В. Осипова и С.Г. Бабурина. – М.: «Радон-ПРЕСС», 2001. – 360 с.
3. Конституционные основы развития правового социальнго государства в республике Беларусь : учебное пособие / Г.А. Василевич [др.]; под ред. Г.А. Василевича, П.Г. Ниркитенко. – Минск : Вышейшая школа, 2018. – 319 с.
4. Пикетти, Томас (1971-). Капитал в XXI веке / Томас Пикетти. — Москва: Ад Маргинем Пресс, 2016. — 592 с.
5. Программа действий Российской Федерации и Республики Беларусь по реализации положений Договора о создании Союзного государства / К единому государству: о создании российско-белорусского государства / под ред. Г.В. Осипова и С.Г. Бабурина. – М.: «Радон-ПРЕСС», 2001. – 360 с.
6. Янчук, В.А. Белорусская экономическая модель в классификации национальных экономических моделей по признаку социальной ориентации экономики / В.А. Янчук // Право. Экономика. Психология. – 2015. – № 1.
7. Янчук, В.А. Альтернативные варианты экономического развития. Классификация национальных моделей экономики по признаку социальной ориентации / В.А. Янчук // Ч. Беларуская думка. – 2017. – № 11.

СЕКЦИЯ 5
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА

УДК 347.918:347.469.1

ПОНЯТИЕ И ПРИНЦИПЫ МЕДИАЦИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Шматков И.И.
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

Понимание сущности и значения медиации и посредничества необходимо в наше время широкому кругу лиц, поскольку они как способы альтернативного урегулирования и разрешения конфликтов, споров оказывают воздействие практически на все сферы современной жизни [1].

Обращение к медиатору и посреднику «не влечет для сторон негативных последствий, а наоборот, позволяет им сохранить доверительные отношения и продолжить деловое сотрудничество в результате найденного компромисса».

Достоинством медиации является возможность в любой момент до достижения итогового соглашения отказаться от начатого процесса урегулирования спора, не утрачивая права возобновления переговорного процесс. Этим медиация отличается, например, от судебной процедуры, когда отказ истца от иска влечет невозможность в дальнейшем снова обратиться с тем же иском в суд. В то же время в медиации (посредничестве) не утрачивается возможность обращения в суд, если процедура оказалась неэффективной.

В научных и иных публикациях «родиной» медиации чаще всего называют США и Россию. А Беларусь, Литва или Польша почему-то не значатся в числе «колыбелей» внесудебных способов улаживания конфликтов, хотя в исторических документах можно найти иную информацию [2].

Хотя Беларусь и не претендует на роль исторической родины медиации, белорусская традиция применения медиации имеет достаточно давнюю историю. Как свидетельствуют древние белорусские исторические и литературные источники, «история применения этого вида разрешения спора на территории Беларуси насчитывает не одну сотню лет. Так, например первое письменное упоминание о привлечении третьих лиц для участия в разрешении спора на территории Беларуси относится к началу XIII века и содержится в статье 33 Договора Смоленского, Витебского и Полоцкого княжеств с Ригой, Готландской землей и немецкими городами 1229 года. В частности, говорится, что «русину не дати пересуда ни в Риге, ни на Готьском береге, ни Немечичю же платити пересуда в Смоленске или у Князя, или у Тіуна, или урядили будут добріи мужи». Разрешение споров «добрыми мужами» является прообразом современной процедуры посредничества, однако имеет ряд отличий и специфических особенностей. Само значение слова «рядить», в отличие от понятия «судить», по мнению ряда исследователей судопроизводства древних славян, означало, что целью разбирательства являлось не рассмотрение спора в строгом соответствии с нормами законодательства, а

прежде всего примирение сторон, создание некоего нового договора в отношении предмета спора.

Правовое регулирование проведения внесудебной медиации на территории Республики Беларусь осуществляется следующими нормативными актами: Законом Республики Беларусь от 12.07.2013 № 58-З «О медиации» (далее – Закон о медиации); Правилами проведения медиации, утвержденными постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28.12.2013 № 1150.

В рамках Европейского союза существует Директива 2008/52/ЕС Европейского парламента и совета от 21 мая 2008 г. относительно некоторых аспектов медиации в гражданских и коммерческих делах (далее – Директива о медиации), согласно которой медиация – «процесс, в котором две или более сторон спора прибегают к помощи третьей стороны с целью достижения соглашения о разрешении их спора вне зависимости от того, был ли этот процесс инициирован сторонами, предложен или назначен судом или предписывается национальным законодательством».

Нормативное определение понятия медиации в Республике Беларусь дано в статье 1 Закона о медиации, согласно которой медиация – переговоры сторон с участием медиатора в целях урегулирования спора (споров) сторон путем выработки ими взаимоприемлемого соглашения.

В соответствии с пунктом 1 статьи 2 Закона о медиации, медиация применяется при урегулирования споров, возникающих из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности, а также споров, возникающих из трудовых и семейных правоотношений, если иное не предусмотрено законодательными актами или не вытекает из существа соответствующих отношений [4]. Медиация может быть проведена как до обращения сторон в суд в порядке гражданского или хозяйственного судопроизводства, так и после возбуждения производства по делу в суде. Особенности проведения медиации после возбуждения производства по делу в суде определяются процессуальным законодательством.

Но, к примеру, Закон Республики Казахстан «О медиации» предоставляет еще более широкое поле для медиации. «Сферой применения медиации являются споры (конфликты), возникающие из гражданских, трудовых, семейных и иных правоотношений с участием физических и (или) юридических лиц, а также рассматриваемые в ходе уголовного судопроизводства по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, если иное не установлено законами Республики Казахстан, и отношения, возникающие при исполнении исполнительного производства».

Как показывает опыт стран Европы, а также Австралии, Канады и США, участие профессионального посредника делает процесс разрешения споров очень эффективным. Например, в Японии и Китае решение спора до суда считается благоприятной практикой и всячески поощряется [3].

В качестве принципов в медиации (посредничества) можно выделить следующие: добросовестность и беспристрастность медиатора (посредника); полный контроль сторон над результатами процедуры; не конфрон-

тационный характер процедуры; обширный круг возможных взаимоприемлемых решений спора; добровольность, не формальность, независимость; свобода воли, равенство сторон, сотрудничество; принцип самостоятельности сторон; удовлетворение взаимных интересов сторон и сохранение последующих партнерских отношений.

В документах международного характера отражен европейский подход к пониманию принципов медиации (посредничества). Так, рекомендуются принципы: беспристрастности, прозрачности, эффективности, справедливости, конфиденциальности, добровольности, внесудебного характера медиации, компетентности медиатора.

Тем самым существует самый широкий подход к определению возможных принципов медиации (посредничества). Выбор конкретных из них зависит от национальной модели.

Для медиации в Беларуси с учетом национальной специфики актуальны: добровольность; прозрачность процедуры; нейтральность и беспристрастность; конфиденциальность; с принятие равноправного решения; сотрудничество сторон. Согласно п. 1 ст. 3 Закона о медиации основными принципами являются: добровольность; добросовестность, равноправие и сотрудничество сторон; беспристрастность и независимость медиатора; конфиденциальность.

Понимание сущности и значения медиации и посредничества необходимо в наше время широкому кругу лиц, поскольку они как способы альтернативного урегулирования и разрешения конфликтов, споров оказывают воздействие практически на все сферы современной жизни [1].

Суть деятельности медиатора и самой процедуры медиации заключается в том, что посредник оказывает сторонам помощь в достижении соглашения по спору, в примирении на основе определенной техники ведения переговоров, навыков и знаний. В основе медиации лежат такие принципы, как добровольность, добросовестность, равноправие и сотрудничество сторон, беспристрастность и независимость медиатора, конфиденциальность, доверие.

Список использованных источников

1. Бельская И.А. Теория и практика медиации (посредничества) в экономической сфере : учеб.-метод. пособие // И.А. Бельская [и др.]; под ред. У. Хелльманна [и др.]. –Минск : Изд. центр БГУ, 2015 – 231с.

2. Каменков В.С. Где исторические корни медиации? // Вестник Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь. – 2012. – № 3. – С. 70–75.

3. Каменков В.С. Посредничество как способ разрешения экономических споров / В.С. Каменков, А.А. Коробейников // Вестник Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь. – 2005. – № 4. – С. 28 – 29.

4. О медиации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2013 г., № 58-З : в ред. Закона от 05.01.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

УДК 346.34:330:004(476)

НОВЕЛЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ДОГОВОРОВ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Гурщенков П.В.
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

1. Согласно ст. 390 ГК договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. Хозяйственным договором следует признать соглашение, в силу которого одна сторона обязуется в обусловленный срок передать товары, выполнить работы или оказать услуги в сфере хозяйственной деятельности, а другая сторона обязуется принять и оплатить их. В рамках хозяйственного обязательства либо обе стороны осуществляют хозяйственную деятельность, либо ее осуществляет сторона, на которой лежит основная обязанность, характеризующая существо данного договора [1, с. 126–127]. Хозяйственный договор представляет собой наиболее распространенное основание возникновения хозяйственных обязательств. Вместе с тем около 35% споров в экономических судах касается неисполнения договорных обязательств.

В Беларуси с 2017 года развитие правового регулирования договорной работы интегрировано с элементами цифровой экономики. Новое законодательство предусматривает применение цифровых технологий на всех стадиях договорной работы. При заключении договора цифровые технологии освобождают от обмена оригиналами документов, подписания документа, проставления на нем печати и отправки его почтой.

Используемый при подготовке договора компьютерный программный код, содержащий условия сделки, самостоятельно отслеживает действия сторон и автоматически принимает решения по исполнению договора [2, с. 16]. В программный код внести изменения невозможно. Не возникает также поводов для толкования программного кода.

2. Согласно п. 1 ч. 1 ст. 162 ГК сделки (за исключением сделок, требующих нотариального удостоверения, и сделок, указанных в п. 2 и 3 ст. 160 ГК), заключаемые юридическими лицами между собой и с гражданами, должны совершаться в простой письменной форме. Ст. 161 ГК в редакции Закона Республики Беларусь от 17.07.2018 N 135-З под простой письменной формой сделки понимает составление текстового документа, включая документ в электронном виде, выражающий ее содержание, который подписан должным образом уполномоченным лицом собственноручно либо с использованием технических средств, информационных систем, если способ подписания позволяет достоверно установить полномочия подписавшего лица.

Согласно абз. 14 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 28.12.2009 N 113-З (ред. от 08.11.2018) "Об электронном документе и электронной цифровой

подписи" электронный документ - документ в электронном виде с реквизитами, позволяющими установить его целостность и подлинность. Структура электронного документа включает две части. Основная часть излагает информацию, составляющую содержание документа. Реквизиты электронного документа состоят из одной или нескольких электронных подписей, а также могут содержать дополнительные данные, необходимые для проверки электронной цифровой подписи (подписей) и идентификации электронного документа, которые устанавливаются техническими нормативными правовыми актами (ст. 17 Закона № 113-З). Электронный документ приравнивается к документу на бумажном носителе, подписанному собственноручно, и имеет одинаковую с ним юридическую силу (ч. 1 ст. 22 Закона N 113-З). Вместе с тем, электронная цифровая подпись есть эффективное средство криптографической защиты электронного документа.

3. В 2016 г. впервые в хозяйственной практике договор купли-продажи хлопка между резидентами из Китая и Австралии был оформлен смарт-контрактом (smart-contracts). Смарт-контракт отследил выход груза из китайского порта и его перевозку до склада покупателя. Местонахождение груза фиксировалось подключенным к Интернету радиомаячком. Плательщик оплатил товар без предоставления других документов.

4. В нашей стране п. 5.3 декрета Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 N 8 "О развитии цифровой экономики" (далее – декрет № 8) также позволяет резидентам Парка высоких технологий (далее - ПВТ) совершать и (или) исполнять сделки посредством смарт-контракта. Лицо, совершившее сделку с использованием смарт-контракта, считается надлежащим образом осведомленным о ее предмете и иных условиях, в том числе выраженных программным кодом, пока не доказано иное. Согласно данному документу под смарт-контрактом понимается программный код, предназначенный для функционирования в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе в целях автоматизированного совершения и (или) исполнения сделок либо совершения иных юридически значимых действий (п.9 приложения к декрету № 8). В свою очередь, реестр блоков транзакций (блокчейн) представляет собой выстроенную на основе заданных алгоритмов в распределенной децентрализованной информационной системе, использующей криптографические методы защиты информации, последовательность блоков с информацией о совершенных в такой системе операциях (п. 8 приложения 1 к Декрету № 8). Код, в соответствии с которым происходит автоматическое исполнение сделок вне распределительной системы и вне ПВТ, смарт-контрактом не признается. Таким образом, сущностными признаками смарт-контракта определены информационная система и распределенность.

Смарт-контракт, как указано в декрете № 8, введен в качестве правового эксперимента и находится на стадии развития как с правовой, так и с технической точек зрения (блокчейн и иные технологии). Смарт-контракт представляет собой цифровую технологию исполнения предусмотренных законодательством или не противоречащих ему хозяйственных договоров.

Примечательно, что пока он не предусмотрен для сопровождения гражданско-правовых договоров, заключаемых физическими лицами. Пока смарт-контракт предназначен для использования исключительно резидентами ПВТ. С учетом абз. 9 п. 19 Положения о ПВТ, утвержденного декретом Президента Республики Беларусь от 22.09.2005 N 12 (ред. от 21.12.2017) совершение и (или) исполнение сделок посредством смарт-контракта могут осуществляться в том числе в отношениях между резидентами ПВТ и лицами, не имеющими статуса резидента ПВТ.

В последующем логично его распространение и на другие хозяйственные сферы, прежде всего внешнеэкономическую, банковскую и финансовую. Применение смарт-контракта возможно для оформления договора аренды (перечисление платежей в течение всего срока действия договора); договоров энергоснабжения (смарт-контракт может обеспечивать расчеты по показаниям приборов учета реально потребляемого количества ресурсов); для оформления аккредитива (программа осуществит автоматическое перечисление предусмотренной суммы получателю при выполнении определенных в контракте условий).

Совмещенный с технологиями искусственного интеллекта смарт-контракт может стать автономным со своей «волей» участником договорных отношений. Речь идет об электронном лице, наряду с юридическими и физическими лицами.

Правовое регулирование смарт-контракта сосредоточено в его исполняемом коде. Поэтому к нему не применимо в значительной части законодательство, регулирующее традиционные договоры. Это касается норм ГК о заключении, исполнении, расторжении и недействительности договоров. В декрете № 8 не говорится о необходимости сопровождения операций по смарт-контрактам первичными учетными документами; об обязанности раскрытия условий контракта контролирующим органам; о препятствовании отмыванию денежных средств преступным путем.

Смарт-контракт позволяет минимизировать риски персонала при исполнении договорных обязательств, гарантирует конфиденциальность. Контракты хранятся в блокчейн в зашифрованном виде. Его преимуществом также является снижение издержек на сопровождение сделки.

Применение цифровых технологий в хозяйственно-договорной работе предъявляет новые требования к юридическому сопровождению гражданского оборота. Необходимо овладевание знаниями в области цифровых технологий, блокчейн, криптовалют и других новых объектов гражданских прав.

Список использованных источников

1 Сидорчук, В.К. Хозяйственное право : учеб. пособие / В.К. Сидорчук. _ Минск : РИ ПО, 2015. – 316 с.

2. Макаёв, Н.В. / Смарт-контракты в Беларуси, или Что? Где? Когда? / Н.В.Макаёв // Промышленно-торговое право. – 2018. – N 3 – С. 16–21.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Ватыль В.Н. ЕС – Восточная Европа: общность целей и дилеммы реальных интересов 3
Жуков И.Г., Хацук Ж.В. Взаимодействие государств в сфере борьбы с международным терроризмом 6
Плоскунов Д.В., Телятицкая Т.В. Проблематика надзора за исполнением законодательства при административном выдворении за пределы Республики Беларусь 11
Сафонова Т.В. Актуальные проблемы формирования конституционно-правовых основ государственной информационной политики Республики Беларусь 17
Panteleeva Natalia, Shelyagina Anastasia. Criminal liability for violation of the rules on transactions with precious metals and precious stones 21

СЕКЦИЯ 2. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Абдрахманов М.М. Диктаторский режим власти и права человека 24
Алексеенко С.М., Величко В.В. Проблема спорных территорий 29
Ананьев С.С., Берёзко Д.В. К актуальным вопросам влияния искусс твенного интеллекта на права человека 32
Бочков А.А. Судебный прецедент как объект компаративистского анализа 37
Бурьянов С.А. Глобальные перспективы международного права 43
Веташкова Т.В., Романова М.С. К вопросу об альтернативных способах разрешения спора в международном праве 47
Веташкова Т.В., Хилькевич В.В. Конституционное право на юридическую помощь: зарубежный опыт 51
Демичев Д.М. Союзное государство Беларуси и России в минимизации последствий Чернобыльской катастрофы 55
Земчёнок А.С., Шерстобитов А.В. Проблемы международно-правового регулирования использования космического мусора 59
Зыкин Б.В., Зыкина Е.В. Особенности правового регулирования статуса граждан Республики Беларусь в Российской Федерации 61
Ивашкевич Е.Ф. Конституционно-правовые тенденции регулирования современных миграционных процессов в европейских странах 64
Ивонина О.И. Назад к Канту или какой правопорядок нужен миру? Предварительные итоги дискуссий о природе нормативной системы международных отношений 71
Козак М.А. Законотворчество представительных органов как форма осуществления международной деятельности 75

Лавоpенко С.Ю., Ребицкая Е.В. Актуальные вопросы защиты трансгендеров от дискриминации: международно-правовой аспект … 78
Морозов Е.В., Рубо О.П. Понятие, развитие и правовые основы международного космического права как отрасли международного публичного права …… 82
Маркина Н.А. Значение международного сотрудничества в области охраны окружающей среды …… 87
Рожкова А.Ю. Аспекты унификации правовых норм стран-членов ЕАЭС ……..... 90
Сухарев А.А. Интернет как фактор социализации современной молодежи ……..…. 94
Сыновец Д.Ю., Уланович П.С., Шерстобитов А.В. Соотношение национальной регламентации правового статуса беженцев Республики Беларусь и Российской Федерации …… 97
Чеховская В.А., Шерстобитов А.В. Проблемы соотношения норм белорусского уголовного права и международного уголовного права …….. 100

СЕКЦИЯ 3. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

Авдеев Т.В., Годунов В.Н. Непредотвратимость подлежащих возмещению убытков …… 104
Барышев В.А. Прецеденты трансграничных банкротств …… 109
Басалай Е.И. Общие положения законодательства государств-членов ЕАЭС в области установления происхождения детей …….... 113
Губаревич А.В. Потенциальная возможность применения процедуры медиации в налоговых отношенияхво внешнеэкономической деятельности …….. 116
Егоров А.В. Белорусская правовая система в условиях правовой конвергенции …….. 122
Егорова А.Г. Иностранное право и его толкование посредством метода сравнительного познания …… 125
Карпейчик А.Д., Кореневкая Е.Д. Правовое регулирование международного двойного налогообложения ……... 129
Климов Е.А., Берёзко Д.В. К актуальным проблемам охраны авторских прав в сети Интернет …….. 131
Ковалец Е.В., Шимкович М.Н. К вопросу о наследовании в международном частном праве …… 136
Колесниченко А.И., Трацевская Л.Ф. Правовые основы регулирования международных расчетов …….. 141
Колос Г.И., Цегельник О.В. Стабилизационная оговорка как изъятие из принципа национального режима иностранного юридического лица …….. 145
Мороз Н.В., Мороз О.Л. Особенности гражданско-правовой защиты секретов производства (ноу-хау) и коммерческой тайны в законодательстве Республики Беларусь и зарубежных стран …..… 150

Павлыш Э.В. Особенности и экономическое содержание международного сотрудничества в сфере высшего образования …… 153
Преснякова Т.В., Шашкова И.М. Регистрация актов гражданского состояния граждан Республики Беларусь вне пределов Республики Беларусь …….. 158
Сафонов А.И. Национальное противодействие легализации преступных доходов ……..…… 161
Стаценко В.Г. Об особенностях механизма имплементации норм международного права в законодательство Республики Беларусь ……. 163

СЕКЦИЯ 4. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Гуминский М.Н. Характеристика причин и условий совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков с использованием компьютерных технологий …….. 168
Елисеев В.С. Соотношение продовольственной безопасности и положений всемирной торговой организации о сельском хозяйстве …… 171
Казлоўская В.В. Да пытання аб тэрытарыяльных абмежаваннях пры ліцэнзійным выкарыстанні аб’екта прамысловай уласнасці ў сетцы Інтэрнэт …… 176
Николичев Д.Н. О правовом положении исполнителя завещания, душеприказчика …… 180
Процык В.Н. Понятие и структура материальной ответственности работника …….. 184
Салахова Ю.Ш., Позняк Н.С. Социальное предпринимательство в системе социально-экономической политики: мировой опыт и перспективы развития в Республике Беларусь …… 187
Янкевич Е.М., Ильин Е.А. Возможности и перспективы привлечения иностранного капитала в Республику Беларусь …… 191
Янчук В.А. Политико-экономические аспекты механизма торможения реинтеграции Республики Беларусь и Российской Федерации в Союзное государство …… 194

СЕКЦИЯ 5. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА

Шматков И.И. Понятие и принципы медиации: историко-правовой аспект …….. 200
Гурщенков П.В. Новеллы правового регулирования хозяйственных договоров в условиях становления цифровой экономики в Республике Беларусь …….... 203

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Сборник научных статей

Технический редактор *Г.В. Разбоева*
Компьютерный дизайн *Е.В. Крайло*

Подписано в печать 13.05.2019. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 12,74. Уч.-изд. л. 13,59. Тираж 50 экз. Заказ 50.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014 г.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.